

ИЛЬЯ БРАГИН

ИЗБРАННОЕ

Санкт-Петербург
2011

ББК 84.5

Б 39

И.Б. Брагин

Б 39 Избранное / Сборник стихотворений./
Предисл. А. Балабуха // СПб.: «Аура Инфо», 2011.
– 358 с.

ББК 84.5

В девятую книгу петербуржца Ильи Брагина вошли стихи разных лет. Стихи и жизнь — для него суть одно и то же. Он живет собственными стихами и претворяет в них все мельчайшие проявления жизни. Поэт не должен обходить мир, дабы описать и познать его. Поэт обитает в капле воды, но в ней, этой капле, плещется весь океан.

ISBN 978-5-905283-11-2

© И.Брагин, текст, 2011

© А. Балабуха, предисловие, 2011

© ООО «Аура Инфо», 2011

ПОЭТ КАК КАПЛЯ ОКЕАНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представлять Илью Брагина любителям поэзии (а кто еще в наши дни дерзнет взять в руки томик стихов?) не имеет смысла — он достаточно известен.

Зато потолковать о нем и его творчестве — более чем уместно. Разумеется, безо всякого школярского — и тем более, академического — разбора, без разговора о сложности ритмов, разнообразии форм и свежести рифм. Не место всему этому в кратком предисловии, тут пространная и серьезная литературоведческая статья нужна. Да и нам с вами куда интереснее порассуждать о том, что занимает поэта, где таится и чем питается, по блоковского выражению, «сокрытый двигатель его».

На рубеже XIX–XX веков Валерий Яковлевич Брюсов с интервалом в одиннадцать лет написал два стихотворения — «Юному поэту» и «Поэту», в которых сформулировал заповеди стихотворца. И пусть вас не смущает тот факт, что заповеди эти сильно разнятся — настолько, что невольно возникает ощущение, будто юный поэт и поэт — существа разных биологических видов или, на худой конец, личинка и бабочка... Тексты это хрестоматийные, так что приводить их здесь не стану. Замечу однако, что некоторым брюсовским наставлениям Брагин явно следует, хотя не возьмусь утверждать, сознательно или подсознательно, вольно или невольно.

Впрочем, об этом чуть ниже. А пока о самой поэзии.

Она — способ описания, постижения и объяснения мира, причем самый, наверное, древний; все остальные искусства, не говоря уже о науках, родились гораздо позже. Поэзия давно уже вошла в человеческие гены, недаром же почти все дети в каком-то возрасте подбирают пусть даже бессмысленные рифмы, а в отроческо-юношеские лета едва ли не каждый второй или вторая слагают пусть самые убогие, но все-таки вирши, хотя поэтами в профессиональном, а тем более — высшем смысле становятся, само собой, единицы. Как и почему становятся — тайна сия велика есть, и не нам с вами пытаться ее разгадать. Да и важно сейчас другое.

Существуют два встречных и, казалось бы, взаимоисключающих (хотя в действительности — взаимодополняющих) пути познания, в том числе, естественно, и художественного. Один ведет вовне — это постижение мира, а через него уже и себя; в каком-то смысле, путь экстраверта, то бишь человека, отличающегося повышенным интересом к происходящему вокруг, ориентированного на внешние объекты. Другой, интровертивный, обращенный внутрь себя, прямо противоположен; он требует прежде всего самопознания, через которое в свой черед придет и понимание мира. Илья Брагин избрал последний.

*Быть может, все в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов, —*

наставлял Брюсов. Не знаю, как насчет детства и было ли оно у Ильи беспечальным, но с юности (если судить по датировкам в этом томике «Избранного») Брагин именно тем и занимается. По-моему, стихи и жизнь — для него суть одно и то же или, в крайнем случае, две ипостаси одного и того же. Он живет собственными стихами и претворяет в них все мельчайшие проявления жизни.

А вот еще один брюсовский завет: «...сам же себя полюби беспредельно». И ему Илья Брагин тоже педантично следует. Только не подумайте, будто я обвиняю хоть Брюсова, хоть Брагина в эгоцентризме — никоим образом! Речь об ином. В Писании недаром сказано: «Возлюби ближнего своего, аки самого себя». То есть сперва надо научиться любить себя, чтобы потом соизмерять с этим эталоном любовь ко всем ближним и дальним. И Брагин, чьи стихи неизменно проникнуты библейскими ассоциациями, аллюзиями, отсылками и скрытыми цитатами, прекрасно понимает: если творчество поэта проникнуто любовью ко всему мирозданию, она могла родиться только из любви к себе, ибо ненавидящий или презирающий себя способен и вовсе направлять только презрение и ненависть.

Рискну, впрочем, заметить, что в христианском мировосприятии Брагина есть нечто дзэн-буддистское. Ведь дзэн — это способ ощутить свою естественную природу, желания своей души. Цель усилий — стать самим собой и оставаться самим собой каждый день. У каждого человека есть способности, данные ему природой при рождении. Это вов-

се не обязательно способности к какой-то профессии или умению что-либо делать в обычном смысле. Это может быть способность чувствовать, понимать и впитывать, которую без понимания своей природы человек не хочет проявлять, проживая чужую для себя жизнь. Но разве не в этом и заключено назначение поэта?

Его — да и любого художника вообще — любовь к себе проявляется не в самолюбовании и самовосхвалении (это уже тщеславие или, паче того, гордыня). Нет! Художник — не обладатель пресловутого магического кристалла, он сам являет собой некую призму, падая в которую образы окружающего волшебным образом преломляются, расцветиваясь всеми красками. Эта призма — его главный инструмент, и ее надо любить, холить и лелеять, как бережет свой инструмент всякий подлинный мастер. И вот этим — убедитесь сами — проникнута вся Брагинская поэзия.

*Отвечаю: «Меня минуешь —
Вообще ничего не найдешь», —*

обращается он даже к собственной памяти. Ибо поэт — всегда обнимающее и пересотворяющее мир Я. И в полном соответствии с этим Брагин признается:

*Но я ищу, смотря на эти лица,
Не то, что есть, а то, что быть могло бы.*

Кстати, об упомянутых «всех красках». Литовская поговорка гласит: «дятел пестр, а мир — еще пестрее». Однако рисуя картину мира, будь то внешнего, тварного, будь то внутреннего, духовного, ни

один художник не пользуется всеми красками, каждому свойственна своя палитра, которая со временем может, конечно, меняться, как высветлил свою, переехав во Францию, Ван-Гог, но для каждого периода остается типичной.

Позволю себе маленькое отступление. Некогда американский прозаик Шервуд Андерсон, восставшая против велеречивости литературы XIX столетия, предложил искусственно обеднять язык. Наиболее ярко это искусство иллюстрирует творчество его верного последователя Эрнеста Хемингуэя. Вдова писателя, Мэри Хемингуэй, отвечая на вопрос польских журналистов, в чем, на ее взгляд, заключаются главный секрет и магия прозы Папы Хэма, ответила: «Очень просто: он знал всего сто слов, — и, выдержав паузу добавила: — Но зато это были самые нужные слова». Метафора, конечно, но весьма яркая и убедительная.

Илья Брагин никогда не пытался обеднить язык. Наоборот, стремился обогащать его, иногда словесной игрой, порою — возвращением в обиход слов редких, подзабытых, маргинальных.

Но ведь тезис-то применим не только к языку, но и к тематике! Он выбрал некий круг своих тем, вроде бы, не слишком широкой. И тут мне на ум пришло одно соображение.

Среди великих мореплавателей, бороздивших Мировой Океан, практически не встречалось поэтов (исключение составляет, пожалуй, только арабский мир, где даже лоции и навигационные наставления составлялись в стихах. В нашей, европейской тра-

диции вы ничего подобного не встретите — даже гениально описавший в своих «Лузиадах» шторм у Мыса Бурь португалец Камозэнс был не судоводителем, а солдатом на борту). Но обязательно ли это?

Подобно Бюффону, способному по одной окаменевшей кости воссоздать весь облик давным-давно вымершего допотопного чудовища; подобно химику, берущему на анализ лишь крохотную частичку вещества; подобно художнику, усматривающему все чудо лунной ночи в блике света на осколке бутылочного стекла, поэт не должен обходить мир, дабы описать и познать его. Поэт обитает в капле воды, но в ней, этой капле, плещется весь океан. Помните, у Маяковского: «...и показал на блюде студня / косые скулы океана»?

Правда, поэту нужен еще читатель, способный увидеть и прочувствовать то, что ему явлено.

Надеюсь, вы из таких.

Андрей БАЛАБУХА

Из книги
«ЦВЕТНЫЕ СНЫ»

* * *

Как не пропеть Творцу хвалебный гимн, –
Кто дал прозрение и горечь речи?
Остался б я незрячим и немым –
И, может, был бы счастлив и беспечен?..

И как, скажи мне, как любить людей,
Отмеченных порока грязной язвой?
Зачем Ты дал пороки разглядеть, –
Я ближнего любить не должен разве?!

Я не судья, – сам грешен, но всегда
Покаяться душа моя готова...
Тебя молю, о Святый Боже, дай
Другим прозрение и горечь слова.

* * *

Ангел мой, повremени,
Допиши до точек строки.
Что с того, что мы одни?
Что с того, что одиноки?

Затаили в душах грусть,
И отбросив слез недужность,
Тяжко тащим сорный груз,
Чтоб познать его ненужность.

Стонут бури, крепок ветер,
И пора бы наддышаться:
Из двух тысяч данных лет
Остается лишь пятнадцать.

Если только доживем
До Вселенского Крещенья,
Ангел мой, уже вдвоем
Мы увидим Воскресенье.

На Васильевском асфальт
Заспешит дождем умыться,
Чтобы звонче прозвучал
Стук ослиного копытца.

Ангел мой, не торопись
Песнь бросать на первом слоге:
Может это и не жизнь,
Но и мы еще не боги.

1985 год

Екклесиаст

Скучно жить – я все познал от небес до ада.
Вот вам Бог, а вот вам грех, – истина проста.
Если было б что еще, – мне того не надо,
Ибо остальное – это, право, – суета.

Сколько масок я носил – ни одна не шла мне,
И оставил я себе лишь беспечный вид.
Пусть в меня летят цветы или даже камни,
Все пушу на самотек, Бог меня хранит.

Сколько книжек я прочел – никому не снилось!
Скольким верам пыл отдал сердца своего!
Об одном теперь прошу, Боже, сделай милость,
Разреши не вспоминать этого всего.

Потому что я устал в помыслах скитаться,
Бесконечно быть рабом величавых грез,
Да и с книжниками мне надо бы расстаться,
Слово делом заменить, чтобы жить всерьез.

Ну, а впрочем, вы, друзья, мне не очень верьте.
Я – великих мудрецов глупый ученик.
Просто от познания я устал до смерти,
И от мыслей тягостных головой поник!

Но зато теперь, Господь, мне не много надо:
Верную подругу да сытные харчи.
Только в жизни ко всему (от небес до ада!)
Разреши оставить мне у себя ключи!

Напутствие

То не беда, что на тебе креста нет,
И без опеки ты и тут и там;
Тем больше, обещаю я, достанет
Крестов твоим распахнутым рукам.

Стремишься ты взлететь и властно
Поспорить с притяженьем тет-а-тет,
Но узкоплечее тебя пугает счастье,
Что может ложью оседлать хребет.

Не бойся, милый, не пеняй на время,
Есть правило: в любые времена
Поэты резво клали ногу в стремя,
Лишь в душу просочится тишина.

Всегда резонен голос человеческий,
И, верно, долго быть ему в чести,
И неумолчен гомон тех наречий,
Что должен ты на свой язык перевести.

Полнолуние

Филин, точно Луны посыльный,
Беспощадно дерет тучи в клочья.
Я пустой, безобразно бессильный,
Словно после медовой ночи.

Весь иссяк до пределов, до донец
И отсек притяженье земное.
Лишь Луна, будто бледный японец,
Наклоняет свой лик надо мною:

В лабиринте своих траекторий,
Без ошибки, плутая, без риска,
Над горящим чешуйками морем
Зависает так низко, так низко,

Что всплывают со дна моря рыбы,
И быстрее восходит семя...
Эхом лес наполняется, ибо
Растянулось пространство и время.

Крикнешь, крик возвращается стоном,
И слюной не слепляется слово.
Воздух дразнит ноздри озоном.
Тишина велика как обнова.

Не с кем, незачем, не о чем, нечем...
Будто после выдоха пуст я.
Я безумен, бессилён, беспечен,
Отлетает листом даже усталъ.

Полнолуние, тщетой просквозило,
Отменив подоплеки хмельные.
А наутро восстанет Светило
Над планетою, словно впервые.

Все согреется: воды и суша,
Уплотнится для мысли основа,
И с восходом опустится в душу
Эта ночь, воплощенная в Слово.

* * *

Мной найдена чудная подоплека
Сосущей длинноты последних дней:
Грядущий миг назначенного срока
Томит меня далекостью своей.
Бог милостив, и буду я излечен –
Года дистанцию, толкаясь, пробегут,
А детонатор нашей скорой встречи
Уже дрожит от поступи минут.

Но между звуками шагов их – в промежутке –
Биенье времени намеренно длинно,
Как разбегающийся взлет болотной утки,
Прокрученный в замедленном кино.
И эта обреченность ожиданья
Жжет ненаписанным Божественным стихом,
Как ненашедшее мой дом письмо с признаньем,
Текст коего, однако, мне знаком.
Как струны к пальцам льнут, боясь молчанья,
Как рвется ввысь каленая стрела,
Как семени – упасть плодом – желанье
Стремит росток струиться стройностью ствола,
Так я, зачаток зрелостей грядущих,
Стихом подхлестываю времени бока,
Чтоб взять барьер и оказаться в райских кущах...
Так к горизонту тянет облака...

Посвящение Анне Ахматовой

Что-то друг мой и писем не пишет,
А ведь знаю – грустит обо мне.
Верно, Бог моих песен не слышит:
Не увидеться даже во сне!

Уезжая, промолвил: «Наверно
Я вернусь, но не помни меня».
Эту заповедь слишком примерно
Соблюдаю я день ото дня:

Вышиваю и что-то читаю,
Мне не нравится главный герой.
И, горячка, постыло считаю
Себя верной и доброй женой.

В Абиссинии вождь чернокожий
Может всадит копьё ему в грудь?
Пощади его, праведный Боже!
И ко мне тоже милостив будь.

Мне осталось одно лишь – томиться
Этой жизнью как праведным сном...
Интересно: к чему это птица
Залетает случайно в окно?

Поль Верлен. Из цикла «Песни души»

Перевод И. Брагина

1

**Любимая, послушай: о ветвях,
Луною сломленных, волшебно и тоскливо
Заплакала, качаясь в зеркалах
Глубоководного пруда, седая ива.**

**И плачет ветер в этот чудный час,
Когда на кубики игрушечные зданий
Ложится небо, обволакивая нас;
И сердце плачет в час очарований.**

2

Как скрипок осенних
Предсмертное пенье
измучило,
Студя мою душу
Тоскливым удушьем
заученно.
Наверное болен
Набат колоколен,
иначе
Зачем обреченно
И ночью и денно
он плачет?
Под ветром холодным
Мечусь безысходно,
безумен.
В смятенье похожий
На лист, что давно уже
умер.

Печальное

Печальный лист, легко застрявший в складках
Наплечного платка. Осенний ветер.
И грусть очей неласковых так сладко
Заполнит все, что будет в этот вечер...

И даже если б счастья было много,
И ты была бы радостна со мною...
Но все равно, запросит неземного
Душа, одетая печальной желтизною.

* * *

**Печальна жизнь и радостно отчаянье,
Поскольку в нем проклятье бытию.
Зачем тебе принес я неприкаянье?
Никто не слышит исповедь мою.**

**И смотришь ты до боли недоверчиво.
И думаешь – всему виной постель.
О, если б ты была всего лишь женщина...
Тогда б меня томил всего лишь хмель.**

**Зачем тебе принес я одиночество?
Везде в избытке этот старый хлам.
Зачем надежду выдал за пророчество,
Сказав, что счастье Бог дарует нам.**

* * *

Лунный свет, как парашют,
Вниз планирует беспечно.
День кривлялся, будто шут,
Вечер – друг мой безупречный.
Ночь скромна, как паранджа.
Точно знаю, есть примета,
Что на ночь смотреть нельзя,
Ведь она – жена поэта.

* * *

Ко мне пришла, пошатываясь, Осень,
Уже успевшая слегка «набраться» –
В истерике швыряет листья оземь,
Не позволяя больше им подняться.

Мертвеюще во тьме лысеет даль, но
Она наводит грусть, совсем не ужас;
И лопаются дни мои печально,
Как пузыри недолгие на лужах.

Я знаю: будет все гораздо лучше,
Но Осени протягиваю руку,
И становлюсь, промокнув, грузной тучей:
Я – Осень. Я заплакал всю округу.

* * *

Подведем итоги: я смят, раздавлен
И сижу с сигаретой среди развалин.
Штукатурка, балки, обломки крыши...
Очевидно, святой из меня не вышел.

И напрасно я делал на это ставку,
Ведь тогда, когда подходил к прилавку,
Мне судьба объяснила почему товары.
Воровство же – достойно небесной кары.

Что ж, придется, пожалуй, мне стать поэтом,
Потому как известно, что в мире этом
Люди любят владеющих тайной слога,
А для этого нужно совсем немного...

Да к тому же я с Богом остался в мире,
И осколки неба в моей квартире
Отражают невидимое глазами,
Так что рано себя омывать слезами.

* * *

Мне кажется, что я уже воскрес.
Мне чудится, что больше нет страдания.
Недавно я времен увидел срез, –
Там для всего найдется оправдание.

Но, брось, не слушай! Что я говорю?!
Во мне живут тщеславие и гордость!
Мне не дойти к Небесному Царю
И не услышать долгожданный голос.

Не думай, что на исповеди вру,
Я просто потерял отсчета точку:
Я вечен, вечен, но вот-вот умру
И вновь воскресну, завершая строчку.

Любовь моя, мятеж во мне возвращен.
И мне ль искать покоя и смиренья?
Но сердце отвечает: «Ты прощен».
И снова Дух приносит вдохновенье.

Я вижу мир, в котором нет греха.
Я прожил день, в котором нет страдания.
Душа моя беспечна и тиха,
Утешена словами оправдания.

* * *

Посвящается другу детства Инне Сидоренко

Мы пойдем с тобой неспешно
по тропинке вдоль деревьев
И плоды сорвем беспечно
с наклонившихся ветвей.
К нам навстречу выйдут звери, –
львы, косули и медведи,
Мы помолимся движеньям
их величественных грез.
И уйдем навстречу утру, и истаем в одночасье.
Нас проводят звери взглядом,
полным грусти и добра.
Что нам жизнь – одно мгновенье.
В нем тоска, истома смерти,
И веселье различимо, словно солнца луч в вине.
Я проснусь немного раньше.
Буду, сон твой охраняя,
Мысли нежности и счастья
в жертву солнцу приносить.
Назовешь меня поэтом. Нет, я просто житель Рая!
Ты со мной, твое дыханье охраняют миражи.
Слышишь шум раскатов пульса?
Это море после шторма
Вымывает из пучины золотые янтари.
Мы пойдем с тобой за ними, и меж мусора и гальки
Мы найдем слезинки солнца
и поплачем вместе с ним.

* * *

Ладно, больше не хнычу, не плачу –
Грусти нет на лице моем.
Но скажи, мы поедем на дачу?
Мы поедем туда вдвоем?

Вечерком у реки погуляем,
Лес во мгле, словно старый монах.
Тишина там повсюду святая,
Не бывает такой в городах.

Жемчугами наземными – росы,
Непривычно нам падать в росу,
И подув в расплетенные косы,
Я к восходу тебя унесу...

А, проснувшись, и холод почуввав,
Мы растопим в доме камин.
А потом тебе расскажу я...
Ты не едешь?! Ну что ж... Я – один.

* * *

Когда пришло на землю лето –
Господь послал цветные сны.
А ты давала мне советы
Из талой, мартовской весны,
Которая была – не «прежде»,
А ожидалась впереди
Вновь воскресающей надеждой...
Но ты сказала: «Уходи!»

А я сражался, да, сражался
С той, что извечно осень ждет,
И в сердце тихо утверждался,
Как в полынье, лиловый лед.
И я смеялся. Ты смеялась.
Мы взяли свет взаймы у сна...
И после лета опускалась
Нам в душу осень... Нет! Весна!

Мизансцена

Во мне родился монолог,
Мне больше нечего бояться!
Ты будешь слышать между строк
И, понимая, улыбаться.

И мы поделим пополам
Мои пустынные подмости,
Ты будешь Ева, я – Адам,
Одежду сбросим мы на доски.

И я продолжу монолог
О сути бытия, сознанья...
Ты сложный выучишь урок,
Решишь домашнее задание...

Быть может, я себя пойму,
В твоих глазах восторг читая,
И научу тебя всему,
Чего пока и сам не знаю.

Зарисовка

Смотрю на Вас сквозь тусклое пространство.
Кафе, застывшее забытым, шумным ульем,
Пижонит скромненьким, потрепанным убранством
Из столиков и разбегающихся стульев.
Сидит приезжий с чемоданом у коленей,
Глаза молитвенно воздев от рюмки рома,
И нос щечочет дух кофейных испарений –
Здесь мило (если знать, что скоро будешь дома).
Там у окна, расположилась стайка
Детей в усах. Их вид и пестр, и пресен.
Один из них затравливает байку,
Уверенный, что очень интересен.
И в фокусе их взглядов неприкрытых
Сидишь ты, как инкогнито – царица,
Уставшая от верных фаворитов,
Поклонников, поэтов – эти лица
Давно не новость. Но иного развлеченья,
Ты не предвидя, их одушевляешь
Улыбкой. Придаешь движения
Вниманьем, и рассеяно... внимаешь.
Ты успокоена, глаза твои потухли,
Ведь никому ты здесь на самом деле
Не дорога и не нужна, а эти куклы,
Умри ты вдруг, не погорюют и недели.
Ты это чувствуешь. Но мантию не к спеху
Снимать: обман пригрел нежнейше.
Ты улыбаешься, нет... прячешься за смехом.
Но одинока от того ничуть не меньше.

* * *

Когда один я, и вокруг мерцают
Забывчиво незапертые люди,
По лицам узнаю их, словно
Я вспоминаю ощущение от романа,
Прочтенного когда-то, и не смутно
Отдельные мелькают сцены,
Как пущенные влет страницы...

Вот оглавление. И теперь яснее
В моем сознание сути сердцевина,
Как дальний человек в трубе подзорной,
Рукой на резкость наведенной скоро.

И горько мне, когда я вижу ясно
Скандалы, растворенные в морщинах,
Репьями в душу залетевшие обиды,
И мести бритву под полой гордыни;
Гроши, неподанные нищим,
Бесслезность плачущих,
И глупость оправданий...

Но я ищу, смотря на эти лица,
Не то, что есть, а то, что быть могло бы:
Избавленные от налета гари
Прекрасного невысохшие грани...

Так, находя в оркестре на гастролях
Знакомое лицо, мы понимаем,
Что виолончелист похож на друга,
Который музыку совсем не любит.

Павловский парк

Парк Павловский... Я в воскресенье
Там побывал, скользнув через забор,
Затеял с птицами и флирт, и разговор,
Их спровоцировав на песнопенье.
Была природа девственно-весенняя!
А я – бессовестный, влюблял в себя простор.

Здесь дышится легко, хоть вдоль аллеи
Простора не достаточно для странствий,
Но в этом ограниченном пространстве
Я на свободе. По полянам меж ветвей
Я, улыбаясь, островками шел, людей
На леса щегольское променяв убранство.

Вдруг озерцо скользящее беспечно зренье
Нашло. В нем тающий ледок размыт водой.
В тиши художник, овсесиленный весной,
Колдует кисточкой играющие тени.
И я, устало преклонив колени,
Припал к земле блаженно головой.

Недоговоренность

Алмаз нуждается в оправе.
А наша совесть – в рубеже.
Господь нуждается во славе?
Молчит мое воображе...

Есть постоянство в перемене.
Есть то, что будит в каждом сне.
Актер нуждается не в сцене –
Поддай ему аплодисме...

Пусть серебром блистает слово,
Но тщетно мнить: оно – казна.
И в мире не найти основы,
В которой не было б изна...

Чаепитие

Тоскую я по чайнику (в натуре),
По клювику его, архитектуре...
Вот он стоит на газовой горелке,
А я глазами тихо движу стрелки
Часов настенных, тех, что над комодом...
Пока огонь подогревает воду.
Я сделаю прекрасную заварку!
Ведь нынче лето и, конечно, жарко.
Я весь вспотел (без всякого кокетства!),
А чай, чтоб охладиться – это средство,
Придуманное в Индии когда-то...
И если брат вдруг шел войной на брата,
Чай примирял. И, думать-то неловко,
Но это, видимо, какая-то уловка,
Чтоб человек, вкусив напиток мятный,
Вдруг понял – жить по-прежнему приятно!
Спел чайник оду... К черту комплименты!
Готовы нужные ингредиенты.
Я заварю. Накрою полотенцем.
И вспомню: с чаем кто-то пережил Освенцим...
Вот, наконец, разбавлена заварка,
Добавлен сахар, и готова чарка.
Звон ложечки о край стакана гулкий...
Чай остывает. Я намажу булку
Толстым слоем «райского» варенья.
И, подышав душистым испареньем,
Я отхлебну и... примирюсь со всеми.
Допью стакан.
Поставлю точку в теме.

Весточка

В воздержанье постном и разночтенье
Я все лето нынче живу на даче.
Много сплю, ленюсь, занимаюсь пеньем,
По лесам хожу, иногда рыбачу...

В жизни сельской милой – своя улада,
Ни экзаменов, ни метро, ни спешки...
Да и что еще человеку надо,
Если в дождь в камине трещат полешки.

Повезло с погодой нам, впрочем, летом:
Знаешь, очень сильно пекло в июле.
Вот и все, дружок, закруглюсь на этом.
А еще меня навещает Юля...

* * *

Лицо твое забыл. Не помню смысл речей,
Произносимых по инерции, а только
Что раньше, как и ты, я был ничей,
Но времени с тех пор прошло не помню сколько.

Как звезды утром – бестелесно глубоки,
Слова придали ощущение разговору
Удобно в слепке поместившейся руки,
Которая ему прилась почти что впору.

Рука и слепок... Потому, на первый взгляд,
К тебе я отношусь, как классицизм к модерну:
Тебе обратен я, однако, слово «брат»
В звучанье этом есть. И это тоже верно.

* * *

Из тех времен до нас дошел торшер
(Я спас его от выброса мамани).
Мы с ним на «ты», точнее на «мон шер»,
Нажми на кнопочку – и ты почти в Nirване.

Со мною дружит также книжный шкаф,
Хотя мрачнее тучи неизменно.
Ему пою про гумилевских я жираф,
Но он считает – плоть жирафа брэнна.

Диван хранит грехи моих отцов.
Когда я сплю, он бредит, как распятый.
С него после просмотра старых снов
Встаю всегда немножечко помятый.

Намолены иконы на стене.
Я намолил их, помолившись «круто».
Но с ними невозможно о вине –
Во мне они находят баламута.

На креслах можно просто не сидеть,
Они и так всегда собой довольны...
А говорили, быт нельзя воспеть!
Гитара со стены мне шепчет: «Вольно!»

Добавлю о столе еще. Хи-хи.
Он друг мне, да, но все-таки Иуда!
Куда пропали все мои стихи?
И взять мне их теперь, скажи, откуда?

* * *

Нынче ветрено и волны с перехлестом.
Скоро осень. Все изменится в округе.
Смена красок этих трогательней, Постум,
Чем наряда перемена у подруги.

И. Бродский

**О, маркиза! Я пишу вам из Лондона.
Ваша тетушка весьма гостеприимна.
She is going now с визитами из дома.
I am smoking прямо в спальне у камина!**

**Мы поладили, хоть не без катаклизма:
Я в беседе уклонился вправо,
Ну, а тетушка – поборник роялизма...
Убеждений – целая орава!**

**В наказание подвергнут я режиму,
Приглашен на чьи-то чертовы крестины,
Под суровым наблюдением всю зиму,
И курить мне можно лишь в гостиной.**

**Впрочем, тетушка мила. Иное – город.
Холод, скука – не сравнить с Парижем.
Сколько в нем я не брожу, задравши ворот,
Ни на дюйм не делается ближе.**

**Вот вчера катался я в таксомоторе,
И оставил кучу денег в ресторане.
Зарулил в синематограф с горя,
Насмотрелся, извините, всякой дряни...**

Булочник, аптекарь, полицейский –
Каждый роль свою играет так исправно!
Мы чужие все друг другу, дескать,
Ну, а ты, мол, чужестранец, и подавно!

Но мораль день ото дня все строже!
Проститутки – даже те скромны и робки!
Что там – горничная хлопнет вас по роже,
Если вы ее пришлепнете по попке!

Ужас! Ужас, о маркиза! И к чему мне
С обученьем приключенья эти?
Не такой уж, право, я и умник,
Чтоб учиться в университете.

Оксфорд! Оксфорд! Философия, науки...
Только снобы, да зануды на поверку.
Здесь на лекциях и мухи мрут от скуки!
Ах, маркиза! Я тоскую по фейерверку!

Вспоминаю ваш домишко под Марселем,
Вспоминаю все грустнее с каждым разом.
Шарля с Полем и стихи Жюли за элем,
Наши милые богемные проказы...

Вспоминаю вас, маркиза, ваши игры,
Ваши выдумки, бесстыжие безумства,
Ваши губы, ваши руки, ваши икры,
Ах, и все ваше альковное искусство!

В нашей жизни лишь любовь и интересна.
К черту Англию! Невыносимо это!
Дотерплю вот до конца семестра,
А потом – поедемте в Сорренто!

Артюре Рембо. «Пьяный корабль»

перевод с французского Ильи Брагина

Избрав дурной расчет, я свой корабль направил
В течения мутных рек, впадающих в пески.
Но вскоре бурлаков моих, вне всяких правил,
Индейцы обрекли не чувствовать тоски.

И в междуречье я, оставшийся без цели,
Отправился искать в иных путях свой кров.
Измерил я собой все омуты, все мели:
Фарватер найден был в одном из рукавов.

Он нес меня к иным морям, к иным просторам.
Я раньше попросту б упал пред ними ниц,
Иль в страхе их познать, именовал бы вздором
Те мощные моря, лишённые границ.

Но я стремился к ним, не зная опасенья,
А в них нельзя войти везущим в трюме хлам;
Их гнев устроил мне лихое очищенье...
Хоть я остался жив, но как? Не знаю сам.

В корабль ворвался шторм,
завитый хлестким смерчем,
И вырвал руль из рук, желая править мной.
Я плавал сорок дней, так яростно заверчен,
Что умереть хотел уже любой ценой.

Тогда-то и утих мой океан, и ночью
Светился в нем планктон метафорой живой.
Очищенный, я мог постичь его воочью.
Я мог остаться в нем, быть во плоти волной.

Входил в меня туман, сосуды расширяя,
И рыжим миражом ласкался, полный лжи.
Обманутый, на то туману не пеняя,
Я у него просил другие миражи.

Обмякший от страстей, я небо ластил взором
И пил, как лимонад, живую синеву.
Глядела вниз лазурь забавно-злым укором;
Но море – неба суть. И, зная, что плыву,

Я гимны пел волнам, в ладонях их упрятан,
По рыхлым облакам о будущем гадал –
И много насчитал провалов там и пятен,
Но пеной Афродиты хищный вал

Меня вдруг уносил из жути злых предчувствий.
Вздымая на себе, давал он наблюдать,
Как противостоит толпе валов кипучей
Гранитный исполин, отвесно правя стать.

Я видел острова, где правят полубоги,
Кентавры служат там Лилеям золотым,
Но край тот сторожат большие осьминоги,
И жаждущих чудес приносят в жертву им.

Там перламутр цветет на гнилой трясине,
И ласки злых пантер приводят в забвенье.
Я прелести вкусил. И раб ее донныне.
Страна чудна, но Бог не жалуется.

Меня спасли от чар оранжевые зори,
Где вечность разлита предчувствием весны.
Я ими поднят был, и я увидел вскоре,
Как управляют всем их светлые сыны.

И я захохотал: скитания бесцельны!
А в подтверждение прозренью моему,
Последний вздох, извергнув пузырем смертельным,
Дремотно пятился утопленник во тьму.

Измерить, не дано глубины эти смертным.
Они объедают все. Их – словом не назвать.
В них можно умереть, но этой круговертью
Нам все равно весь ил до дна не прокопать.

И многие из тех, кто не нашел дороги
В бескрайности морей, уходят вниз, во мглу.
Другое дело я – меня любили боги,
Без них бы я погиб на первом же валу.

Вы скажете: «Устал». Отвечу я: «Едва ли».
Усталость – та же смерть. Не в смерти естество.
Нет, просто не найти во всей горизонтали
Того, кто заставляет всех искать Его.

Нашупав вертикаль, как Бога позвоночник,
Я резво опустил лихие паруса.
Вся жизнь моя была лишь небольшой подстрочник,
И я переводил себя на небеса.

Я поднимался ввысь в восторженном полете,
О коем не мечтал, наверно, и Пегас,
И там увидел я тех ангелов без плоти,
Что только ждут сигнал, чтоб воплотиться в нас.

Но возвращенья час, что кредитор жестокий,
Вернул меня назад к «отеческим брегам».
Меня встречал в порту закат несветлоокий,
Моих сограждан гул, да жирных чаек гам.

Одно себе твержу: «Зачем-то это нужно?»
И не спешу уйти, хоть больше нету сил...
О, Боже! Погляди, вон там – в большую лужу
Мальчишка свой корабль бумажный запустил.

И как же мне теперь? О, Океан! О, Небо!
Переносить всю спесь купеческих судов?!
И слушать песнь глупцов, хвалящих хором Феба,
И утешать в порту печальных, толстых вдов...

* * *

**Золотые мои князья,
Неродившиеся друзья.
Не побрезгуйте мной, простым,
Заклинаю вас всем святым!**

**Положите мне ночь на грудь, –
Потому – без нее не уснуть,
Пусть прохладная сила добра
Грусть вытягивает из ребра.**

**Дождь щекочет водой водосток
И смещается влево восток,
Вся поверхность пространства мокра.
Лунный дождь. Голубая икра...**

**Ночь приклеит ко мне слово «жду».
Бьет источник навстречу дождю
И выводит несвязную вязь,
В пальцы хлынув, загадочный князь.**

**Говорит он со мной через стих:
«Излечись от желаний своих»,
Я не внемлю совету – хочу,
И несходную цену плачу.**

**Как мне вторить благой немоте?
Лучше стих на горячем листе,
Лучше вместе и грезить и знать,
Благо я научился страдать...**

Но ночами уходит тоска,
И слышнее лепечет река,
Улыбается тихо Господь,
И вселенной пульсирует плоть.

Разгулялися в небе стада,
Их любовь горяча без стыда.
Я такой же, о Боже, хочу!
И навстречу пространству лечу...

Это семя великой Игры
Засевает созвездий костры.
Блещет Божья невинная ложь,
Разгорается звездная рожь.

И спешат Золотые Князья
И не ведают слова «нельзя», –
Закрома беззаконий пусты,
Их желанья, как пепел, чисты.

* * *

Помолитесь, друзья, за поэта,
Он родился и умер строкой,
А награда при жизни за это –
Непокой, непокой, непокой...

* * *

На движение призванный

Князем прохладных небес

Я из дома ушел, по дороге теряя свой вес.

Постепенно из жил кровь моя уходила в траву.

Я был жив, но в аорту Создатель вдохнул синеву.

Синева изнутри и снаружи, вверху и внизу

Поднимала меня, как в безмолвии ветер лозу...

Неизвестно откуда послышалось:

«Мысли не хмурь!

Озаряет миры, торжествуя повсюду лазурь!»

Выходили олени с подругами из синевы,

И ко свету во мне обращались с улыбкой на «Вы»,

Поглядите-ка, думали, в жилах его синева...

Поутру поднебесье дымилось, вздыхая едва...

Ветерок мне нашептывал горние тайны без слов,

Небеса, объяснял, – это просто один из миров.

Небеса, понимаешь ли, –

жизни бессмертный родник

И, блажен, кто устами к источнику света приник...

Князь небесный любовью меня согревал.

И, согретый любовью, молитвой я дух озарял:

«Ты меня научил танцевать на ладони луча!

Что бы я без Тебя?..» Улыбаясь, Он не отвечал.

* * *

Так лучезарна жизнь, и радостей так много!
От неба звездного чуть слышный веет звон:
Бесчисленных гостей полны чертоги Бога;
В один из них я будто приглашен.

Как нищий, я пришел, но дали мне у двери
Одежды светлые, и распахнулся мир:
Со стен расписанных глядят цветы и звери,
И сладкозвучен многолюдный пир.

Сижу я и дивлюсь... По временам бесшумно
Дверь открывается в мерцающую тьму...
Порою хмурится сосед мой неразумный,
А я? Я просто радуюсь всему:

И смоквам розовым, и сморщенным орехам,
И чаше бражистой, и дани желтых пчел...
И часто на меня со светлым тихим смехом
Хозяин дома смотрит через стол.

* * *

Хвалу Всевышнему пропеть я не берусь –
Мой голос слаб, слова мои бесплотны.
Молитвы многие я знаю наизусть,
С их ритмом в лад звучит мой дух голодный.

Прости меня, ведь о себе я возомнил,
Что для Тебя я слишком много значу.
Прости, что часть Тобою данных сил
Я врассыпную звездным бисером растрочу...

Прости, что смею у Тебя даров просить,
Как будто недостаточно любви мне,
Но знаешь, я хочу уметь любить,
Людей целить и петь Тебе во славу гимны.

Я рад служить рабом Небесному Царю,
Тому, кто больше, чем поэт и математик.
За все, за все Тебя благодарю:
За мирный дом и за гармонию галактик.

**Из книги
«КРАЕШЕК ЗЕМЛИ»**

* * *

Ничто, мой друг Меркуций, на земле
Не вечно, кроме судорог поэта.
Стекаясь неприкаянно во мгле,
Все музы обожают тело это.
Поэт не может Музу обличать,
Вся жизнь его, мне кажется, подвластна
Тому, что не умел он замечать
Ее шаги. И мучился напрасно.

Он, не заметив Музу, не постиг
Минуту, что родится рифмой строгой...
Поймав мгновенье, что рождает стих –
Он присягнет и Космосу, и Богу.
Он, обреченный мудро говорить,
Всегда стремится быть еще смелее.
И рвенье это надобно простить.
Посланье ж Музы кажется елеем.

Он раб сценария, и слов, и грешных чувств,
Он вас иконою немоленой изранит.
Его глагол – Голгофа, только пуст
Он не бывает, и, лишь солнце встанет,
Устав душой от призрачных измен,
Взойдет на небо непокорным ямбом...
Что для поэта добровольный плен?
Знакомство ветра, птиц, дождя и яблонь.

* * *

Ты сидел на краешке земли
И опять мечтал о колыбели.
Соловьи вокруг тихонько пели
И понять друг друга не могли...

Не завидуй, друже, небесам.
А не то погаснет сигарета...
Небеса прекрасны, как карета,
Только запряжен в нее ты сам.

Посмотри вокруг – какая стать!
Отчего-то хочется быть проще,
Но ответь, молиться в этой роще
Все равно, что безымянным стать?

Я забуду козни и вражду,
Потасую карты солнцепека,
Плутану, как старая сорока,
И в тени прощенье пережду.

Я не зря на свете одинок:
Если тишина мое призванье,
То зачем такое наказанье,
Что на все отпущен Богом срок.

Не поймешь ты этого – влюблен,
Не смотри ты, будто я вельможа...
Ты послушай, ведь душа не может
Быть всегда послушной, словно лен?

Хочется забыть мне твой ответ,
Ты ответил совестно, безгрешно, -
Будто бы я новый, а не прежний:
Зря сказал ты тихо слово «нет».

* * *

Темный сад, освещенный луной.
Я брожу по аллеям – не спится.
Сладко пахнет земной перегной,
Вспоминаются книги и лица.
Ветви яблонь блестят, словно сталь.
Как устала душа от познания!
Но ночная приятна печаль, –
Днем постылы ее притязанья.

Благодарно живя на земле,
Сам я, словно ночная прохлада:
Рад собаке, бегущей во мгле,
И как будто ночная цикада
Ум щекочет: «Душа – вертопрах»...
Сколько можно дивиться бывшему?
Но брожу, словно черный монах,
И молюсь бытию неродному.

* * *

Словно озеро – тихие думы.
Тень березы легла невзначай,
Здесь сомненья мои не угрюмы...
Ты качай ее, ветер, качай!

Пусть листва позабавится властно
Всем, что я напридумал в раю.
Может быть, понимающий ласку,
Ворожкой ей ответик скрою.

Тихо квакнет во тьме лягушонок,
Будто что-то он разоблачил.
Засмеется соседский ребенок,
Умилившись, пойму: без причин...

Тотчас вспомню индейскую притчу,
Что причина нужна дураку...
И уйду, бросив звездам добычу –
Позабытую духом тоску.

Песенка

Есть у меня мечта,
Будет под сердцем тлеть:
Песенка чтоб проста
Вышла б, ну хоть на треть.

Есть у меня дружок,
Мы суета вдвоем,
Если идет снежок,
Думаю я о нем.

Есть у меня портрет,
Я не люблю его.
Кажется, что в нем нет
Имени моего.

Есть у меня луна,
Нету у вас такой.
Если в душе нет дна,
Можно достать рукой.

Есть у меня судьба,
Мера ей – Божья смерть,
Только стихов гурьба
Мне заменила твердь.

Дао*

Живу я на небе как туча,
Дождя от меня нету только...
Ведь солнце, конечно же, лучше
Для путника с верной котомкой.

Как ветер, я важен и славен.
Мне видеть и чувствовать мало.
Чуть день завершается, плавлен,
Я славлю оседлость устало.

В реке я вода. А в альбоме
Я фото ушедшего в вечность.
В камине я мыслю о доме...
В божественном – я человечность.

В открытиях, книгах и вещи
Я – щупальца знания Бога.
Я в кузнице нужен как клещи,
В ребенке меня очень много.

Боятся меня минареты,
Тираны меня угнетают.
И, видимо, ценность монеты
По-разному мной измеряют.

В поэте я спрятан в прорехи,
Богат я в монахе несметно.
Я то, чем большие огрехи
Прощают совсем незаметно.

* Дао – поток сознания

На прогулке

Моей собаке

Я в полночь вышел. По-монашьи
Стихала глупая капель.
И кувыркались мокро пташьи
Райки в ветвях ветлы.
Апрель не чародеем был. Он тихо
Вздыхал над чаркою весны.
И молодой рябины вихрь
Их счастьем верил, но сосны
Был обещан векованьем:
Она стояла, как святой.
Чьему дивимся изваянью
Над этой мокрой суетой!
Дорога, лужами размыта,
Звала в пастушьи небеса.
Благодарила, что досыта
Напоен мир. Я полчаса
Пытал собаку на прогулке:
Мокра трава. Набух росой
Весь лес, звеня капелью гулкой,
Как-будто совестью босой.
Месил я сапогами глину
И время грустью измерял
Затем, что мокрой псины спину
Я видел, но не укорял
Природу: лето, будто рыба,
Плывет попасться в нашу сеть.
Спешим к теплу камина – ибо
Собака может заболеть!

Гроза

На тучи черные смотрю я:
Гроза пришла на континент.
Просвет лишь солнца салютует,
Как несогласный элемент.

Раскаты грома, словно вздохи
Больной души, чьи небеса
От переменных токов плохи.
А у дождя душа боса...

Моих стихов светла «шарашка»,
Пусть громыхают тучи зло.
Зигзаг опять блеснул как шашка.
Да! С небом нам не повезло!

Категорически промокну,
Как куст, что хочет объяснить:
Он не заглядывает в окна,
Желает лишь высоким быть.

Удар! И тут расхохотался
Мой грозный тезка свысока:
«Илья, ты в храме причащался?
Ну, Бог с тобой! Живи пока!»

Когда на небе тучи зыбки,
Я быть богатырем учусь,
Чтоб от одной моей улыбки
В сезоны гроз стихала грусть.

В лесу

Я перестал смеяться и бояться,
И чувства все переkreил в блажду.
Мне больше не приходится являться
Самим собой. Теперь мою судьбу
Подхватят духи доброго соседства,
Святых полян и черноглазых рек.
Они сулят мне что-то по-простецки,
Напутствуют. И то, чем человек
Богат был раньше, – ныне просто мнимость,
И лес мне кажется святей монастыря.
Иконы сосен видеть – Божья милость.
Здесь жить легко! И, если укорят,
То сразу дунет ветер-заправило,
Деревья отрезвятся и простят...
И скажет тропка: «Я вас полюбила»,
Поправит елка скромный свой наряд.

* * *

Осень. Бог оделся в хаки
И ученье проводил.
У одной моей собаки
Все пройти хватало сил.
То кукушка куковала
(Был разведчиком мой дух),
То «братва» атаквала
Слепней, комаров и мух,
Выла у реки сирена,
Собирая свой отряд...
Я едва сбежал из плена!
Много дали мне наград:
Подберезовиков, белых...
Нож мне душу ублажал.
И в сосновых тех пределах
Я наткнулся на ежа,
Как на бомбу! Дождь полился.
Я простил себе грехи.
А душою я молился:
«Божьи промыслы лихи».

* * *

Поговори со мною неспроста,
Зачем печаль тебе так непослушна?
Зачем свобода, если жизнь пуста?
И почему тебе со мной так скушно?

Поговори со мною о простом:
Что означает для тебя прохожий?
Не лучше ли подумать о пустом, –
Сегодня день какой-то непогожий...

Поговорим. Не то спрошу опять,
Зачем твоя краса так бессловесна?
Дай мне отвоевать хотя бы пядь,
Чтобы вздохнуть в тебе полунебесно.

Твой смех похож на тридевять земель:
Во мне глаза твои находят дикость.
Но ум бессовестно изображает мель,
И где корабль, никто тебе не выдаст.

Я чай налью, я посмотрю как вор,
Про «заварушку» что-то брякну мудро.
Мне пяди мало. Нужен и простор,
Не то проснусь не человеком утром.

Но ты молчишь. И я опять хандрю:
Ведь тишина похожа на прощанье.
А ты все привыкаешь к словарю,
В котором Бог оставил завещанье.

* * *

Ты сегодня пришла, чтобы пасть,
Изложить все, что против в душе.
Понял я: настрадаемся всласть,
Ничего не вернуть нам уже.

Захотела, чтоб я был твоим
И свободу решила отнять.
Что за вечная мука: двоим,
Кто сильнее и злей, выяснять.

Мнилось мне, что я мудр и велик:
Я возвышенно что-то прорёк.
Но страшил меня совести лик,
И пролился души пузырек.

* * *

С пристрастьем древнего факира
Своих я заклинаю змей.
То лезет на рожон задира,
То в суматохе лжет плебей,
То хорохорится отличник,
Читая жизни смысл с листа,
То триедин единоличник,
А то зевнет коня простак.

Давно мне змеи надоели,
Но я – факир, мой рай – чалма.
Меня мечты теплом согрели,
Затикал метроном псалма.
На жизни-дудочке играю,
Все жду – когда же ты придешь?
И поведешь – пускай не к раю,
Хотя бы просто заберешь.

Несравненная

Иной рассудок дан мне, и иное
Созвездие мой подстрекает путь.
Благодарю, что не жила ты мною,
Ты похвалу мою легко забудь.
Ты – тайна. Я всегда таю надежду.
Так льдинка органичнее стекла.
Я – строки. Ты легко читаешь между
И вечно бдишь, а мне заволокла
Всю душу радости слепая вера.
Зачем грустна твоя, о, расскажи?
Властней тебя была богиня Гера,
Вольней моих – Олимпа кутежи.
Коль выпадет на этом свете «решка»,
На том я точно Господу солгу.
А вот твои желания безгрешны,
Тебя они, конечно, сберегут.
Орлица ты. А я люблю горенье.
Парение от первого лица
Мне не знакомо, а вот сотворенье
Горы в себе порадует Творца.
Вулкан затих давно. Все страсти смылись.
В изножие его горит костер.
Удельный вес мой мал. Вы удивились?
Орлы не удивляются. Остёр
Мой замысел: сравнить, но без сравненья.
А ты чихать хотела на меня.
И все ж одолевает удивленье:
Моей надежде не хватило дня.

* * *

Появляешься ли в зеркале ты,
Появляюсь ли знакомо в нем я...
Неразборчиво пустотны черты:
Я не твой теперь. И ты не моя.

Словно ярмарка, всеильная жизнь
Нас всевластно увлекает в раек.
Он беспечен, пёстр, и вечен каприз...
Ты смогла б иначе. Да, я тоже б смог.

Хорошо мне полелеять мечту,
Подарить ее тебе, отпустив.
Только эту жизнь хочу или ту,
Знает лишь моих сомнений отлив.

На приливе – вера, и я шучу:
Как волна, ласкаю тщетно песок.
Но чему-то все же дух твой учу:
Как не тыкать дулом боли в висок.

* * *

**Я выполнил свой долг перед тобой,
И что с того, что раны кровоточат?
Зато душа свободна и не хочет
Признать, что бой
проигран был судьбой.**

**Проигран бой. Враг жёстче и смелей.
Ему победа кажется прекрасной...
Но выход есть: быть одиноким властно,
Не в схватке быть,
а воспарить над ней.**

* * *

Я не верю в любовь, я не верю в мечту,
Даже в Бога теперь я не верю почти,
Раньше жизнь я пытался поймать на лету,
А сейчас – не хочу, говорю ей – лети!
То ли порчу по ветру пустил черный маг,
То ли просто мозги у меня набекрень,
Я на крышу свою водрузил белый флаг,
А в любовницы взял одноногую лень.
Ничего не ищу, ничего не хочу,
И совсем ничего не могу я понять.
Точно старый бычок, душу в пальцах верчу –
То ли выпью стонать, то ли выпить и спать...
Я прочел столько книг, я имел столько тем,
Мне казалось, вся жизнь – верховая езда!
Неужели все это лишь только затем,
Чтоб понять, что все тропы ведут в никуда?
Даже ритмы и рифмы отбились от рук,
И пишу, каждый раз втихомолку смеясь.
То ли слух мой угас на неслышимый звук,
То ли с музой у нас незаконная связь?
Говорят мне – будь проще, да я бы и рад.
Но не верят в мою простоту дураки.
То ли горд я не в меру и Бог мне не брат,
То ли берег совсем обмелел у реки...
Я по речке по этой хожу босиком...
К сожалению, это ведь даже не брод!
Вся удача моя вниз ушла косяком.
И стоит на мели развалившийся плот.

* * *

Тусовался я с душой,
Стал от этого большой,
А душа просила мало:
Чтоб не пичкали «лапшой».

Тусовался я с виной,
Стал от этого немой,
А вина просила только,
Чтоб простился грех не мой.

Тусовался я с судьбой,
Принимал мечты гурьбой,
А судьба была такая,
Что проигран каждый бой.

Инок

К чему стремлюсь? Зачем? Не скрою,
Но верю в поперечный смысл:
И если этим удостою,
То грех мой потеряет мысль...

Не чувства это, не забота,
Не промысел, а благодать.
Во мне живет иное что-то,
Что хочется другим отдать.

Подобно тихой акварели
И дуновенью ветерка,
Я слышу *ЭТО* в самом деле,
Как слышит океан река.

Соло

Я не имею нежных чувств,
Простите,
Но я искусство из искусств –
Проситель.
Подайте мне любви чуть-чуть,
Я беден.
И объясните мне, что путь
Не вреден...
Ошибки кружат в небесах,
Как грифы,
И ритмы тикают в часах,
Я рифмы
Расставляю, словно часовых,
По дому,
Потом уйду из головы
Знакомо.
В надежду выйду. Я – живой.
За это
Меня мечта взяла с собой:
Поэта.
Дымит и грезит «Почему?»,
И тает...
И соло вечное в доме
Витает.

* * *

Если я – человек, почему я не нужен?
Все жалеют меня, как Герасим – Муму.
Каждый день собираю я много жемчужин,
Их меняю на хлеб и служу своему
Вдохновенью. Я рад, что вокруг меня братья,
А они так бывают порою горды.
Всё снимают с меня порчи, сглазы, заклятья,
В их душе есть огонь, но мешает мне дым.

Говорят иногда – человек я забавный,
Только жаль, не дано мне быть просто отцом.
Если в вере моей усомнится наш Главный,
Я же стану по жизни обычным жильцом.
Проживаю в квартире, хожу в магазины,
И умею все то, что умеет народ.
Как хотелось бы мне быть немножечко иным
И прославить друзей – человеческий род.

* * *

**Мне мир не снится. Я его читаю.
Здесь тайны душ опасны, как блесна...
И мысли, словно птицы, любят стаю,
И новый день приходит, как весна,
Где разговор подобен урожаю:
Там возраженье сильно, будто жнец.
Я, как детей, слова свои рожая
И похвалы листаю, как слепец.
И здесь сомненья, будто бы оливы,
И аппетит приходит от вины.
И здесь привычки в нас всегда смешливы,
И боги, как ветра, здесь холодны.**

* * *

Мы все в плену, в плену греха,
А друг мой злится.
Такая ночь, и так тиха...
Молиться
Я буду Богу, только тишь
Не отрезвит ли?
Блаженный что ли? Веришь – лишь
Молитвы
Во мне сработают. Стихи
Меня в ту ночь признают;
Лишь Божьи мысли, что тихи, –
Они летают,
Как птицы в детском букваре.
И я, небесности ребенок,
Прошу о вечности, добре,
Но тонок
Снег за окном на деревьях, и
Не коснуться.
Найти мне правду где – во снах?
Проснуться?
Но мучит ночь, как злой дракон.
Терплю во имя
Молитвы: тишь, деревья, сон
Такими.

Память

Озираясь назад, память все подменяет:
Там, где выщерблен день, мнится правил парад,
В апогее томлений, сомнений и мает
Видишь, – ближний, предавший тебя, все же брат.

Там, где был ты влюблен – адвокат Достоевский,
Что там! Сам ты артист, и роман лишь игра.
Дон-Жуан – тоже роль, ты играл ее с блеском,
Контрапункт – покаянье – прошел «на ура».

Там, где был ты не нужен – находишь загадку
И какой-то еще в суете видишь толк.
Ну, а там, где ты слаб и подвержен припадку,
Дурковато душа скажет: «Выполнен долг».

В этом мире, увы, выживает сильнейший.
Если Богом целован, то все нипочем.
Память все подменяет. За это нежнейше
Я пою свою память молитвы ручьем.

* * *

Неба синь. И за синью Арина
Что-то тихо прядет на станке.
Вспоминает поэта, как сына,
Держит пряжу в сухом кулаке,

Словно небо. А в небе – барашек
Тучен. Здесь, на земле, у нас пост...
И ползет по тропинке мурашик
На погост.

А Арина прядет что-то ловко,
Всю избу веселя бахромой.
И заходит к ней в гости золовка
За золой.

Скрипнет дверь, дрогнет сердце у няни:
«То, наверное, Саши душа».
И пошлышится ей, как поманит:
«Хороша!»

И помолит Арина безгрешно
Божью Матерь о голосе том...
А золовка пошутит поспешно
О пустом.

Элемент вода

Она прозрачнее, вода,
Моля природу.
И не уйти мне никуда –
Нет брода.
Я совершенно не такой,
Теченье!
Принес из жизни я простой
Терпенье
И докучаю Богу им,
Познавший,
Что осуждение двоим
Есть – павший.

Не мог я с небом пошутить,
Порочен.
Теперь пора уже просить
Источник.
И я умою руки в ней,
Холодной,
И стану вновь душой своей
Свободный.
Вода по-прежнему течет,
Как тает.
И на поверхности ее
Паук мечтает.

Прыжки с парашютом

Понимаешь, прыжки с парашютом –
Это вроде игры на рояле,
Но без нот. Наступает минута –
И провал. Но тебя ведь позвали...
Небо ждет тебя, словно Даная,
Прыгнешь, вспомнишь зачем-то пилота,
Кувырок – и лети, созерцая
Уплывающий хвост самолета.

Рот разинуть не хочешь, но нужно
Передумать про маму, собаку...
Ах, наверное, это недужно,
Но все время твердишь ты: «Однако!»
Ах, наверное, это не просто,
И все время твердишь ты: «Помилуй!»
Только небо, что твой переросток:
С ним не страшно, но нужно брать силой,
Чтобы Богу ответить: «А сам-то!»

Нужно брать небо силой ветрюги,
Нужно брать его бурей таланта.
Небо сложит и гимны, и фуги,
Накачать его в душу, как помпой,
Отвалить, что корабль от причала.
Падать, словно пушинка, не бомбой,
Чтоб внизу тебя что-то встречало.

**А потом, в кабаке обветшалом,
Ты не сможешь с друзьями смеяться,
Объяснить не сумеешь, и мало –
Должен будешь смертельно «надраться».
Вот прыжок, вот глоток – ты в Нирване.
Люди знают: такая минута.
И глаза отразятся в стакане,
Словно дно твоего парашюта.**

Умиротворение

Я жизнь люблю, как при блокаде крошку.
Алчба всегда во мне важна как сан.
«А ну, почисти-ка, давай, картошку», –
Проста улыбкой, тычет мне маман.

И я верчу картошку, как планету,
И я срезаю чванства кожуру.
И даже Бог хвалил меня за это!
А мама – нет. От смеха я умру.

Вот – половинки. Словно с музой в споре,
В кастрюлю их кладу, неумолим.
Собака улыбнулась в коридоре...
Душа моя ворчит: «Неотразим!».

Домой!

Я причесался мудростью веков.
Завились мысли, словно букли у кокетки.
Мир оказался потрясенным до основ.
Богам попроще не хватило сметки.

Я окрылен был призрачной войной,
Но бог-воитель счел ее ненужной.
Он был смиренен и сказал: «Не ной,
Война должна заканчиваться дружбой».

А бог Меркурий деловито сообщил,
Что слишком часто я являлся на уроки.
«И от того, поэт, ты стал бескрыл,
И ищешь жизни смысл в одном лишь проке».

Верховный бог учил, что быть рабом
Чувств, обстоятельств разных чуть ли не порочно!
Вопрос о смысле ставит он ребром:
Коль смысл не нов, его заменит срочно.

И лишь одна богиня красоты
Польстила мне. Она сказала: «Сударь,
Мне красотой прекрасно служишь ты,
Но красота – на миг. Она нужна как утварь».

Прослушав это, все я рассказал
О том тихонько Господу Святому.
Он мне ответил: «Что ж, душа – вокзал.
Поэт, купи билет и дуй до дому!»

* * *

«Молнией пронесся
Дождь весенний.
Пузыри на лужах расцвели».

Сергей Быстров

**Молнией пронесся дождь весенний,
Пузыри на лужах расцвели.
Я уверовал в свое спасенье,
Спрятавшись на краешке земли.**

**Как весною безупречны ливни!
Круговерть нужна из года в год...
Но иные кровы помогли мне
Спрятать душу от земных забот.**

**Мне помог душой своей безбрачной
Тот, кому шептала мать: «Балуи!»
Изо всей весны своей невзрачной
Помню я один лишь поцелуй...**

**Много ливни пух отлить успели.
Тучи собирались далеко.
Только я остался в том апреле,
И теперь от этого легко.**

**Краешек земли – такая сказка,
Что не тронет и весенний дождь.
Знаешь, для поэтов ласка – каска!
Верю! И сладка мне эта ложь.**

Музе

Я вас люблю, как любят виноград.
Вы рождены метафорой чудесной.
Я видеть вас, поверьте, очень рад,
Но я не местный.
Как молоком я вскормлен тишиной.
Что дать я вам могу? Могу лишь слушать.
Когда остынет соловьиный зной,
Печально души
Запросят вновь алгебраических молитв,
Да чтобы поза в них была небесной.
Тогда исполню вам на флейте я мотив,
И с этой песней
Уйдете Вы в мир непонятных слов,
Где лишь метафоры, сравнения, благозвучье...
А я подумаю, цедя нектар богов,
Что я везучий.

Из книги
«ЧТО-ТО ТАЙНОЕ
В НАС...»

* * *

Тогда Иисус сказал ученикам
Своим: если кто хочет идти за мною,
отвергнись себя и возьми крест свой
и следуй за Мною;
Ибо кто хочет душу свою сберечь,
тот потеряет ее; а кто потеряет душу
свою ради Меня, тот обретет ее.

Евангелие от Матфея. Гл. 16:24, 25.

**За праздной повседневной суетой,
Создатель задал мне вопрос нетленный:
«Куда уйдешь от благодати той,
Что разлита повсюду во Вселенной?»**

**Помешкал я давать ответ пустой.
Во мне свершилось тайное юродство:
Нашелся ключик к истине простой,
Что душу не жалеющий – спасется.**

**Спасут тебя и дождь, и облака;
Возможно, это будет путник встречный...
Вдруг померещится тебе, что жизнь легка.
И эта мысль логично станет вечной.**

* * *

На небе я увидел облака –
Они со мною тихо говорили.
Дорога протекала как река,
По ней неслись, дымя, автомобили.

И было славно. Трудно произнестъ,
Но небо было – словно состраданье.
Светило Солнце, и благую весть
Нам обещала тайна покаянья.

И был оправдан каждый, кто поет.
На Страшный Суд несли мы, как улики,
Движенье Солнца, вольных птиц полет
И отраженные в душе святые лики.

Душа

Жил я славно, имея честь,
С расстановкой жил, не спеша,
Как узнал вдруг однажды: есть
Что-то тайное в нас – душа!

Я спросил о том мудреца.
Он ответил: «Мой друг, не трусь.
На ступенечку у крыльца
Сядь, расслабься, пусть будет грусть».

У друзей спросил на пиру:
«Отчего же грустна душа?»
«А проспись, и поймешь поутру», –
Те сказали, меня смеша.

А подруга решила так:
«Я люблю в тебе стать, лицо.
А душа в тебе – тот чудак,
Что ходил грустить на крыльцо».

Не понять души. Не унять,
Если плачет она, краса...
Просто хочется ей обнять
Ветер, солнце и небеса.

Имярек

Он по жизни был прост, прост,
Все понять он спешил. Спешил
Дотянуться до звезд, звезд,
Пусть не раз согрешил, согрешил.

Он порою был груб, груб,
Но в душе своей чист, чист,
Не любя тех, кто глуп, глуп,
Он срывался на свист, свист.

Он был болен мечтой, мечтой,
Что все люди святы, святы
И прощал жизни той, той,
Где от злости на «ты», на «ты».

Он боялся утех, утех,
Вел большие дела, дела,
Чтоб душой привлечь тех, тех,
Чья печаль не светла, не светла.

И ковал он свой меч, меч,
Как Архангел велел, велел,
Для того чтоб сберечь, сберечь
Тех, кто мал и несмел, несмел.

Он дышал словно пес, пес,
Чуя волчью тропу, тропу,
А душою был бос, бос,
Подражая попу, попу.

Он смеялся ветрам, ветрам,
Солнцу глаз не жалел, не жалел
И всегда по утрам, утрам,
Что-то странное пел, пел.

Он любил поиграть, поиграть
Не в войну, а в слова, слова,
Но за ним была рать, рать,
Что внушает права, права.

А сморит его зной, зной –
Он себя охладит, охладит:
«Я простой, не герой, не герой,
Не пеняйте на вид, на вид».

Это песня о том, о том,
Кто пожил наяву, наяву.
Имя я вам потом, потом
Назову, назову.

* * *

Детство уходит, но остается
Пропуск для жизни на все времена.
Детство во всех нас вроде колодца:
Воду не вычерпать эту до дна.

В детстве вражда так похожа на шалость:
Злая соседка – подразним ее.
В детстве душа моя не искушалась, –
Я, хулиган, но и это – мое!

Так мне казалось, так мне хотелось,
А поругают – как с гуся вода!
В детстве жилось мне, как будто бы пелось,
Кажется, правильно жил я тогда.

Помнишь, влюблялся так, что – навечно,
И по сей день душа не болит.
Время! Уж так ли оно быстротечно?
С детством все время оно говорит.

Здесь ты подрался за правду? – Отлично!
Здесь потерял себя, что же – терпи.
Здесь тебе мстили, но, знаешь ли – лично;
Вобщем, над жизнью своею корпи.

Все не так плохо, – и Карлсон поможет.
Слаб в математике жизни – спиши!
Если ж воскликнешь в смятенье: « О Боже!»
Значит, прощения ждешь для души.

В детстве греха я не ведал и тени,
Ни окаянства, чтоб воду мутить,
Вырос – и понял: для Бога мишенью
Стал, чтоб в десятку мог вечно он бить.

«Боже, прости мне», – молю, как разбойник,
«Дай свою жизнь мне по-детски понять.
В детстве я жив был, а нынче покойник...
Мне бы воскреснуть для жизни опять!»

«Ныне воскреснешь», – ответил Распятый,
«Только сумей, как дитя, быть душой».
Детство, кому-то ведь враг ты заклятый...
Что, если в детстве я был просто *свой*?

Свой, никому не дающий отчета,
Кто мне учитель и кто божество.
Детство, тебя призову. Мне охота
В Боге увидеть твое торжество.

«Как бы...»

Мы живем в государстве
По имени как бы...

Я хочу перед Богом предстать
Как я есть, а не как бы, не вроде...

Евгений Евтушенко

**Как бы дома живу, не в дыре,
Свил гнездо наподобие птахи.
Дом стоит наш при монастыре, –
Мы тут как бы немного монахи.**

**Россы – люд созерцательный мы.
Это «как бы» в душе мы лелеем.
И, поспорь, от тюрьмы и сумы
Мы душой не становимся злее.**

**Этот помысел девственно чист,
Как бы он прибавляет нам силы.
Помню, мне один, как бы таксист,
На маршруте стихи читал! Мило?**

**И идет у нас как бы война.
Но солдатик стреляет не шибко, –
Дома ждет и тоскует жена.
А война – это точно – ошибка.**

На работе твоей как бы шеф
Мозги парил тебе, оглоеду...
Но ведь ты же ушел, не вспотев...
Ты поддерживал чинно беседу...

Как бы дворник, на деле – поэт:
Словно ангел, приносит он вести.
Он оставит в истории след,
Хоть не любит почета и лести.

Как бы комплексы есть у людей.
Присмотрись – будет своеобразие.
Хочешь – «парься», а хочешь – «балдей»,
Вот такое вот разнообразье.

Это «как бы» дает от судьбы
Нам уйти и остаться собою.
И грехи свои как бы избыть,
И упрямо жить как бы с мечтою...

Разговор

...Внезапно ветер налетел,
И волны бросились гурьбою
На этот краешек земли,
Где я сижу от всех вдали
И рассуждаю сам с собою.

Игорь Тальков

**Здравствуй, друг. Мои мысли пусты.
И на жизнь я теперь не ропщу.
Я готов допустить, что есть ты,
Думать так я себя научу.**

**Но ведь ты тоже праздновал жизнь?
Приобрел ли ты силу в Пути?
О догадках своих расскажи,
Словно неуча, в них посвяти...**

**Что для нас этой жизни урок?
Способ боль позабыть поскорей?
Кто же учит нас...Бог или Рок?
Промолчу, ибо мудр, как еврей.**

**Расскажи о надежде своей:
Не погибла она до сих пор
Отчего? Может свет фонарей
В парке вечером радовал взор?**

**Мы героями видим других
И не верим в себя уж давно...
Как героями стать – спросим их?
А они не ответят. Смешно?!**

**Я изгнал все коллизии зла,
Радость стала затмением мук.
Я не грешник – пустой кинозал.
Фильм идет. На экране – мой друг.**

* * *

По старинке я по саду брожу
Ночью, свои думы тая.
Тут стишок тихонько сложу,
Здесь порадуюсь на яблоню. Я
Разговариваю часто с листвою
И на небе звезды все сосчитал.
А душой теперь, о домик, я твой:
Там родители. Я верить устал
В суету, грехи, победы... И тих,
Уговариваю лето – продлись!
И улиток я спасаю, чтобы их
Души-крошки помогли мне спастись.

Ночь

К незакрытой двери на веранду
Мне пришлось спуститься среди ночи.
Пес, глазами испустив ананду, *
Понял: я – индеец, хищно в очи
Заглянуть к нему зашел. Любезно
Пес поднялся. Вывел за калитку
Я его, подумав, что полезно
Кастанеду почитать, и мысль-открытку
Звездам в небо запустил, озябший,
Что земля – прекрасная планета!
Пёс, меня по-своему понявший
Улыбнулся, оставляя мету.
Прогулявшись, мы вернулись с силой.
Фыркнул пёс смешно от наслажденья.
Оказалось, что индеец я «не хилый»...
Вот такое получилось впечатленье.

* *Ананда* – энергия блаженства

* * *

Целовался я с озером летом,
А потом по нему тосковал:
По лагунам теплом разогретым...
Про каскады камней вспоминал...

Бросил я его, словно девицу.
Каково там ему без любви?!
Вдруг взлетев, перелетные птицы
С ним прощаясь, курлычут вдали.

А оно приласкалось к березке
И осинки пунцовый наряд
На ветру примеряет неброско,
А рябины, как щеки, горят.

Чувства озера так непрактичны,
Как шуршанье в тиши камыша.
Грусть туманом прикроет тактично:
Ведь у озера тоже душа...

Ветер

Ветер, слепой нахал!
Дуешь зачем весь день?
Чувство мое украл:
Вот и стою как пень.

Раньше мне ворожил,
Был справедлив – не зол.
Разве я в чем грешил?
Что ты, с ума сошел?

Слышишь, уймись, буйн!
Силу спрячь, ротозей!
Может, ты болен? Пьян?
Нет у тебя друзей?

Ветер ответил: «Нет!»
И налетел на пруд.
Ну, видно я – поэт,
Раз он со мной так крут.

* * *

Добыв приличный маршрут в лесу,
Благо друзья знали лесника,
Корзину в левой руке несу
Полную не грибов – надежд. Пока.
Егерь жил здесь в прежние времена,
Был огород, козы, жена,
Баня была, через речку мост...
Был на пиру заздравный тост...
Впрочем, он и без тостов пил,
Ибо, представь, как в лесу пресна
Жизнь. Спас он душу иль погубил,
Я не берусь решать – затем,
Что о нем вельми добрый слух
Люди пускают, и нет проблем
К этим местам причастить свой дух.

Мост поломался, и дом сгорел.
Еще, слава Богу, никто не «сел».
Пройдя вдоль речки до ивняка
Там, где делает поворот река,
В лес войди и, раскрывши рот,
Будешь ходить по болотам тем,
Будешь полно вкушать от щедрот
Божьих. Хотя то, что я их съем,
Смущает, лучше сказать «лесных»,
Да и в возражении простота.

**Вы лучше-ка расспросите их –
Тех, кто знает в лесу места.**

**В лес входя, лучше спрятать нож:
Так – примета. И на пробор
Канавой расчесанный тихий бор,
Тебе в прическу предложит вошь.
Будешь ходить по болоту, как
Нищий по паперти – верный знак
Узришь. От счастья, что ты мастак,
Подберезовик срежешь
под смачный «чвак».**

**Болота, знаешь ли, про запас
Лес еще держит. Была хотя
Засуха. И не забудь компас.
Заблудиться недолго в лесу. Шутя!**

* * *

Я по лесу бродил, как должник,
А природа лгала, что счастлива.
Я в обман ее сразу вник,
Сострадая округе участливо.

Лес томился мечтою: знать,
Кто здесь бродит меж елок девственных?
Как незваного величать?
Но в ответ я молчал, естественно.

Пень казался мне мудрецом:
Где-то ствол его вобран хатою.
Лес ощупал мое лицо
Паутинкой подслеповатою.

Я тогда ему песнь затянул
И была моя песнь услышана:
Так порывисто ветр вздохнул,
Словно старый поэт – обиженно.

Лес возвышенно бестолков,
Разум чем ему увеличу я?
Но зато я набрал грибов
И вернулся домой с добычею...

* * *

Луна, как слизень, облако проела.
И пусть мои сравнения грубы,
Я оправдаюсь перед вами смело,
Мол, часто в лес хожу я по грибы.

В корзину совести я дни кладу без спешки
И часто тихо восклицаю: «Ба!»
Здесь подберезовики, там две сыроежки,
Тут червяком проточена судьба...

Быть может, сам я гриб с червивой ножкой?
Но шляпка пригодится грибнику!
О, маринад! Боюсь тебя немножко...
Совсем грибник-то, скажут, – стал «ку-ку»!

* * *

Лес молчит. А деревья гудят,
Будто трубы большого органа.
Воздух – мед. Мы вдыхали и яд, –
Тот, что в городе. Здесь пахнет пряно.

Ноздри жадно вдыхают дурман,
Дух брусничный и прелость болота.
Лес пьянит... Но я вовсе не пьян.
Я взрослею в лесу отчего-то.

* * *

Лес опечален осенью слегка –
Как будто бы объявлен карантин;
Но весела походка грибника –
Сюда он ходит, словно в магазин.

Он платит лесу верстами. Устав,
Ругается, но все же не кряхтит.
Хоть лес исхожен – есть свои места,
К тому же он великий интуит.

Как... акушер, он принимает гриб,
Младенческая радость на лице!
Осины листик к лысине прилип,
Добыча – куш, но главное процесс:

Вот так бродить, чтоб лес повеселел,
Порадовался, что полезен он!
Вот снова гриб попался на прицел...
Грибник ликует, будто чемпион!

Охота на грибы – так говорят –
Смиряет страсти и весьма бодрит.
А осени печаль прекрасна, брат,
И незаметна, в общем-то, на вид.

...Снова бабье лето

За окошком бродит тихий ветер.
Месяц охраняет тишину.
Вечер тучи светлые на вече
Созывает – разгадать одну
Важную загадку: помнишь август?
Можно ли пожить еще теплом?
Улетает одинокий аист.
Проводив его глазами, в дом
Я войду, пса милого за ухо
Потреплю – и лягу мирно спать.
В комнате моей летает муха:
Это жизнь. Загадку разгадать
Позволяют верные приметы,
Здесь не нужно даже вещих снов:
На Покров тепло, и бабье лето
Снова к нам пришло без лишних слов.

Смех и плач

Смех и плач – близки, как брат с сестрою.
Ближе не бывает ничего.
Я вчера смеялся над тобою,
Ты сегодня плачешь от того...

Мы с тобою, словно брат с сестрою,
Плачем и смеемся невпопад.
Смех порою кажется игрою,
Плачем награждают, не корят.

Плачь от умиления, сестрица,
Смейся над грехом, и победишь!
Я вчера хотел тебе молиться,
А сегодня посмеялся лишь.

Убежденный чистыми слезами,
Завтра смою смеха торжество.
Это было, было между нами:
Плакало, смеялось божество.

* * *

Накануне большой войны
Я твои целовал глаза.
Были души добром сильны,
Но ждала впереди гроза...

Накануне большой войны
Я смеялся легко над злом,
И не чувствовал я вины,
И рубашку носил узлом.

Вызывая ревность твою,
Точно верил: меня простят.
И царил повсюду уют.
И казалось, что люди спят.

Накануне большой войны
Я себя почитал святым...
Накануне... то были сны,
Легкий, перистый в небе дым.

Иллюзорность бытия

Знаю, кто-то найдет непременно
И вторичность, и вычурность слов...
В век неправды, разврата, измены
Пусть осудят меня за Любовь.

Иеромонах Роман.

Из книги «Пред всеми душа виновата»

**Мы гуляли с тобою по лугу
И сачком наловил я стрекоз.
Солнце нам исполняло, как фугу,
В день тот счастья великий прогноз.**

**Пели птицы. Березы, как арфы,
Эхом вторили: «Хочется жить».
Долетала, наверно до Альфы,
До Центавра любви нашей прыть.**

**А дубы размышляли угрюмо:
«Прославляется здесь человек».
И из век мы, как будто из рюмок,
Пили сладость любви, что навек.**

**Вскоре осень пришла, освистала
Всю листву, и ушли соловьи.
Ты ушла. Мне на память остались
Фотографии только твои.**

**Годы шли. Я простил, и монахом
Отрекаюсь от дел сатаны...
Только все же пою, словно птаха,
Каждый год песни вечной весны.**

**Вечность, время, любовь, быстротечность
Познаю я по тем временам.
Да простит мне Господь человечность
И забвенье пошлет этим снам.**

Одиночество

Посвящается другу детства Инне Сидоренко

Одиночество я раньше не любил;
Не ловил минут уединенья,
Чтоб тревожить прежние сомненья,
Те, что я когда-то пережил.

Одиночество мне грезилося тираном:
Вдруг развеет суетливый пыл,
Назовет людей пустым обманом:
Я же к ним душой привязан был.

Или станет душу мне мотать,
Карандаш подсунет и блокнотик.
И заставит рифмы заплетать
Про глаза, про локоны, про ротик...

Но однажды в нежной тишине
По аллее я гулял весной,
И внезапно ты явилась мне:
Одиночество исполнилось тобой.

Стал любить теперь я в одиночку:
В одиночество я брал тебя с собой,
В небольшую ласковую строчку,
И шуршал в нем небом и листвою.

Одиночества я жду с благоговеньем.
Старые обиды я простил.
Быть с тобой – такое наслажденье!
За тебя его я полюбил!

Воспоминание

Я Вас любил давно. Не слишком ли научно
Свой разум научил в других я зреть богов?
Я пел Вам от души, и получалось звучно.
Коснется песня Вас основой из основ.

Крылатая душа всегда все воспеваает,
И Вы стремились в дух мой нежно заглянуть.
И верил я, что Бог меня опять спасает
От суеты мирской, твердя: «Пребудь, пребудь».

Надеясь, я сбежал от суеты и мает
И вспоминаю Вас, как помнят лишь друзей.
Похоже, но душа моя разгадку знает,
Что в Вас и явь, и сон приятны, как елей.

Но я боюсь слегка: ведь я Вас не придумал,
Живете где-то Вы, забыв мои крыла.
И слышу я в мирах напутствие, как сумму
Минувших Ваших дней, зовущую в дела.

Не могут дни всегда быть святостью крылаты,
Зачем тогда пришел спасать нас Иисус?
Но помнить хорошо и знать, что были Даты.
Утешен разум тем, хоть мысль горчит на вкус.

Я помню только Вас. Пусть песни постарели:
Сбежав от суеты, я мыслю как монах:
И жизнь прекрасна тем, что мы ее воспели,
И радость дня всегда горит во всех мирах.

* * *

**Я крикнул Солнцу заходящему: «Постой!»
И дрогнул горизонт простой скакалкой.
И вышла ты из глубины морской,
В меня влюбленной маленькой русалкой.**

**Поэты Солнцу приказать вольны, –
Я мог бы поступить и бесшабашней...
Твои глаза, как море зелены,
Струили веру глубины всегдашней.**

**Из глаз моих ты радости вино
Пила... Обнять не упустил я шанса.
Ты в море памяти моей живешь давно,
Но в Рождество выходишь утешаться.**

**С тобой давно живем мы, разлучась...
Так Солнца зрак глядел на нас тревожно!
Тебе отпущен морем был лишь час;
Ты улыбнулась мне неосторожно.**

**Тебя, окутав рифмами стихов,
Согрев мотивами своих любимых песен,
Я пригласил к костру трех вещей слов,
Что мир чудесен. Правда, он чудесен?**

**Мы посидели тихо у костра,
Сосредоточенные словно два японца...
И понял я, что в мире нет утрат,
Раз в вышине строптиво медлит Солнце.**

**Оно Христос моей любви к тебе:
Не час, а два мы вместе – Аллилуйя!
Что ж, покорись русалочьей судьбе
И обожги меня медузой поцелуя!**

* * *

Слышу сквозь шорох машины по гравию:
Тихо трава что-то вторит ветрам.
Тормоз скрипит под ногой моей правою:
Я по наклонной качу прямо к Вам.

Вот стрекоза прямо в очи мне глянула, –
Ей интересно, ведь я стрекочу...
С ветки росинка скатилась как гранула,
Что ж, обращаюсь, несчастный, к Врачу:

«Боже, скажи мне, твои небожители
Чтут ли простую любовь как у нас?
Если же любят и в вечной обители,
Небо, закрой Твой всевидящий глаз».

Еду к тебе я, вдыхая вселенную,
Тихо готовлю в душе разговор.
И повторяю молитву нетленную...
Вор я, наверное?! Или не вор?!

Был я в пути том задержан поломкою
И возвращался домой, посрамлен.
Вечер. Я выехал поздно, и тонкую
Связь ощущая, до лучших времен

**Все отложил: стрекозу и вселенную,
Ласку богов и любви своей гать...
Нынче усну, ощущая как пленную
Душу твою. Завтра будет опять**

**Гравий скрипеть под моими колесами,
Только любовь будет в сердце сильней.
Не удивлю небеса я вопросами:
Больше не вор я! Я еду не к ней.**

Четыре стихии

Если ты отразил наглеца сильный взгляд
И ушел, никого не виня:
Вроде враг, а на деле – неслышимо – брат,
Это сила огня.

Если ты в разговоре о книге едва
Не вспылел, но отвергнул свой вес:
Объяснить невозможно, где правят слова,
Это фактор древес.

Если ждут от тебя и уверены в том,
Что ты будешь возвышенно рад,
Да и радость свою ты сочтешь пустяком, –
Это ветер, мой брат.

Если знаешь о ком-то добро наперед,
Будто был он тобою иском,
В разговоре грядущем тебе повезет, –
Это небо, твой дом.

Тайна

Жить, отбросив тайну, невозможно.
В суете ее не обрести,
Но когда в пути тебе несложно,
Ты теряешь веру, форму, стиль...

Тайна навсегда взяла нас в руки, –
Без нее мы попросту рабы.
Мы не знаем горше тайны муки,
Оттого порою и грубы.

Тайна...сколько в ней мучений, риска,
Грею я ее в своей груди.
Всех страшнее тайна компромисса, –
Сомневался? Верой победи!

И, отмерив Богу благодарность,
Я иду искать других побед:
Нищий духом, право, не бездарность...
Смотрят люди удивленно вслед.

* * *

Давайте же друг друга открывать,
Давайте же друг другу открываться,
И, открываясь, тайной оставаться,
И эту тайну снова познавать.
На этот бесконечный путь ступая,
Мы постигаем сущность бытия:
Не только мир вокруг неисчерпаем,
Но каждый миг; а в нем – и вы. И я.

Андрей Балабуха

Небо пришло и представилось:

«Я ваш покорный слуга!»

Мне это очень понравилось.

Взял я быка за рога,

То есть спросил я немедленно,

Что может делать оно?

Словно ему кем-то велено,

Небо сказало: «Вино!»

«Можешь счастливым немножечко

Сделать меня?» – «Что ж, могу!»

Звякнула чайная ложечка,

Мне предложив курагу,

Небо сказало: «Горячностью

Ты не побрезгуй в пути.

Часто мы трусим и прячемся

Там, где потребно расти».

**Чинно за чаем беседуя,
Все о секретах вина
Небо мне честно поведало,
После – являлось во снах.**

**Но тот совет о горячности,
Я на всю жизнь записал.
Не было в нем однозначности:
Небом Господь приласкал.**

* * *

Сомнением мал, но мудростью ничтожен...
Беру я верой все, что взять могу.
В богах я сложен, понимаешь, сложен:
Равно я другу доверяю и врагу.

Пленяются порою люди малым.
И я пленяюсь тоже, но большим...
Меня благодарят за то, что дал им, –
Терзает это хуже бормашин.

Желанен я, но нет во мне желаний.
Блаженен я затем, что есть блажба...
Людей всегда я чту, как искры знаний,
И их люблю за то. Они – судьба.

В сраженье крут. Но верю в иллюзорность
Вражды и повторяю наизусть
Я имя Бога. Есть во мне покорность.
Пусть станет Он теперь мне другом. Пусть!

Всегда великим быть – удел немого, –
Читатель я, мне нечего писать.
Прости, что о большом сказал немного:
На душу я надеюсь как на гать.

Иду путем не торным. Удивляюсь
Всему, что не могу понять умом.
Мне кажется – никем я не являюсь.
Но вы меня не упрекайте в том.

* * *

Ты смотришь трезво на людей,
и я тебя боюсь немного.
И твой совет: « Разбогатеи!»
приемлю только тайной слога.

Стою у тайны на краю,
но внутрь не хочу сорваться.
Во что себя перекрою?
Куда от нищеты деваться?

Пожалуйся – и станешь враг...
Поспоришь – будешь недотрога.
Я понимаю: Бог – всеблаг,
но нищета в заветах Бога!

Возможно, в поединке злом
я овладею сам собою.
Возможно, в помысле благом
свои надежды я удвою.

Но не хочу собой играть.
Пойми, вдвоем тропинку ищем.
Ты подала мне благодать.
Чтобы принять ее, я – нищий.

* * *

Тебя простил я слишком бодро:
Твоя душа была иной.
И вышло – я как будто ведро
Пролился вдруг в палящий зной.

Но ближние возликовали,
Как будто им доверен рай.
Мне не хватало лишь детали...
Тогда Господь сказал: «Играй!»

И я, отвергнув все, что было
Вдруг заглянул в свою печаль...
И тут... ее любовью смыло.
Жить невозможно без начал!

Началом будет примиренье:
В нем твой характер смел и прям.
А я запомню три мгновенья
Затем, что я, как ты упрям...

Твое – страшливое мне нужно,
Чтоб человечностью пожить.
Свое – где силою недужной
Я мог божественность дивить.

И, наконец, Его, – благое,
Где есть одна деталь-краса:
Когда простила ты изгоя,
Что посмотрел на небеса...

* * *

Посвящается Нине Агафоновой

**Я жил совсем не так, как нужно.
Себя я потерял давно.
Представьте, мне порой недужно
Когда я вижу свет дневной...**

**Друзья приходят и уходят,
Обиды заменила грусть.
Меня и за нос-то не водят,
А водят – отвечаю: «Пусть».**

**Наш мир жесток, и я в нем странен:
Не отвергая естество,
Я предстаю, как шут жеманен,
А мню себя, как божество...**

**И лишь надежда Воскресенья
Порою греет душу – бес
В ней почивает с опасеньем,
Что достучусь я до небес.**

**И вы пришли, меня согрели...
Пусть в жизни нечем дорожить, –
Я, как корабль, застряв на мели,
Все ж буду с волнами дружить.**

* * *

**Я долго тосковал по небесам,
Кто наградит улыбкой за страданье?
Конечно Бог меня утешит Сам,
Но я ищу другое толкованье.**

**Пусть мне наградой будет разговор,
В котором прозвучит, как песнопенье,
Бравада, грубость, наглость и укор,
Чтобы душе моей бежать от тленья...**

**Я так устал от вежливости, от
Смирненности и правил комильфота,
Душе так опротивел доброхот,
Неволя это что ль, а не охота?..**

**Скажи мне что-нибудь про индюка,
Про несваренье истин в третьем глазе,
Мы поклевещем на людей, пока
Еще нас терпит небо. В гневной фазе**

**Отправим в преисподню комаров,
Политиков и глупые книжонки.
Бог нам простит. Он вовсе не суров.
Поговорим и снова за иконки.**

**И снова будут правила алчбы,
Надежды и, наверно, искушенья.
Но вот платить не будем: не рабы,
Мы – сыновья. Нам не чужды решенья.**

**Решим душой других не обижать,
Прощать почаще: милостью изыскан
Господь. Мы снова будем угождать
Ему, не беспокоя дерзким иском.**

* * *

Других умчал могущий дух разлуки:
Счастливым край их знавший опустел;
Разбросаны по всем дорогам мира!..
Не им поет задумчивая лира.

Гете «Фауст» перевод В.Жуковского

**Разбросаны по всем дорогам мира
Мои друзья! Вы все же мне близки!
Никто из вас не мнил во мне кумира,
Никто не проклинал седой тоски...
Да, вы ушли, и писем не писали...
И каждый проповедовал свое.
Не пряча от богов своей печали,
Я память чтил о вас, как мумие.
Ну, что с того...Разлука – это средство
Возвысить дух, отрекшись миража.
А счастье – лишь рисовка и кокетство
Пред Богом. Мы расстались не дрожа,
Но содрогаясь от предчувствий темных...
И все же не поверили тому.
Пусть больше нет объятий друга томных,
Свет понесем через Вселенной тьму,
Как в древности. И испытаний вдосталь
Нам будет. Мы на это скажем: «Пусть!»
Сие поймет на небесах апостол,
И будет жизнь – не окаянство! В путь,
Друзья мои! Христом сочтем любого,
Чтоб умяляться и учить свой дух.
Тогда, коль с вами встретимся мы снова,
Нам будет что проречь негромко вслух.**

* * *

У друзей права, –
Отступи молва.
В их присутствии есть чудесное.
И простит душа,
Если я спеша
Вдруг им выскажу неуместное.
Хоть один денек
Поживу как бог,
Им поведаю правду тайную,
А они поймут,
Да и намекнут,
Что душа моя неприкаянна.
Отступи вина!
В их глазах она
Превращается в умиление.
И грозят глаза:
«Не катись слеза,
Мы пришли к тебе в день Рождения».

Толпа

Идет толпа по проспекту.

Странно смотрят глаза.

Мнится: тебе здесь встретятся

комар, орел, паучиха.

Кажется, идущие цепляются взглядами за

Носы, подбородки, щеки –

все ощупано тихо.

Краешек разговора слышится как верлибр,

Кто-то проходит в дамки,

просвеченный тайным кодом.

Все оголтело следуют правилам неких Игр.

Кажется, шахматист

обдумал здесь ход за ходом.

Кое-кто знает дело, двигаясь снизу вверх.

Иные – сверху вниз,

с тем же завидным рвением.

На каждом углу стрит-лайны –

это символы вер.

Их обтекает безостановочное движение.

«Кроткие» знают дело, – передавая вверх

Тайной номенклатуре,

все свои впечатленья.

Они ведь наследуют землю?
(Слышен ангелов смех),
Им уступают форму,
интонацию и движенье.

Эти (на вид святые, благостны и тихи) –
Держат камень за пазухой,
греют в кармане фигу.
К тому, кто устал от жизни,
зло подвоят «лохи».
Это ему подарок: коррекция кармы – мигом!

Вот для души услада:
навстречу идет интроверт.
Он сосредоточен,
наверно, на ритме альфы Центавра.
Глаза – как бойницы.
Какой же тут осмелится смерд
Покуситься на вещей венок его
из душистого лавра?

А вот мастеровые. Им все чудеса – фигня.
Пьют пиво, похоже, «Невское»,
будто это – задание.
Они пренебрежительно
смотрят мимо и сквозь меня,
Всем видом давая понять:
они ремонтируют здание.

* * *

Дуют тлетворные ветры,
Осень пришла, словно воин.
Мокро. Считаю я метры
До остановки. Спокоен
Только «гаишник» в машине, –
Только что полдник свой слопал;
Радость на доблестной mine:
Он штрафанул остолопа.
Я залезаю в маршрутку:
Людно, и можно согреться.
Слыша забавную шутку,
Вдруг приоткроется сердце...
Звякает чья-то «мобила».
До дому очень проворно
Мы доберемся. Все мило.
Только вот ветры тлетворны...

* * *

Я шел по улице. Светились фонари,
И им шаги казались чьей-то речью.
Шептала ночь нестрашное «умри»,
Заглядывая в души человечьи.

Зашторивали люди окна. Мрак
Готов был всех принять в свои владенья.
И не сумею объяснить я как,
Но Время оставалось без движенья.

Ночь продавала спящих с молотка:
Недвижимо лежат в постелях люди.
Казалось им, что так идут века,
И Смерть молилась Сну об этом чуде.

В Александровском парке

**Здесь Распутин лежал. Могила.
Православный поставлен крест.
Лес молчит просветленно-уныло.
Как давно это было... Окрест**

**Бродят люди по тихому парку...
Кто-то мимо проходит, а мы
Подошли, помолились не жарко
Посреди удивленной зимы.**

**Все, что было, то было. Гуляем,
Обсуждать, осуждать – не с руки...
Разговариваем. Созерцаем
Зиму, сосны и берег реки.**

Моей собаке

С тобой гуляли мы по парку,
Невдалеке гуляли дети.
В ветвях огромный ворон каркнул, –
Его ты ловко не заметил.
Твоя веселая мордашка
Взметнулась от земли беспечно;
Невдалеке прошла монашка, –
Ты посмотрел ей в спину вечно.
Потом Господь послал нам милость
И мы играли в догонялки,
Потом с тобою мы сцепились
Из-за большой корявой палки.
Над нами посмеялись дети,
Но мы, увлечены игрою,
Их не заметили. На свете
Есть только ты, да я с тобою –
Казалось нам. Но время вышло.
И мы пошли домой к обеду.
Из нас торчала, словно дышло,
Та радость, что отводит беды.

Закон случайных чисел,
или Вечернее упражнение в стихосложении

Спутник вышел на свою орбиту.
Холодильник в кухне загудел.
Салютуя этому кульбиту,
Физик у доски неспешно мел
Взял, студентам внятно объясняя
Формулу, как маленький вещдок...
За окном, зашедшийся от лая,
Пёс соседский вырвал поводок.
Повод, как известно, не причина.
Двое ссорились в троллейбусе смешно,
Поглотила их любви пучина:
Был троллейбус добрым, как в кино.
Вырвать зуб спешил мальчишка смелый.
На скамейке книжку ты читал,
В ней герой метался: он наделал
Много подлостей. Писатель отдыхал
На Суматре. Ловкий вор бумажник
Крал у дамочки из сумки, наклонясь.
Вздрогнул он. Захлопнули багажник.
Бог очнулся. Создавая связь,
Он обуреваем был мечтою,
Что мальчишка физики не знал,
Что троллейбус не учтен четою,
И что физик – маленький нахал,
Потому, что лаяла собака

От его теорий разбитных.
Холодильник выключился. Знака
Не заметил я, как запятых.
По лучу скользя, я упражнялся
В ощущение мастера легко.
Внутренне я Майе* поклонялся,
Сочиняя в стиле Рококо.

**Майя* – иллюзорный мир

* * *

Посвящается Инне Тройновой

Ты позвонила в трудный день
И сбросил я с души веригу, –
Отстала плачущая тень,
Я просто доверялся мигу,
Противоречиям не внемля,
Мирился с волей божества,
И уважал в тебе не землю –
Небесный импульс торжества!

Твой голос таинством прохлад
Дарил мне Знание вельможно...
Душа, похожая на сад,
Где пели птицы бестревожно,
Утешила меня, спасла
И снизошла к моим уронам.
Внезапно понял я: была
Вся жизнь сплошным оксюморонам.*

Смеялась ты. И смех был прян.
Мои грехи казались ложью.
Твой дух, величествен и прям,
Творил радушно волю Божью.

**Оксюморон* – стилистический оборот, в котором сочетаются семантически контрастные слова, создающие неожиданное смысловое единство

* * *

Снег идет, и чумную хандру
Мы подвинули общим легато.
Будто пешкою взяли туру,
И лелеем в душе, словно Дату,
День текущий. Друг другу враги,
И друзья мы бываем, и братья.
Береги нас Господь, береги, –
Наши души красивы, как платья.
Наши лица – иконы, и пыль
С них стираем мы ласкою тихой.
Пишем мы свою жизнь, словно былль,
И не брезгуем неразберихой,
Чтобы жить и прощать, и всегда
Знать, что есть у души искупленье,
Воздаянье, надежда. Беда –
Это просто предвзятое мненье.
Мы покормим собаку с руки,
Умилимся на небо спокойно.
Крикнут ангелы нам: «Чудаки!»
Мы ответим молчаньем достойно.
Выпал снег. Но об этом нельзя
Говорить. Мы молчим и все знаем.
Говорят только наши глаза.
Мы больны. Мы друг другу прощаем...

Да, себе – господа, но души
Мы друг в друге серьезно не чаем.
Если хочется – ты согреши,
Каждый грешник прощеньем спасаем.
На Земле есть любви элемент,
И Смирение есть во Вселенной.
Можешь, свой поджидая момент,
Стать одною секундой нетленной.

**Из книги
«Я ПЛАЧУ ТИХО
О ЛЮБВИ...»**

* * *

**В моей России есть березы... Только
И лебеда прекрасна, и лопух...
Хлебнуть пришлось мне в жизни горя столько,
Что, думаю, просить мне можно вслух
У совести – у Родины убогой
Считать меня одним из сыновей,
Не быть ко мне ни праведной, ни строгой
И помолиться разрешить не ей,
А Богу. Он – молящему – постижен.
И раз судьба вручила в жизни крест,
То будем так считать, что он воздвиген
Мне – постигать почетность этих мест.**

* * *

Мерцает суть на кончике лучины,
Массандра выпита, и я сижу один.
Как трудно не снимать с души личины:
Я чувствую себя, как Палладин,

Уставший от рабов и поклоненья,
Величие отвергнувший – смешно! –
И любящий одни свои сомненья!
Вот жалость: думать-то о них грешно!

Но лени нет в моей душе усталой,
Готов я рисоваться пред собой:
Какой я все-таки двадцатипальй,
И вертикальный все-таки какой!

Свет от лучины осветил икону.
Прости мне, Боже, снова я молюсь...
Всю жизнь я подчинялся лишь закону,
И вот теперь над благодатью бьюсь.

Мой Бог, ты мне поверишь, непростому?
Простишь ли душу, что виной жива?
Пойми, я просто не бегу из дому.
И в нем лучина теплится едва.

* * *

Как нелепо иной раз молиться,
Если только что согрешил.
Так в силки попадается птица –
Как поверить себе, что бескрыл?

Посвятить ты намерен проворно,
Жизнь к прощенью торопишь, спеша:
«Неужели Господь пишет черным
Нас?», – лепечет смятенно душа.

В небесах сокровенное что-то,
На земле – будто каменный век,
И вмешаться Творцу неохота,
Только видит он: ты – Человек.

Он промолвит одно лишь словечко,
Скажет тихое вечное: «Верь»!
Трепыхнется, как птичка, сердечко.
И поймешь, как блажен Рай потерь...

И почувствуешь душу, как скрипку...
Ты сфальшивил, учась, дурачок!
Так пойми, что все сущее зыбко.
И продолжи. Возьмись за смычок!

И откроется музыкой клетка,
Заволнуется твой попугай...
Бог простит, но подбросив монетку,
Чтобы выбрать – оковы иль рай?

**Все невесомо в жизни без утраты,
Я в чувстве долга, словно в неглиже.
И замечаю дни, считая даты,
Вы не успели помолиться? Я – уже.**

**Земные чувства душу не наполнят,
А небесам моим присуща мгла.
Пусть я погиб, но соловьи исполнят
Все то, чем тень моя не ожила.**

* * *

Мои ненужные мгновенья,
Кто любит вас, ужель душа?
Иль просит Бог во мне забвенья,
Иль просто я живу спеша?

Я стосковался по измене,
По мятежу и простоте.
Мы в этой жизни только тени
И погибаем в суете.

Пошли мне, Боже, мысль иную,
Чтоб свету я не угодил.
Ты понимаешь, я не ною,
Я просто сам себе не мил.

Забудь мои утраты, страхи,
Прости мне не грехи – мольбу,
И я пойду к тебе в монахи,
Чтоб больше не гневить судьбу.

Зачем ищу я умиленья?
Зачем я не в ладах с душой?
Ты посылаешь мне сомненья,
А я, пойми, уже большой.

Душа во мне берedit рану
И жить зовет меня вовне.
Хочу пожить я ветераном,
Что забывает о войне...

Мои ненужные мгновенья,
Наверно, вы и есть душа.
Бог посылает мне сомненья,
Чтоб я их верой осушал.

* * *

Кому-то можно быть поэтом,
Кому-то можно пить вино,
Кому-то быть виной согретым,
Кому-то жизни видеть дно...
Кому-то можно верить в книги,
Кому-то можно в Рай попасть,
Кому-то, сняв свои вериги,
Перед иконою упасть...

* * *

Я шел за тобой, беда,
И чувства свои смирял,
Надеясь почти всегда
На то, что я втайне знал.

Я шел по судьбе, спеша
Любить и искать Твой смех,
А прошлое вороша,
Я вижу один лишь грех...

Я шел и терял друзей.
Для пользы дела не пил.
От всех утех и затей
Ушел. Кто теперь мне мил?

Кому я теперь служу?
Той самой надежде. Дух
Мне внемлет. А я брожу
И рифмами брежу вслух.

Любовь, ты нездешний дар.
Иль просто моя любовь?
Кто я? На свече нагар
Иль то, что воскреснет вновь?

* * *

Мой диван и свет иконный –
Очень славные врачи.
Я готов читать бессонно
Свой молитвослов в ночи.
Выше слова нет закона,
Эй, грешна душа, не трусь!
Есть на столике икона –
Есть в душе Святая Русь.
Одного ль меня прощали?
Ободришь, грешна душа.
Чтобы не было печали,
Богородица спеша
Умолит Царя – Сыночка,
И пойму всю жизнь – как сон.
Впереди святая ночка:
Охраняет душу Он.

Засыпание

Вспомни дерево это, вспомни, мил-человек!
На планете без света нет зажмуренных век:
Больше нет напряженья, день прошел в суете.
Позабудь все сомненья: отдохни в темноте...

Кто-то спящий в одежде шепчет сну:

«Покарай!».

Кто-то дремлет в надежде, что пригрезится рай.
Кто-то хочет на небо. Но, увы, мне и ах...
О Борисе и Глебе вспоминает монах...

Кто-то сна ожидает, я не жду ничего...

И душа понимает: сон – хозяин всего.

«Святой Господи Боже!

Возьми в руце мой дух!» , –

Помолюсь осторожно, потихоньку, не вслух.

* * *

Сомнений дух меня тревожит,
Моя душа, иль ты мертва?
Пойду-ка в храм и там, быть может,
Почувствую, что ты жива.

Пойму ли я святые мысли?
Иль добротою уязвлось?
Как плети крыльшки повисли, –
Такой тебе я пригожусь?

Имея робкую надежду,
Мой ум ничем не вразумлен,
Пусть люди зрят во мне невежду,
Я буду мягок, словно лен.

Прощу я им и буду властен,
Пусть усмешается братва!
Но храм грехам весьма опасен, –
Моя душа, иль ты мертва?

* * *

*В храме Казанской Божьей Матери
Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге*

**Я в церкви вижу не свечей огарки.
Знакомо мне сыновство и наем...
И радуют иконы, как подарки,
Я породнен душой с монастырем,
Где Бог с моей души снимал личину,
Где я молился о своих друзьях,
Где я учился ткать, как паутину,
Надежду, что спасает и во снах.**

**Святого гроб мне много тайн поведал,
И умирал я здесь, и воскресал.
Здесь, у креста, живет моя победа –
Когда обиду большему прощал.
Здесь показали чудо мне старухи,
Здесь я молился о своих врагах.
И здесь убиты заблуждений мухи.
Здесь жизнь моя блуждает в небесах.**

Плач

Сегодня плакал над грехом,
А грех велик был и ужасен.
Не быть мне, Боже, пастухом:
Не внемли плачу, я – опасен.

Ты тихо в книге Бытия
Перелистни сию страницу, –
Быть может, вновь поплачу я,
Не ставь мне, Боже, единицу.

Я просьбу обращаю к Тебе,
Ты о других мне дашь молиться.
Спаستись моих друзей гурьбе
Ты дашь, чтоб плачем вновь пролиться.

Дух правый, Боже, обнови
И будет доброю икона.
Я плачу тихо о любви,
Что подает мне Церкви лоно.

* * *

О Боже, помоги мне жить в раю,
Уставшему от прихотей Фортуны.
Страданьем написавший жизнь свою,
Перебираю я гитары струны.

Пою про то, как жизнь была мудра,
Про сантименты, и Твои законы.
Давно признаться мне уже пора,
Что песни только заглушают стоны

Мои. Во мне грехов забытых тьма.
Лишь рифмы в жизни ведали усердьё.
Я просто пленник своего ума!
Молось Тебе, имей же милосердьё!

В раю покой. Мне это тяжело.
Привык я к битвам. За кого сражаться?
Во мне побеждено Тобою зло.
Как без Тебя я смог бы продержаться?

Я – чистый дух. Но счастье – это миг,
А я познал иных миров блаженства:
Изгнанник кроткий, баловень вериг,
Прошу подать мне духа совершенство!

**Люблю я удивленья и печаль,
Мне нравится, что выгляжу неброско.
Еще люблю расти стихом. Как жаль,
Что для меня иного нету роста.**

**О, помоги мне жить в раю молитв!
Склоняю голову, как блудный сын, и знаю:
Меня избавишь Ты от страшных битв,
Как человек, стопы Твои лобзаю.**

* * *

Христианское вино. Души томленье.
Бескрайним стал израильский изгой:
Когда утрата вызывает умиление
Влечет бессмертье помысел любой.

Заслуги Бога. Вечная загадка!
Он предлагает веру нам всерьез.
Простить грехи... мучительно и сладко?
А Он их видит как простой курьез.

Мне многое познать хотелось раньше,
Назвать, осмыслить. Только мысль груба.
Господь избавил помыслы от фальши,
И мудрость стала доблестью раба.

Теперь не сломят душу страх, лишенья:
Желанный гость в моем доме урок.
Мне Бог предстал учителем моления
И перестал быть терпким жизни сок.

Я нахожу величье... в умаленье!
И кажется нелепым мира гнев.
Когда с душой соседствуют сомненья,
Молюсь Христу, собою овладев.

* * *

Покуда в наши дни война
Становится едва ль не модной,
Душе моей ясней видна
Закваска мудрости народной:
«Довольствуйся простым!» Не глуп,
Но все же думаю в смиренье:
«Как хорошо иметь тулуп
Зимой, а в ночь – стихотворенье!»
Меня осудит патриот,
Ведь за окном убийство, тризна...
Ему отвечу: Ланцелот
Жил без клейма любого «изма»!
Себе кажусь в сто раз важней,
Чем даже рухнувшее зданье.
Война в душе больней и злей:
В ней высший суд и оправданье!
Меня страной не убедить.
Пусть будет «с краю эта хата»,
Мне тоже нужно победить!
Хоть логика и простовата...

* * *

Когда устанешь ты от хруста
Своих иллюзий и идей,
Пойми: поэтом жить – искусство,
И веры мужество имей.
Душе присущи свойства гласных,
Их мало, но найди слова,
Чтоб обрести людей, согласных
С тобой. Тогда придут права,
(Но не дерзить, дразня уродство,
И жить по Чехову смешно) –
Права на тихое юродство,
Не повредит тебе оно.
И, кровью Бога причащаясь,
Ты будешь вечно молодым.
Так трудно жить не защищаясь:
Огонь горит, прости же дым.
Когда твой дух поверит строго,
Стань с Господом плечом к плечу
И станешь единицей слога,
Доступного Ему, Врачу.

* * *

Опять молитвы, слезы
И рокот бытия...
Мне не хватает прозы,
Да и поэт ли я?
Не осквернять наречья
Наученный у птиц,
Пытаюсь уберечь я
В мельканье стильном лиц
Свои предначертанья,
Что в суете совой
Глядят, как сочетанье
Судьбы со словом «свой».

Нет, не в руке синица,
Не в небе журавель,
Простертая десница
Дарила мне апрель.
Меня пытаются словом
«Мякина», «воробей»,
А я гляжу Иовом,
Чья вера – хоть убей!
Давно прошли гоненья
На Имя бытия,
Но духу мало тленья,
Гори во мне, Илья!

* * *

Залогом мудрости была мне плоть Твоя,
Залогом верности – обычная линейка,
Залогом вечности – коварная змея,
Залогом силы – неразменная копейка.

Без боли мудрость – кошка без когтей:
Ни поохотиться, ни защититься от собаки...
Научен мудростью, я не боюсь путей,
В которых злое предвещают знаки.

Я верен, измеряя суть простым.
Где нечего любить – люблю я воздух!
Как хорошо не мнить себя Толстым
И отпускать грехи свои на отдых...

Пройдя все искушения в Раю,
Коварство различу за километр,
И вечность духа осторожно я крою
И мыслю, словно тихий южный ветер.

Моя душа – копейка для меня.
Ее терять за ближних мне привычно.
И иногда, влюбленный в силу дня,
Вдруг обретаю истинность безлично.

В труде ценю свободу Нищеты,
В глазах ношу неоновые струи,
Меня страхуешь от цинизма Ты,
Кому пою я брачно Аллилуйи.

* * *

Я зашел по дороге в храм.
Он в пути моем так помог!
Без него бы я был – сам,
А с Создателем жизнь – урок.

Все меня замечают тут.
Я же имя Твое твержу...
У судьбы моей есть маршрут:
Мир я верою одолжу.

Одиночка я, но святой
Мне поверить помог душой.
Сокрушаюсь от мысли той,
Что подвижник я небольшой.

Я смиряю себя, тружусь,
Но иллюзии бережат...
Мне Создатель шепнул: «Не трусь,
За страдания вознаградят».

* * *

С врагом невидимым сраженье
Я вел. Но помнить – не дано...
Я помню только пораженья,
Как терпко истины вино!

Ужели истина – в сомненье:
«Быть может, я и победил?»...
Преуспеваю в неуменье –
На большее пока нет сил.

Утешитель, зачем Ты медлишь?
Тебе я был бы очень рад!
Почто мольбе моей не внимлешь?
Хочу на ангельский парад!

И чтобы орден был на форме,
И чтобы крылья за спиной...
А впрочем, нет! Я буду в норме.
Надежды хватит мне одной!

Песнь волхвов

Из книги «Философские сказки»

**Звезда нас позвала с небес,
Где город Вифлеем,
Большое множество чудес
Открыто было всем.**

**Открылись тайны нам Твои,
А сколько их еще!..
И ждут, Господь, Твоей любви
И раб, и звездочет.**

**Тебя приветствуем в пути,
Прими от нас дары!
Тебе придется подрасти:
Помешкай до поры!**

**Пречистой матери своей
Послушен будь во всем.
Пусть будут речи – как елей.
О сложном и простом.**

**Пусть будет златом – тишина
И в радость – труд простой.
Пусть душу освятит до дна
Смиренья Дух Святой!**

Перед иконой

1

Огненный меч в Ее руке.
Он рассекает во мне гнилье—
Не отступил, не предался тоске—
Благодарю за это Ее.
Весточка с неба Ее красота.
Я пред иконой предстал в нужный срок.
Служба идет и алтарны врата
Жизнь раскрывает, как вечный урок.
Чистые мысли – закон, благодать
Тихо приемлет сын миража.
Враг – целый мир. Чтобы что-то сказать,
Я умиляюсь, послушно дрожа.
Вестник надежды в Ее глазах:
Он и в отчаянье видит тропу.
Не оброню я пошлое «Ах!»
И поклонюсь до земли попу...
«Где бы добыть снова грехи?», –
Ангел мой шутит. Прощеньем крепка
Божия мать. К сомнениям глухи,
Верим: спасет и направит рука
В мир, чтоб любовью его победить,
Помня душою веленья Христа.
Нет, не порвется дрожащая нить.
Истинна вера, мудра и проста.

**Я влюбился в суматоху дня,
На иконе не заметив Твой прищур.
Жил, не внемля, не хотел понять.
Пусть полно на жизни кракелюр*,
Отрешусь. Увижу целиком
Замысел Творца на полотне.
Вдохновленный маленьким райком,
Позову Тебя и Ты привычно не
Отвернешься. Кротко мишуре
Улыбнешься, излучая мир.
Ты всегда мечтала о добре;
Суматоха жизни – наш кумир.
Но Творец иллюзий не дает –
Хлопчи, служи своим друзьям:
Ты встречаешь нынче Новый год,
Будь же мудр, как праотец Адам.
Лишь ошибок вновь не повторяй
И легко исполнится мечта:
В суете сует увидеть рай...
Эта вера, право, не проста!**

**Кракелюра* – трещина на поверхности красочного слоя старых картин

* * *

Суфийский дух не любит треволнений:
Зачем ему христианское вино?
Когда приходит в душу дух весенний,
Я слышу возражение одно:

Зачем тебе, о, юноша, святые?
Все браки происходят в небесах...
Зачем твоей душе слова пустые?
Зачем ты чаешь в нас найти свой страх?

К тебе святые мысли прилетели?
Ты хочешь оправдаться без вины?
Воскликнуть тихо в сердце: «Неужели?»
И вспомнить безупречно жизни сны?

Блажен, кто принимает без утраты
Все то, чем сердце юноши полно:
Есть у Отца Небесного палаты,
Где жизни пьют бестрепетно вино.

Пусть над тобой суфии посмеются,
А ты смиришь: мы все живем не в долг.
Сначала нужно сердца тайн коснуться,
Потом придет и в покаянье толк.

Не откажись от драки за свободу:
Предначертанья сердца – чудеса.
Пусть себе суфии мутят воду,
А ты молись: я – камень, Ты – коса.

Из псалмов Давидовых

Псалом 21

О, Господь, ты покинул меня?
Днем и ночью взываю я тщетно.
И уже пересохла гортань,
Слов святых я не в силах найти.
Я на загнанного коня
Так похож, но тебе незаметно.
О, прошу, перестань, перестань,
Помоги мне в неблизком пути.

На Тебя уповали отцы,
Не один был Тобою избавлен,
Утешение Ты приносил,
Жив ты в слове народной хвалы.
Мне же – участь паршивой овцы,
Самому я себе предоставлен,
Червь негодный без веры и сил,
Предан гулу великой хулы.

Мне в собраниях говорят:
«Уповал ты на Господа что ли?
Пусть избавит тебя, если ты,
Персть земная ему угодил!»
Я же был им когда-то как брат,
Дай мне, Господи силы и воли,
Вспомни мать, ее сны и мечты,
Я же твой от рождения был!

Скорбь близка, а помощника нет,
Обступили, глумятся, кто может,
Словно львы алчут крови моей
И уста изрыгают хулу.
Я же – морем заливанный след,
Я без кистей и красок художник,
Я им зрелище. Только цепей
Не хватает мятежному злу.

О, спаси меня, Боже, от льва,
От волков и единорогов.
Делят ризы мои меж собой
Словно псы. Где же горний родник?
О, вложи мне в гортань те слова,
Что от них защитит меня смогут,
Вспомни, Господи, путь мой живой
И, Заступник, яви мне свой лик!

Ты явился! Теперь расскажу
Всем собратьям моим я во храмах,
Всем боящимся Бога о том,
Как Ты скорби моей не презрел.
Что же, – Господом я дорожу.
Пир устроить для нищих немного...
Все убогие дружным гуртом
Воспоют, как ты светел и смел.

**Поклонятся сходящие в персть,
Те, чья жизнь утекает безвольно,
Ибо есть во Вселенной Господь,
Тот, чье Царство превыше земных.
Да и тучные грянут на твердь,
Что зовется отнюдь не юдолю:
Поклонятся тебе дух и плоть,
Ты, Всевышний, порадовал их.**

Псалом 18

Небеса возвестят славу Божию,
Воспоет твердь дела его рук.
Наша речь будет просто похожею,
Вся Вселенная – славящий звук.

День-деньской мы тобой просветляемся,
Ночью спим, тайно в гости ходя.
Словно в Солнце в тебя мы влюбляемся
Поутру для щедрот возрождаясь.

Все законы твои невозможные
Умиляют, выводят на свет.
И слова веселы осторожные,
Что спасут от грехов и от бед.

Ты прощаешь нам мелкие пакости,
Заставляя бояться, дружить.
И сосуды твои полны радости
И суды – от желания жить.

Мы Тобою, Господь, охраняемся –
Избавитель от тайных обид,
Ты спаси нас, – мы очень стараемся
От страстей, что сильны лишь на вид.

Мы хотим, чтоб ты нас не отчаивал
И еще – угодить, угодить!
Помнишь, ты нас слезами одаривал
А теперь дай нам благодати пить.

Страстной четверг

Христос распят. Удивлены трибуны.
Никто не знает, чем закончится спектакль.
Нам не найти и маленькой лакуны,
Чтоб спрятаться в душе, и сколь пантакль
Маг белый не вычерчивает в храме, –
Не получается Вселенную заковать...
Апостол мучится, предательством изранен,
И каждый знает – ходит он не в масть.
Потом, потом мы вспомним это свято,
Но не сейчас. Распятые – ход конем.
И кто сумеет вспомнить эту дату,
Конечно, будет вспоминать о Нем.

«Зачем Он не сбежал?», – вопят иные,
«Ведь Он же праведник!», – другие голоса...
И молят Бога исцеленные больные,
И римляне похожи на котят:
Распяли. Чем теперь им оправдаться?
Что Рим падет – уже известно всем.
И непонятно это панибратство,
Жестокости не оправдаться тем.
Мать не в себе. И с нею Серафимы
С небес, ликуя, будущность зовут.
Но вот душе – все утешенья мнимы:
В Марии для евреев Страшный Суд.

Но все оправданы: кто верил в состраданье,
И кто богато милостью дал...
И все же слушать у креста рыданья
Удел достойный, – Иоанн себе сказал.
А фарисеи молят за Иуду, –
Он мог бы стать апостолом потом, –
Они смекнули, и, поверив чуду,
Покаялись и молятся. О том
Известно нынче разве что Пилату,
Он рану в сердце бережет, как флаг.
На солнышке сверкают римлян латы....
Никто не верит, что Господь всеблаг...

В Израиле идут переговоры.
О прокаженных помнят те, кто жив...
И есть блаженные поверившие воры,
Прощенные за грех. Не отомстив,
Они сейчас рассматривают лица:
Во всем Иисус, прославленный Отцом.
Кто – молится о матери и злится,
Кто – почитает Бога хитрецом...
Все очень просто. Нужно есть, работать
И разговаривать о чем-то не спеша,
Играть с детьми, платить все ту же подать,
А знать о чем-то не велит душа...

Иосиф мастерит кому-то гробик.
Он сына обо всем предупреждал.
К нему сосед заходит в грязной робе
И обсуждается распятые – как скандал.
– Отец Небесный, понимаю, лучше,
Но как он мог свою оставить Мать?
Быть может, тем спасет он ваши души? –
Пытается сосед все объяснять...
На небесах хохочется Иуде:
«Ведь за Него свою я душу погубил!
Помучайся, Иисусе, не убудет», –
Так дух несчастный Господа молил.

Иисус же на кресте и вспоминает
Всю жизнь свою, прошедшую в трудах:
О, сколько было терний, сколько мает!
И вот награда – боль в руках, ногах.
И вдруг в мозгу зашевелилось что-то:
Он видит войны и судьбу святых...
Да. Царство не от мира, но охота
Кричать: «Отец, зачем оставил ты всех их?!»
Но Он сказал иначе, поскромнее,
И получил под сердце копие.
Благословеньем было это. Шея
Повисла – и прервалось бытие.

* * *

Словом нас Господь создал из праха.
Каждому даны отец и мать.
Так какое ж мы имеем право
Ненавидеть или проклинать?

Нам Господь и море дал, и сушу,
И святых оставил, как патруль.
Так зачем отчаиваем душу,
И бросаем мощный жизни руль?

Нам даны история, сознание
И наставник, чья душа чиста...
Так зачем же снова на закланье
Мы ведем Спасителя Христа?

Из книги
«ЖИТЬ МЕЖДУ НЕБОМ
И ЗЕМЛЕЮ»

* * *

**Я не воск, чтобы таять легко
От мечты, обжигающей душу.
Я, к иному надеждой влеком,
Зла обеты невольно разрушу.**

**Я не клин, тот которым сошлись
Неоправданных душ пониманья.
Я – цитата. Не брезгуй – сошлись!
Привлечешь не тоску, а вниманье.**

**Я не крюк, чтобы мучиться мной,
Потакая служителям ада:
Я иду поднебесной тропой,
Мне утоптанной трассы не надо!**

**Я не сон, чтоб меня забывать,
Но несу в себе тайные коды.
Если некому душу подать,
Я живу по законам природы.**

**Не изгой, не пошляк, не палач...
Наблюдаю за всем небесстрасно.
Но когда тебе больно, я – плач.
У тебя все иначе? Напрасно.**

* * *

Я помню тот вечный вечер,
Когда упала звезда.
В тиши улыбнулся ветер...
Я небу ответил: «Да».

Мне не о чем было думать,
Крутилось веретено
Вселенной. Шальная юность
Мелькнула, лобзая сном.

О прошлом молясь, я верил:
«При встрече не уличу...»
Открылись поэту двери
Изысканных чудом чувств.

Ах, право, грех суетиться,
Когда упала звезда.
Душа, вспорхнув, словно птица,
Одно лишь сказала: «Да».

* * *

Я жалобно вышел в стужу, –
Погода ведь не пустяк.
И встретил меня снаружи
Крещенского хлада стяг.
Смешно голосить увечно,
Что холодно пальцам, щекам...
Морозец прилип навечно
К Крещенью, как жизнь к векам.
Но судит зимы ужимки
Раскинутый парка простор,
Смягчают с небес снежинки
Мороза злой приговор.
И тянется бомж пропащий
В карман – глотнуть зверобой...
Забьется сердечко чаще –
Морозцу объявлен бой.
Попить бы его микстурки,
Забыв о различьи каст.
Блестит, как глаза Снегурки,
Тысячезвездный наст...

* * *

Наст на снегу как парафин.
Тепло сугробу.
Но солнышко, что твой дофин,
Небес утробу
Покинуло, явилось нам,
Послед отбросив:
Сереющего неба хлам,
И красит проседь,
Оставшуюся от зимы.

Забывтой болью
Немножечко гордимся мы,
И новой ролью
Уж грезим, сдав февраль в утиль, –
Пьяны немного.
Весна вокруг на много миль...
Грязна дорога,
Но вечен путь у бытия.
Пусть радость – кроха,
Не отличит душа моя
Весну от вздоха.

* * *

**Здесь, в парке, жизнь намного лучше:
Душа и Бог счастливей во сто раз.
Болтаем мы, и средь привычной чуши
Найти возможно жемчуг и алмаз.**

**Ручей течет весьма категорично:
Зима, твой бой проигран, отступи!
Слух радует капель и вопли птичек,
И мальчик просится в кусты: «Пи-пи!»**

**Весна довольна этой параллелью,
Струится лед послушно по реке,
Объято все поспешною капелью
И тает снег, как деньги в кошельке.**

**И смотрит солнце церемониально
С небес. О нем моя молилась мать...
Конечно это не картина, – просто даль, но...
Мне хочется ее расцеловать.**

* * *

Впрягусь в оглобли Солнца. Ха-ха-ха!
Выходит Солнышко – телега!
Мечта, как видим, не плоха,
Но где же нега?

А нега в том, что я везуч:
Летите, дроги!
Со мной оглобли – знойный луч.
Зима, с дороги!

* * *

Добротно почки раскрывающий Апрель
Пришел, и гомонят ватаги,
Чьи песни так похожи на свирель.
А солнышка лучи, как шпаги,
Воюют почерневший старый снег,
Линяющий подобно крысе.
И раскрываются для сладких нег,
Как мастер в нестареющей актрисе,
Все небеса. Уходит злая хмарь
Зимы. Проходит – словно насморк!
Мне весело смотреть на календарь,
Он – неба голубого паспорт.
Я еду из зимы в весну, в весну,
Турист нарядный и беспечный,
И больше не клонит меня ко сну:
Я – вечный.

* * *

Тридцатое апреля – словно шлюз.
Я простоту отчаял упоением.
В природу поступаю, словно в ВУЗ,
И по приметам доблестно-весенним
Сдаю экзамен. Строгий педагог –
Ветрище – с лету ставит мне пятерку.
Я победить его душою смог,
Стою, курю смирения махорку.
Все садоводство шлет свое «алло», –
Сигналы почками взмывают в небо,
И тает лед загадочный не зло,
Тепло коря экстрасенсорство Феба.
Тот все врачует, выпевая свет,
Лучи щекочат красотою павы.
На ус мотая явь его побед,
Я усмирен брезгливостью канавы.
Уходит оклеветанный Апрель,
Как барин, промотавший состоянье.
Весною год почти что сел на мель...
Но есть приметы верной обаянье:
Весну холодную Господь зачтет за скорбь,
И летом можно ждать с небес подарка.
Возносится молитва из утроб
Застывших. Знаем – летом будет жарко.
Но ветры, ветры, словно басмачи,
Холодным дулом тычут в нас винтовку.

**О, горделивый брат, лети, лечи!
Мы свято веруем в твою сноровку.
Я ностальгию поверял полям,
Вытягивая лосем к небу выю,
И радовался тихо журавлям,
Как будто в Бога веровал впервые.
Но холод, как постылый интроверт,
Цитаты снега из зимы приводит...
Молитву положив свою в конверт
Упрямой веры, я молю о code*.**

**Coda* – окончание (музыкальный термин)

И снова на даче

1

Через речку положен мост.
Вьется речка – змеиный хвост.

На мосту рыбу ловит дед,
Рядом старый велосипед.

Я в дела его сунуть нос
Постеснялся, а старый пес

Подошел и обнюхал вмиг.
Дед ругнулся, но в дело вник:

Покормил, пожурил чуток...
Пес продолжил свой марш-бросок.

Посмотрел вслед ему рыбак,
Улыбнулся, – он был добряк.

На крючке дед сменил червя,
Прежний был уже слишком вял,

И забросил по-новой снасть,
Ощущая к рыбалке страсть.

2

Когда моей собаке снятся сны,
Весь дом дрейфует в сумерках блаженства.
Увидим: верно, нет на нас вины,
И в духе пребывает совершенство.

Наш пес безгрешен. Покормили – спит,
И ходим мы на цыпочках тихонько,
Как будто сон собаки – дефицит...
О чем он? Расспрошу свои иконки.

«Так верно кошку там гоняет он!», –
Смешит меня всезнающий Никола...
Но я догадываюсь, – это вещий сон,
Которому и жизнь совсем не школа.

Быть может, видит ангела мой пес?
Так вздрагивает, словно там загадка...
Проснется – надобно проверить нос,
Он мокрый ли? Спалось ему так сладко!

3

Прозрачная греза небес...
Устала трава веселиться.
Природа! Я, право, не бес,
Но в древо хотел бы вселиться.

От жизни чего-то мы ждем,
Все просим надежды и чуда.
О, счастье пролиться дождем,
Взять веры на это откуда?

Как облако мне приручить?
Душою? Глазами? Стихами?
Минуточку как улучшить,
Чтоб знать сотворенное с нами?!

Родись, поживи муравьем,
Избавься, душа, от гордыни!
Быть может, мы что-то пойдем,
Тогда и пребудем иными?

Купание

Глубь усталой воды. Я плещусь, как собака,
И дождя поплавки мне пророчат испуг.
Над водою – березы. Есть изнанка, однако.
Я пускаю волну: кто я – враг или друг?

Ветра фетр холодит, как улыбка Джоконды,
Но веселое солнце нарушает режим.
С Богом я погожу. Я блажен от погоды.
Дождик кончился вдруг: Бог побрезговал им.

Разрешенье от мук небеса мне подали,
И вода здесь чиста, будто в церкви купель.
Солнца блики под вечер блестят, как медали,
Доблесть дня мне сладка, что во рту карамель.

Я иду по тропинке. Усохло болото.
И картаво вокруг меня птицы поют.
И смешно мне до слез, словно от анекдота,
Поглощать терпеливо неожиданный уют.

Леса ум небестактен. Увидел ужа я.
Ужаснулся сперва, думал – это змея.
Лишь когда засыпал, вежды томно смежая,
Понял: он испугался не меньше, чем я.

День испит, как вино. Я избит, словно счастье.
«Ну, купался, и что ж? Все равно я засну:
Подгоняют часы. Греет память участием», –
Так себе говорю. «Я – похож на сосну.

Что мне доблести дня? Что мне дождик и ужок?
Или ветер, что дул, все печали маня?
Я бреду просто так. Никому я не нужен.
Но смотрюсь хорошо: иглы есть у меня».

5

Затихли дом, кусты, молчит трава,
Замолкли птицы. В небе стало пусто.
От мыслей отдыхает голова,
Как в грядке незрелая капуста.

Устали зайцы. Волки спят в их снах.
Деревья спят, подобно истуканам.
Устали грешники не каяться в грехах,
Устали девы жить любви обманом.

Устала зависть от затей пустых,
Устала совесть быть всегда в фаворе.
Монастыри устали от святых,
Устало счастье, и устало горе.

Все отдыхает: кислород, озон...
Стекло становится прозрачнее в оконце.
Лениво за усталый горизонт
Ползет на отдых разбитное солнце.

Устали чайник, стол, кровать, стена.
От запятых устали томно книги.
Устали роли: даже «муж», «жена»
Космически отбросили вериги.

И лишь душа, борясь, не внемлет сну,
И вспоминает тихо Божье царство.
Ей хорошо замаливать вину
И приукрашивать пустого дня мытарство.

6

Полчаса

Вышел вечером я в сад
И ступаю осторожно.
Звезды в небе. Я им рад.
Их потрогать взглядом можно.

Осязаю небеса
Осязаю, будто сушу,
И заходят полчаса
Незаметно прямо в душу.

Вечность, будто великан
Заслонила время звонко.
Пой, цикада – все обман,
Веру даст моя иконка!

Пошутил... Обиделась
Яблоня на мысль поэта.
Подышу сегодня всласть
На исходе чудо-лета.

Слышно где-то голоса,
В них смирение, блаженство...
Понял я: была краса
Этой ночи странно женской.

Растревожился сарай, –
Только скрипнул для почина.
Ты, душа, не замирай,
Он прославленный мужчина!

По соседству пес завыл,
Встрепенулась вся округа:
«До чего же пес тот мил,
Знать, луна его подруга?»

Под конец совсем смешно
Тявкнул пес, как будто пленный.
Чуть с ума я не сошел
От спокойствия Вселенной.

Портрет

Я вспомнил молодость свою. Грехи?
Конечно, были. Только дальновидно
Себе простил я их. Сейчас глухи
Мои мольбы к ним. Это очевидно.

О снисхождении тогда я не просил:
Любил. И все прощалось мне по Слову.
Порой хватало скромного «Мерси»,
Чтоб радоваться смело дня улову.

Друзья-приятели любили «за глаза»,
Превозносили все мои причуды:
Я был душой компании, гроза
Для девушек. О, юности этюды!

Кто я теперь? Построил ли свой храм?
Пусть молодость на то дает ответы.
Портрету ведь не нужно много рам...
Но хоть одну... Себе позволю это.

* * *

Нева раскрылась ото льдов,
Течет куда-то.
Гранит безмолвный берегов
Как надо
Ее направит, словно Бог,
Даруя время
Из вечности. О, я присох
К реке, но темя
Свободно от тоски веков
И мучит душу
Красою вечных огоньков...
Послушай!
Как плещут волны о гранит,
Рождая блики!
О, пусть, река, тебя хранит
Великий,
Памятник Петра – не монумент,
А память.
Не упусти, душа, момент
Поплакать:
И о Петре, и просто так,
От боли.
Пусть Петр сатрап, а я, чудака,
Доволен.
Смотрю на реку, словно нет
Заботы...

И открываю ей секрет:
С судьбою счеты.
Река послушает – простит, –
Утешусь лихо
Тем, что имею бравый вид,
И Лихо
Уйдет, отступит навсегда
Теченьем.
Река, ты – чистая вода, –
Молением
Предстанешь мне в моей мечте
Печальной,
И я взгрустну о суете,
Опальный.

* * *

Тебя любил я угловато,
А ты – Мадонны светлый лик!
Была ни в чем не виновата
Твоя душа. Я в это вник
Потом, когда простил обиды
Душе, очертанной в стекло;
Ты на меня имела виды,
А я любил до дури, зло.

Ты вся была невестой неба.
Моя любовь была как бой
Со злом в себе. О, как нелепо
Иметь грехи перед тобой!
Мне поцелуй твой – как награда
За добродетельную роль,
Но вот душа тому не рада:
Всегда свою таила боль.

* * *

А я люблю тебя за отрешенность:
Мук не дала ты сердцу моему.
Влюбленность? Назовем ее «иконность»,
Так будет в нашем, милая дому.

Ты для меня готова стать предтечей,
А проповедовать я буду для своих...
И таинство поймут: служитель речи,
Он внемлет небу – тонок за двоих.

Тебе я раздобуду Божье Царство,
И обратятся плут, гордец, мясник.
Простим грехи, безволие, мытарства,
Из нас с тобою каждый в это вник.

Отступникам простим, и состраданье
Нас поведет к другим, иным мирам.
Душою вознесем к состояньям,
В которых нас похвалит Авраам.

Любимая, мы все с тобою знаем,
Творя друг друга верою невслух...
Остаток дней мы проведем за раем,
Зачем нам грех, коль мы имеем дух!

* * *

Дождь льет, как из ведра. А мы – на даче.
Сценарий прост, не пожелать врагу:
Ты, пленница моя, все время плачешь,
И я тебя утешить не могу.

К тебе притронусь – сразу, словно кошка,
Забьешься в угол: зол твой дикий взгляд.
А дождь, как призрак, все стучит в окошко,
И я тебе ни капельки не рад...

Но дождь идет и шепчет заклинанье:
«Вы будете, вы будете вдвоем...»
Мы оба здесь, как будто на закланье.
Быть может, кто-то притворяется дождем?

И так настойчиво стучит по крыше!
«Мой друг, кого вы приняли за дождь?!»
То век стучит. А век нас с вами выше.
Не выше, так сильней, век – это вождь.

Ненужный вождь. На деле плачет небо
О том, что сказки нет у нас с тобой.
Но, Боже мой, как все-таки нелепо
Слезами в дождь душе устроить бой!

Я вышел на крыльцо. Томилось небо,
Томилось странной мыслью о тебе.
И начинал я верить, верить слепо,
Что погибаю в пасмурной борьбе.

Дождь шел и шел. Вселенная желала
Убить меня, живущего огнем.
И ты ее по-женски понимала.
Шел дождь. Ты плакала. О нем.

А он все лил и лил, как злое иго.
Вокруг тебя он создавал уют,
Как будто Бог заснул над скучной книгой,
Где понимают, но не сознают...

И я простил тебя. Простил за слезы.
Моя душа заплакала сама.
Дождь создавал пленительные грезы,
Он привораживал, сводя меня с ума.

Вдруг ты уснула. Кончились рыдания.
А дождь взыграл, выигрывая бой...
Быть может, это было наказание
За то, что я живу чужой судьбой?

Унялся дождь. Твои я гладил руки,
Творца за все благодаря, пойми!
Мы в сон ушли, предвидя боль разлуки,
Чтоб утром встать обычными людьми.

* * *

Вечер, проведенный с тобою вдвоем,
Равняется двум дням, проведенным в музее.
При встрече с тобой я сдаю внаем
Все свои чувства, желанья, идеи.
Ты, как алхимик, имеешь готовый рецепт.
В руках твоих колбою я замираю...
Вот во мне заиграл позабытый душой фрагмент, –
Я ему присягаю и движусь немедленно к раю.
Лаборатория мысли похожа на фуникулер.
Страхи ты препарируешь ловко, словно лягушку.
Стоит мне оживиться – и передо мной режиссер.
Я не актер – дезертирую: сразу берешь на мушку.
А солдатом быть ты не дашь: я о том просчитал, –
Ты же жалостлива... Стало быть, я амеба?
Ты нажимаешь на поле, и вот я – амбал,
Что-то родственное амебе.

Во мне просыпается злоба.

Милой шуткой меня ты вводишь нахально в транс,
Я замечаю в себе желание развеселиться.
Что ж, угожу. Но вот очередной реверанс,
И предо мною стоит субтильная ангел-девица.
Озорница, какой тебя создал Господь?
Поцелуем, понятное дело, не отвертеться.
Я открываю душу, смиряю поспешно плоть,
И мне предлагают вместо нахальства – детство.
Позабыв, что меня, словно золото из свинца,
Приобрели не то колдовством,
не то психосноровкой,

Привидение

Я помню о тебе, как помнит шкаф
Своих хозяев, отданный в другую
Квартиру. Терпеливо прав
Мой мозг – затем что в ус не дую –
(По жизни оптимист) я не ворчу
На перемену места, памятуя
Математический закон. Ему, врачу,
Податлив жизни, тихо салютую:
Что семь плюс три, что три плюс семь –
Все однозначно, хоть неловко.
Ведь находиться здесь совсем
Не то, что быть, как та винтовка,
Что выстрелить должна в свой срок,
Коль автор пьесы небездарен...
И все ж, приемлю свой урок,
Пускай, петух давно зажарен.
Тебя люблю. И куст, и дом
О чем-то мне напоминают.
Не внемлю сказке про Содом:
Иных душе хватает мает...
Я озираюсь там и сям:
Твой помню след и, вытирая
Пыль с зеркала, я вижу там,
Как некое подобье рая,
Мирок, в котором вдруг мелькнет
То взгляд, то профиль, то движенье...

И правильной сказать не «от»,
Но «для» живу... Жду воскресенья...
Да, ты являешься мне здесь
В зеркальном мире очень явно,
Что времени сбивает спесь,
А вере в смысл претит давно.
Хотя я рад: понять разок,
Что ты встречаешь привиденье –
Смешно. Так вычурный мазок
Наносит на мировоззренье
Творец, вину снимая с нас.
Его небес сюрреализма
Со мною деликатна связь:
Мне дела нет вообще до «изма»,
Но я поэт. Весь мир фальшив,
Коль нету в доме вечных линий.
Я буду долготерпелив,
Букет поставлю светлых лилий
У зеркала, лелея шарм,
Пойду мечтать в наш сад о вечном.

Боюсь, признаться, этих рам
Зеркальных, духом человечьим.

Подарю ей аквариум – пусть будут рыбы!
На них можно смотреть, собирая в гурьбу
Все мечты, что нас завораживают, ибо
Рыбы молчат обо всем, включая судьбу...

Немею пред рыбами! Впрочем, стоит
Ли ей дарить аквариум? Вот что? Да,
Оставлю его себе, он того стоит,
Стоит лишь воду налить. А вот и вода!

Не поеду к актрисе! У нее в душе камень
На меня и собачка злоющая в доме – цверг.
Рыбок куплю, тусоваться буду с мечтами,
Кстати сказать, после дождя в четверг.

Кроме прочего, в подвале нашлись пассатижи,
Дождь перестал, и я снова, как и обещал
Пою: «Славься Отче, на небесах еси иже!».
Я понял: рыбки – это все, что ты мне завещал.

Размышления Фауста

Вся наша жизнь – таинственный обряд
Освобожденья радости из плача.

М. Амфилохиева

**Субстанция Любви – веленье быть похожим.
Но, «Сударь, это – Путь», – вам подчеркнут не раз.
Любовь тиха в богах, в нас – лезет вон из кожи.
Любовь – это когда ты крут, как Фантомас.**

**Где прятная душа меняется бесстрастно,
Там nihil* опрокинь и будет все «тип-топ».
В твой дух проникнет ток, космическое прясло,
И ты поверь в себя – не творчески, так в лоб.**

**Калечат люди дух идеями о пульте
И направляют свой характер к рубежам.
А мы с тобой, Любовь, заботимся о культе,
О нем, о нем одном, блуждая в миражах.**

**Но стоит ли судить, тревожа подозренья,
Тех, кто не смог постичь распятость и пропал?
О них, прошу Тебя, иметь мятежным мненье:
Живя в своем миру, я сам, страдая, пал.**

**Во мне давно живет фактура старой кухни,
Где забывают все, прощая до среды...
Спасен Любовью я, а ересь скоро рухнет.
Любовь моя – пожар, спасибо за труды!**

**Nihil* – отрицание всего (лат.)

* * *

Не писал я давно.

Мне сказали: «Пишите вы Богу!»

Бог – как рама всему.

Что там видно поэту в окне?

Только муза моя

поклоняется слепо лишь слогу,

Если мыслить глотком,

как стекло – не заметен вине.

О сравненья, намеки,

аллюзии, уподобленья!

Вы – как боги в стихе!

Иногда я вас просто боюсь.

Вы мои оправданья, молитвы,

мои упоенья,

Воздвигаете радость вы там,

где по логике грусть.

Нерасчетлив подход мой.

Метафора, словно медуза,

Обожгла мне печалью

сакральный узор на руке.

Пусть! Я жду гороскоп

воскресения, будто бы шлюза,

Чтоб корабль мой поплыл

по широкой и вольной реке.

* * *

Бог не явился. Я не спал,
Имея веру повседневно:
Я ждал, алкал и пропадал,
Но Он меня покинул гневно
За торжища моих миров,
Когда я верил лишь в заслуги...
Спасал, спасал меня Иов,
Слова толпились, словно слуги,
Когда молитву я читал...
И вдруг... простил мне горечь, смуту,
И вновь в душе устроил бал,
И час продлил во мне минуту.
Моя наивность, словно ключ,
Мне объясняла тихо такты.
О, до чего же луч певуч,
Когда прощенье не за факты,
А так, – от преизбытка сил...
Возвысься, Боже, надо мною!
Чтоб я опять тебя молил,
Не откупаясь суетою.

Заветное лицо

Бывает, день пройдет в мельканье лиц:
Все будет в нем – и доброта, и шалость,
Но вечером поймешь, что это – блиц...
Раскланявшись, уйдешь ко сну. И малость
Помедитировав, найдешь одно лицо.
Одно, заветное...

Спасения убого

Испросишь вновь и, словно на крыльцо
Церковное взойдешь, и у порога
Почувствуешь – тебе сказали «да»,
Намеренно воздев всю душу к небу.
И отойдет на задний план беда
Давнишняя, и объяснится ребус.
Будь благодарен: тут дружка наркоз,
Здесь совесть на тебя имела право,
А там срезая, как шипы у роз,
Любви упреки, свыше слышал «браво»...
Одно, заветное,

не помнящее зла,

Что сотворил ты брату так беспечно...
А без него вселенная – мала
И жмет душе, внушая слово «вечно».

* * *

О, не ругайтесь на поэтов!
Живется им трудней, чем вам:
Заметить то, услышать это...
Уняв душевный тарарам,
Влюбиться сильно... ненадолго!
Потом просить прощения...
Уйти от выпренности, долга,
Твердить: «Душа вотще моя
Сей мир, наверно, посетила...»
Обрадоваться комару;
Забыв тоску, молиться мило
И отрезвиться ввечеру...

Слепить весомый стих от скуки
И верить, верить: «Победил!»
И делать все не по науке, –
Исподтишка, чтоб не побил
В душе Дух Святой Аполлона,
Но чтоб была меж ними связь!
Иметь, иметь рога бизона,
Чтоб убоился темный князь.
При этом скромным быть, азартным
И бредить Кастанедой в ночь,
И знаться с Лотманом из Тарту,
Зарифмовать «помочь» и «прочь»...

Все это делать с удивленьем,
Как будто родился вчера!
Подарком видя искушенья,
Своей судьбе пропеть: «Ура»;
Уйти от воли, двоедушья,
Иметь кавычки, словно лаз,
Для тех, с кем просто очень скучно,
Хоть обломился ты не раз...
Такая участь – умиление
Для тех богов, что их хранят.
Но состраданье и терпенье
Подайте им – взамен наград!

* * *

От жизни, я словно от браги,
Ушел: лишь молитвы да пост.
И, как полинялые флаги,
Я дни отношу на погост.

В душе моей нет интереса, –
Она безмятежно проста.
Я радостен не от процесса, –
От веры. Во мне – нищета.

Грехов непомерного груза
Не чувствую. Разве чуть-чуть.
Я мертвенной тогой Иисуса
Доволен. Зовут меня в путь

Свершенья, заветные книги
И правильность древних седин...
Меня узнают забулдыги,
Бойтся бессовестный сплин.

Зачем мне слова?! Демагоги
Пусть любят пустые слова.
В душе возвожу я чертоги
Молчаньем: вот веры права.

Читаю псалтирь я Давида,
Лелею возвышенный слог.
Представь, это все не для вида,
А чтобы Господь мне помог.

Надеяться на покаянье
Душе христианской чудно.
От ангелов пью воздаянье,
Как чаши заветной вино...

И дух, отрекаясь от мира,
Лишь словом Иисуса живет.
Надежно, как будто рапира,
От зла меня крест бережет.

* * *

Михаилу Щербакову

**К сведению опоздавших на самый последний рейс
Сказано будет всуе: самолет уже не возвратится,
Ибо в недра заложен такой засекреченный кейс,
В котором бьется, как сердце, бомба.**

**И встречная птица
Помочь не сумеет, когда в его брюхе рванет,
Она лишь метнется в сторону,
сердце ужасом сжавши.
Никто не спасется, никто. Даже второй пилот.
Радуйся, опоздавший в куртке из рыжей замши!**

**Радость твоя продлится минут эдак на ...дцать,
Затем, наверное,
не сможешь сдвинуться с места,
Потом начнешь молиться и все-все понимать,
И вскоре станешь кроток,
словно Христова невеста.**

**Все что в жертву принесено было ради тебя,
Будет казаться тебе временами не сном, а явью.
Придется дружить с психологом, но только судьба
Помочь тебе сможет.
Прости, что душу твою отрезвляю.**

В ход пойдет каждый встречный
на тихом твоём пути:
Мысли о самости, книга Дейла Карнеги,
Молитвы брошенных женщин,
все те, кого защитил,
И все, что ты знаешь
о совести и её отчаянной неге.
Будет немало срывов, но вера спасет, спасет
Тебя, опаздавший,
проведший хоть год без фальши!
Правда, вряд ли ты сядешь
еще когда-нибудь в самолет.
И уж точно не будешь совсем,
совсем никогда опоздавшим.

* * *

Еще не распета наивность,
И совесть – ответ на вопрос...
Еще в нас матера невинность,
И грех так похож на донос...
Еще мы смелы и отважны,
И кажется все по плечу,
И нет в нас ни подлости скважин,
Ни страха пред злым «уличу».
Еще, ну совсем понаслышке,
Мы знаем навет сатаны,
Еще интересны нам книжки,
И снятся веселые сны.
Еще мы робеем, гордимся,
Еще за нос водим судьбу,
Еще мы в миру веселимся,
Друзей собирая в гурьбу.
Еще мы смеемся. При этом
Наш путь нам не кажется мал,
А уж Иисус за ответом
На Суд как-то раз призывал...

И смотрит икона так грозно:
«Вся жизнь твоя, братец – такси.
Пока еще, слышишь, не поздно!
Спаси свою душу, спаси!»

* * *

**Я буду жить по правилам,
Не очень горячась.
Пусть жизнь меня ославила –
Я маленькая часть.
Грехи свои бедовые
Покаю – я мастак.
И призову дни новые,
Что делать надо так:
Я буду греть смирение
И понимать друзей,
И каждое мгновение
Пусть будет, как музей.
Я буду чтить традиции
И радовать семью,
На каждой репетиции
Стараясь жизнь свою
Подать по-человечески –
Даст Бог, не подведу.
Прости меня из Вечности
За слабость и беду.**

* * *

Жизнь не раз давала мне под дых.
Я, шутя, ей говорил «merci».
Не смотри ты, Боже, на святых,
А меня, пропавшего, спаси.

Видел я себя и наглецом,
Были и слова, как звук пустой.
Не побрезгуй, Господи, свинцом,
Превращенья в золото удостой.

Как вино, я пил благую боль,
Мне урок смирения – маца.
Не спеши казнить меня, как моль, –
Пред собою вижу я Отца.

Собственных стесняюсь мыслей, чувств.
И пускай смиренье мой удел,
Но хочу спасения, хочу!
Богу этим, право, надоел.

Мне сказал Утешитель: «Чудак»...
Разберись! Ведь я не маловер!
Пусть Иисус и не любил собак,
Ты не ставь себе Его в пример.

**Крохи те таскают со стола.
Господа – довольны все вполне.
Мне и эта долюшка светла!
Не гони, прошу Тебя, и не**

**Укоряй, что нету добрых дел,
Ты не мерь меня на свой аршин...
Обратиться я с мольбой посмел,
Веруя в Тебя. Ведь Ты – Един!**

* * *

О, Господи, не осуди мой крест,
К Тебе пришел с повинной головою:
Прости за простоту,
но Царство Божье – трест,
Что заключен меж мною и Тобою.

Как научил Пресвятый Серафим,
Выменивал на большее дары я.
И вот теперь, как Ангел, не судим,
Стою перед Тобой в святом порыве.

Давно ли я смеялся над Тобой?
Но ты простил мне песенку комарью...
А вот теперь за выигранный бой
Себя законно вижу новой тварью,

И милостью Твоей опоен, как
Вином. Святые стали мне как братья.
А ведь сказать по сути, я – дурак,
Укравший Божье царственное платье.

Себя утешу тем, что Бог, как тать, –
Грех украдет, и человек добреет.
Кому такое можно рассказать?
А никому. Так запишу скорее.

**В иное время всех почту. Сейчас
Хочу я поделиться благодатью,
Что Иисус меня обидно спас,
Дав покаяния простое платье.**

**Я тихо плачу, вспоминая грех,
И радуется ангелов ватага.
От умиления недалеко до вех:
Печать имею Духа я Святаго.**

* * *

Посетила сегодня истома.
День прошел в неразумной агонии.
И себя я почувствовал дома,
Лишь полив на окошке бегонии.

Телевизор убрав трусовато,
Стал читать Златоуста Господнего.
В покаянье дошедший до пата,
Отрешился от мира исподнего...

Не судил я на Судище Страшном,
И за то Бог воздал мне сторицею.
И совсем позабыв о вчерашнем,
Я почувял себя Единицею.

Впрочем, избранность дома – пустое.
Расстарался бес. Старая сводня!
Но я знаю и верю, что стоит
Что-то сделать для Бога сегодня.

* * *

Пленная душа разве алчет власти?
Может просто люб ей роковой навет?
Бог же обещал нищим духом счастье...
Что с того, что в жизни не оставил след?

Следопытом стать сможешь ли под вечер,
Убаюкать ум, вычислив ходы...
Если другом был только теплый ветер,
Значит, был уют, не было беды?

Был ли говорлив? Вспомнишь – небо ближе.
Был ли, человек, скромн твой поклон?
Всю печаль твою сон, как пес, залижет,
И повеет тихо благо от икон.

Был ли одинок? Правда же, что не был!
А друзей провел – незаметна боль!
Верил ли в себя, думая: «А где бы
Мне другим помочь – есть ведь в духе соль!»

Если все себе предложить спокойно,
Можешь посчитать, что и ты – святой.
Хорошо же плыть под Его рукой, но
В памяти держать это – простотой.

* * *

Мятежен дух, познавший славу Бога,
А гордым быть по-прежнему нельзя...
Душа моя давно не недотрога,
И все ж мечтает о стезе ферзя.
Все уговоры для нее условность
И покаянье мнится палачом...
Поет душа всегда как птичка, словно
Всегда ей петь о славе. Ни при чем
Себя я чувствую, коль грех внутри явился.
Он только туча. Солнышко – Любовь.
И сколько б Бог на это не сердился,
Я знаю: милость посетит нас вновь.

Счастье

Над небесами Солнце – как пастух.
Кого пасет оно? – И ангелов, и грешных.
День, объяснившись нам в любви, потух,
Полна душа каких-то чувств безбрежных...

Похожа жизнь на радужный музей, –
Почтенье есть, наглядность, провиденье...
Устав светло от призрачных затей,
Приходят к нам святые умиленья.

Пусть было все, – грехи, судьба, урок,
И счастье презирали мы, играя...
Слова, произнесенные в свой срок
Явились нам спасением из рая.

Чему служить? Все вертится и так.
Молось о Боге. Помогает ангел.
Как в оркестровой яме, каждый такт
Знаком тебе, и соло – словно факел.

* * *

**Моя душа, пройдя боренья
Покой познала неземной.
Все здешнее – лишь впечатленье,
Запечатлен в нас мир иной!**

**Скорбя, вмещаю мира сложность.
И простираюсь у креста...
Да будут в мыслях осторожность
И в добром деле простота!**

**Из книги
«ЖДУ ТЕБЯ
НА НЕБЕСАХ»**

Снег

Выпал снег, и земля перестала быть черной:
Белый снег – это заповедь каждой зимы.
С этой магией, будто с беседой Нагорной,
Все согласны. И мы, да и даже не мы.

Белый снег – это то, о чем людям мечталось.
Так приятно, как будто ты встретил родню!
Мы в прошедшем году без него пострадались, –
Что за чушь: дважды за зиму видеть лыжню?!

Белый снег нам желанен – как светлые мысли:
В чем-то он убеждает своей чистотой.
Словно молвит: коль хочешь, в святые зачисли
Сам себя. Это, братец, приемчик простой.

Мы, и даже не мы, этой ласке Всевышнего рады.
Ухищренья Творца гениально просты:
Белый снег превращает прогулки в парады,
Это цвет изначальной людской нищеты.

Белый снег! Я для лыж накупил себе мазей,
Взял иконку с собой – умиляется пусть,
Ну, и в парк! Нет милее на свете okazji.
Пусть лыжнею покажется жизненный путь!

Снега нити сшивают нас накрепко с небом.
Можно верить, что в чем-то возвышенно прав.
Снег идет. Это будто ответы на требы,
Те, в которых у нас
перед Господом множество прав.

* * *

**Я – трава. Я согреюсь снегами,
Шторой ветра окно заслону,
Растворю всю печаль в птичьей гаме,
Шустро тучку в постель заманю.**

**Кто я? Знает лишь пёс да тетрадка,
Да метели нездешней вино.
Оттого-то мне больно и сладко,
Оттого-то любить суждено.**

* * *

Зимой душа заиндевела,
Чтоб соответствовать вполне...
Ее я сравниваю смело
С узорами, что на окне.

Себе, как снегу, удивляюсь:
Я стал и холоден, и бел.
Зимою я прелюто каюсь, –
Дух, словно древо, онемел.

И холодны любви объятья,
И чувства скованы во льдах.
Зима – как древнее заклятье,
Что забывают лишь во снах.

Мне кажется, и твердь продрогла, –
Хрустит, скрипя, земная ось...
О том, что нет в смиренье прока,
Зима упоминает вскользь.

* * *

Вечер. В парке с собакой прогулка.
Неуютно, тревожно внутри,
В голове моей пусто и гулко...
Мир, наверно, спасут фонари?

В темноте снег лиловый все кружит,
И скучища – что ни говори!
Мрачно, холодно, страшно, недужно...
Где же спрятались все фонари?

Без подсветки метель так жестока:
Душу бьет и сжимает в дугу.
Вдруг – фонарь! Наслаждается око,
Словно в праздник смакуешь нугу.

Но подумай, дружище, немного:
Мы когда-нибудь точно умрем!
Что ты вспомнишь? Галактику? Бога?
Нет! Как шел, освещен фонарем!

Так глядите ж всегда с аппетитом,
Чистым светом ведомы, как встарь!
И отступят хандра и бронхиты...
Мир спасет от печали – фонарь!

* * *

Морозный воздух. Снега тайна.
И ветра спущенный курок...
Я встретил Вас почти случайно
И от виденья изнемог.

В паденье безразличном снега
И трепетанье сонных звезд
Внезапно умиранья нега
Явилась мне, как на погост.

Я вспомнил лета полыханья,
Чтоб отрезвить себя чуть-чуть,
Но это смутное желанье
Лишь духу преградило путь.

Я полюбил Вас незаметно:
Так ночь идет на смену дню.
Возможно, нужен мне ответ, но
И безответно Вас люблю.

* * *

Меня похитила любовь...
Вновь защемило сладко сердце
Ты скажешь – знает то любой?
– Не каждый ходит этой дверцей!

Любовь – добытая мечта,
А с нею жить – не оберешься
Греха, и потому листать
Приходится словарь. Смеешься?

Словарь Ахматовой, словарь
Бесхитростного Саши Блока,
И жить, как люди жили встарь,
И рисоваться от урока.

Любовь слепа. В ней Бога нет,
Она, что квас, сильна брожением,
Она – скорее тьма, чем свет,
Она не внемлет возраженьям.

Она – скорее плоть, чем дух...
Я берегу ее. Напрасно?
Она, как сказанное вслух
Случайно... и, хотя лишь раз, но

Запомнивший ее – чудака,
И пусть над ним судьба смеется,
Ее не отличишь от врак,
Сама любовь всего добьется:

– Возьмешь меня такую? – Ждет...
А я беру без промедленья.
И вот уж рана есть и йод...
Любовь – болезнь? Иль исцеленье?

* * *

Ты ускользаешь, словно сочетанье
Сознания с теченьем сна.
Не сбудется обнять тебя желанье,
Для этого ты, видно, создана.

Само желанье я запомню только:
Оно и чище и милей, чем явь.
Душа смеется: что ж, влюблен поскольку,
В реальность свои грезы переплавь.

Не уцелеть любви от силы тренья
Между мечтой и званьем чудака.
Но я не забываю ощущение,
Моя печаль прекрасна и легка.

* * *

Мой ангел, доверь мне свои атрибуты:
Нелегкую совесть, доверчивый нрав...
Из душ мы с тобою сошьем парашюты
И будем летать над полями, где трав
Так много, что можно, похоже, зеленку
Глазами разбрызгивать в раны свои.
И будем мы петь так заливисто, звонко,
Что даже замолкнут в лесах соловьи.
Не плачь, не печалься – пройдут снегопады.
Весною согреет нас солнца каскад.
И дни снова станут блистать, как парады:
За доблесть да храбрость, и за маскарад.
Прости за надежду. Я дал ее лихо,
А сам – ведь ты знаешь – простой Арлекин.
Жить с ангелом рядом – позволено тихо,
А я распеваю! Ведь я – не один!

* * *

Если видеть тебя, то душа становится чище.
Если слышать – уверенность обретает и слабый.
И неважно кто – даже тот, кто зажег звезд тыщи,
Будет ой как неправ,
если вдруг назовет тебя бабой.

Не умею светить. Ну и что!
Я с тобою, как Солнце с Луною,
Отраженным светом свечу, и мне не обидно.
Никогда о судьбе своей я не плачу, не ною,
Пусть нам вместе не быть.
И какое тут, к черту, либидо!..

Умоляю тебя, отогрей наши парки и рощи,
Помолись за Весну,
чтобы не простудилась в дороге.
Странно, но святой мне тебя видеть проще,
Чем молиться иконам тем, где нарисованы боги.

Ты за лесть не прими:
говорю все от сердца, серьезно.
Хоть мой свет и похож
на простую ночную рекламу,
Но ночами в морях поднимаю приливы я грозно,
И велю тебя благословлять я всему океану.

Боль

Предлагаете дружбу! Так мало?
Я приму это странно, как боль,
Что уйти вскоре пообещала,
Но уходит не сразу: пароль
Хочет выпытать у скитальца,
Или просто вежлива так...
Боль, поймите, нельзя вам остаться!
Поднимите скорей белый флаг!

Не довольствуйась дружбой по пайке,
Все ж беру, ведь друзья – знатоки!
Я, конечно, люблю ваши байки,
Но во мне не миры, а мирки...
Тесно будет – скажите мне в шутку,
Что я шут и глупец. Я пойму.
И обижусь всего на минутку.
Не топите меня в ней. К чему?

* * *

Твоя холодная рука
За день мучения – награда.
Ну, да! Любовь моя легка,
А разве по-другому надо?

Стоять, не размыкая рук,
По-моему – немного пошло.
Я так люблю печаль разлук,
Я так люблю мечтать в окошко...
Мне совесть отрезвляет дух.
А мудрецы внушили тайно:
Слова любви должны не вслух
Звучать. Ты в духе обитай, но
Дай мне несчастным быть чуток:
Страдая, зазвучу я песней.
Любовь – источник силы, ток!
Нет для меня его чудесней.

А впрочем, вру! Поверь пока:
Есть смысл в значении «прохлада».
Твоя холодная рука
За день мучения – награда.

* * *

Простить? Какого черта! Нужно
Опять мне слышать голос твой.
В конце концов, звонок заслужен
Моей душевною страдой.
Я не могу пытаться надежду:
Я позвоню, прочту стишок,
И уж потом, смежая вежды,
Пойму, зачем мне ссоры шок.
Да, я похож на Арлекино,
Да, трижды проклят мой амвон,
Но все-таки живу я ино...
И не желаю «выйти вон».
Прости за радужность, за смелость,
Прости за веру, наконец.
За что еще? За эту мелочь,
Что я немножечко самец.
Прости! Я тотчас угадаю,
В каком зоне ты жила
И поведу тебя не к раю –
В край, где и ссора мне светла.

* * *

Я помню странную науку
Жеманности. Она важна.
В ней набивал я ловко руку,
И за собой мечта вела:
Быть милым, пошутить при дамах,
И недотепу осрамить,
Не замечать нахальства в хамах,
И за словцо... любовь купить.
Все это нужно, нужно, нужно:
Так трудно жить без суеты.
Но чувствую себя недужно:
Ужимки эти все – пусты!
И ангелы не принимают
Увы, меня за своего:
И там, и здесь мне душу кают,
Не понимая одного,
Что роль исполнить мне не мило,
А быть святым, иметь свой крест
Меня душа уже просила...
Но нет помощника окрест.

* * *

Прошу, зайти мне в душу через черный ход,
Чтоб не заметили охранники и челядь:
Я не люблю парадных встреч и их длиннот,
И этикетные балы мне сводят челюсть.

Войди, и спрячемся мы в голубятню, на чердак.
Чтоб не замаливать грехов потом полынных,
Пусть будет хохот наш и нагл и наг,
Освобождает он от мыслей эндокринных.

Душа тебе подарит голубей-гонцов,
И будешь слать мне письма издалёка.
Те голуби, они летят на зов,
Чтоб не было влюбленным одиноко.

* * *

Дача. Печка. Кружка чая.
Грусть солдатом на часах.
Я, конечно же, скучаю.
Жду тебя на небесах...

Я Бердяева читаю,
Философией пропах,
В эмпирии залетаю.
Жду тебя на небесах...

В огороде слушал птичку:
Ох, не зря Бог создал птах,
Так поют оптимистично!
Жду тебя на небесах...

* * *

Ты помнишь музыку печали?
Она влекла меня, влекла
Давно. И все ж я был в начале,
Не доверяя сну, и зла
Отчаянно не чаял в тактах,
Внимая переливам дня,
Печальней час от часу ... «Так-то», –
Ей говоря. Чтобы меня
Растрогать, музыка меняла
Тональность – как богиня шаль.
Печали было много? Мало.
Мотив я верой разрешал.
И нравилось деревьям это,
Дома толпились надо мной,
И выручала сигарета,
Печаль ласкалась: «Милый мой!»,
И падал снег благодаренья,
И душу похищал минор –
Как будто чей-то День Рожденья
Сочли непразднично за вздор.
И звуки были, как уступы,
Не позволяя впасть в обман,
И музыка твердила: «Глупый,
Ведь ты не слушатель, ты – стан».
Но верил я без остановки,
Что я печаль благословлю,

И не было во мне сноровки:
Я до сих пор ее молю,
Молю продлиться, стать надеждой!
Но нет. Печаль со мной строга.
Сочтя меня совсем невеждой,
Она сужает берега,
И то, что было полноводным,
Теперь течет лишь как ручей...
Печаль, не будь такой холодной,
Ведь я уже почти ничей!
И вот, ручей нашел плотину
И разлился, как озерцо.
Надеюсь, что теперь не сгину
И сохраню... печаль? Лицо!

* * *

Постигая дымящее свойство любви,
Я мечтой зажигаю во тьме фонари.
Слышен смех. Оставляя меня визави,
Бог душе ясно шепчет: «Гори!»

Фонари разгораются. Сказку на явь
Я меняю, от веры слегка бестолков,
Понимая, как заповедь: ум обесславь,
Но в молитве обрящешь улов.

* * *

Луна на небе – молоко,
Зрачок наполнился, что кружка.
Кружок луны так далеко,
И все ж она моя подружка.
Лелеем светом, устаю
Как сирота, касаясь ночи.
Я – то сиротство познаю,
Что независимо, как прочерк.
Луна свое дает кун-фу,
Где чем ты тише, тем веселей...
Не занесен ни в чью графу,
Подобен дух пьянящей соме.
«Ну, перестань считать до двух», –
Ее настойчиво упрямство.
И взгляд мой влажен, а не сух:
Луною я пою пространство.

* * *

Твой я не был весь, уж прости, прости...
Я благую весть так хотел нести!
Да, я не был свят, не ломал колен,
Но был очень рад попадаться в плен,
В плен большой любви, в плен больной вины,
И не смог, увы, пробудить все сны,
Жил я, как актер, постигая быль,
А любовь – шатер у моей судьбы.
Не звучи набат, отпевая нас!
Кто любил – тот свят, вот и весь мой сказ.

**Из книги
«Я ПУТЕШЕСТВУЮ
В МИРАХ»**

* * *

День – как рисунок в мозгу Рафаэля,
Он не написан, задумка пока!
О, не томи меня, лени гантеля,
Творчества нега да будет легка!
В дне моем много сермяжных забот, но
Жить не хочу, как беспечный таксист!
На полотне и мазком быть почетно,
Я ж претендую на большее – кисть.
Солнечной шпорой мой день крутобокий
Пусть подгоняет, кто взял под уздцы
Дни и недели, начала и сроки –
Тот, перед кем быть смиренней овцы
Хочется магам, поэтам, скитальцам:
Всем, кто способен быть кистью в руке.
Замерли все. Шевельни только пальцем!
Сразу появятся: пёс налегке,
Старенький дворник с чудесной метелкой,
Пара студентов с авоськами книг,
Мама, вокруг детки заботливой пчелкой
Кружащая... В панораму я вник.
Каждый участник украшен нарядно:
Тот – этикетом, а этот – мечтой.
Жить – хорошо. И творить безоглядно!
Быть не могу безделушкой простой.

Разбор некоторых насущных понятий

Хорошо – это если
Ты расслабился в кресле
После дня, где усталость
Заработана честно.
Только будет нелестно
Понимать эту малость...
Так что книгу захлопни,
Выйди в ночь прогуляться
И кури, будто гопник:
Может сны не приснятся.

Плохо, если ученье
Зачтено за раченье:
Похвала как цыкута, –
Ты совсем ни при чем.
Неисправен объем
У души. Нет маршрута...
Но молись, словно понял:
Ангел внемлет, как младший.
И антонимом блажи
Ты, покамест не помер,
Примешь мир, что с изнанки.
Примиришь – там не танки!
Там иное прекрасно:
Лепота воздыханий
В дух войдет без стараний...

Не противься. И праздно
Ты познаешь весомо,
Нищетою объятый,
Ту, что любит истому,
И стоит нераспятой.

То – природа. Любезный,
Не кичись своей «бездной»:
Без греха лишь святые;
Нам, мирянам, на зависть...
Но найди свою замять,
Брось сомненья пустые,
И, очерчен мечтами,
Словно листьями клена,
Будешь, будто о маме,
Думать незащищенно
О судьбе.

Мой дом

Мой дом стоит на перепутье всех дорог.
В него гостей Бог посылал без спросу:
И тех, кто на пути совсем продрог,
И тех, чья вера не имеет сносу,
И тех, кто спутал меру и талант,
И тех, чей спутник – хитрость злого змея,
И тех, кому судьба бросала фант,
И тех, кто жил, промолвить Слово смея.

Своих гостей я уважал, как мог.
И спорить не пытался, принимая:
То интеллекта при займу кусок,
То прикоснусь невольно к тайнам рая...
Я ждал их пыла. Принимал всерьез
Уверенность в забавном аргументе,
Ценя курьез, вновь задавал вопрос,
Врачуя что-то в вычурном моменте.

Ответы я запоминал: в одни
Влагая совесть, а в иные – зависть.
Ответы были разными, как дни
Божеств. Они смогли направить
Мой ум. Я спутал веры, письма, на,
Из коих прореченное слагалось...
А имена внушали, что одна
В них милость лишь... А это ведь не малость...

Кайрос и Хронос

– Подожди хоть минутку, постой! –
Заклинаю я время везуче. –
Дай пожить под твоею пятой,
Быстротечностью душу не мучай.

Тут со мною поблизости мать
И отец. Пусть же длятся минуты!
Мы умеем любить, смеем знать.
Знать, прекрасны судьбы институты...

В наши души ты бей, как в тимпан,
Чтобы радостны были мгновенья.
Я не верю, что мир наш – обман,
Жду я Кайроса* мановенья.

Хронос**, полно мечтать о правах!
Я болею тобою. И только.
И ценю, как молчанье монах,
Разговор – просветления дольку.

**Кайрос* (др.-греч.) – бог счастливого мгновения. У древних греков было два слова для времени:

***хронос* – касается хронологической последовательности или время прошедшего и все пожирающего (имеет количественный характер); *кайрос* – неуловимый миг удачи, который всегда наступает неожиданно, и поэтому им очень трудно воспользоваться (имеет качественный характер). Кайрос обращает внимание человека на тот благоприятный момент, когда нужно действовать, чтобы достичь успеха.

Здесь

Там и доллары, и евро,
Там имеют в доме слуг...
Здесь озера и деревья,
Журавли летят на юг.
Там заборы и собаки,
Полон дом хмельных гостей...
Здесь надежды, драки, знаки
И дрожат от новостей.
Там Форсайты и проныры,
Смех и юмор – как буйки.
Здесь залатывают дыры
В чакрах боги-мужики.
Там почтением согреты,
Там и слава, и успех.
Здесь пророки и поэты
Ладят с небом без помех.
Там курорты и Гавайи,
Адвокаты на суде.
Здесь спасаются адвайтой,*
Ну и... ходят по воде.
Там джакузи и массажи,
Там мартини, виски, джин...
Здесь бутылочка на пляже,
В ней, должно быть, добрый джинн.

**Адвайта* – индийское учение о неделимости бытия на противоположности

Я путешествую в мирах

**Я путешествую в мирах
Заоблачных, как в детстве,
Где оценён и вертопрах,
Где нет ни войн, ни бедствий,
Где просто быть самим собой,
Где трудности – забава,
Где цвет у неба голубой,
И есть на Солнце право.
Здесь покаянье не страшит,
Мир кажется общиной.
Здесь вера – непременно щит,
Герой – любой мужчина.
И можно верить в миражи,
И люди не обидят...**

**Но там, над пропастью во ржи
Страдают, ненавидят!
И выручать, бежать, помочь
Хочу я по-соседски!
Земное горе скрыла ночь.
Взгрустнулось. Не по-детски...**

* * *

Я ленисто вдыхаю облака.
Представь, они настолько низко!
Мне кажется, в них спрятана тоска,
Достойная большого обелиска.

Не та, что давит на плечи тюрьмой,
Иная – разжижающая душу.
Чтобы душа жила не по-прямой,
Тернистому завидовала кушу.

Курю. И в облака пускаю дым.
Пусть сей процесс рассеет все догадки.
Пусть дым потворствует иллюзиям моим,
Которые чаруют и не гадки.

Как кот, я облака из миски пью.
Дым делает их бремя ближе.
Тоска и sky* похожи. Познаю.
И небо опускается все ниже.

*Небо (англ.)

* * *

Радость спрятана в скорбь.
Чувства верны, как рабы.
Что я такое? Сноп
Зла, добра, их борьбы.

Зло, как политик, бред
Свой предлагает рабам.
Добро оставляет след,
Строя меня, как БАМ...

Сквозь леса – магистраль.
Лес – заблужденья людей.
Где ты, Святой Грааль?
Где вы, пиры идей?

Споры друзей моих,
Где вы теперь? В аду?
Я не забуду их.
В память, как в храм, войду.

Буду молиться им,
Чудные гимны петь.
Песни мои, как дым...
В жизни спрятана смерть.

Роль

Знатный ты или бедный,
Иль Магомет с горой,
Вычурный или вредный,
Все же – актер, герой.

Может быть, был вторым ты,
Может быть, первым был, –
Тропы твои избиты,
В жилах преданий пыл.

Носишь ли крест нательный
Или буддистом стал,
Может быть, жил в котельной, –
Истинный Путь искал...

Звал ли на суд столетья,
Был ли простой пират, –
Все ж, во-вторых, и в третьих,
Был ты чему-то рад,

Хоть и играл по нотам:
Мука, сиротство, боль...
Или еще чего там?
Все это, знаем, роль.

**Праздник окончен. Свечи
Люди зажгут вот-вот.
Что теперь? Чет и нечет,
Разных печалей свод.**

**Так о себе подумать
Может любой в ночи:
Что, мол, с того, что умер?
Роль была. Текст. Молчи.**

Там...

Там будет век. Там будет сон ножа.
И птицы будут петь небезразлично...
Там очерчу я круг, и та межа
Там будет криком, чтобы горемычно
Мне не пропасть. Пусть демоны уйдут,
О круг споткнувшись вялые до боли...
Там я сожму в руке венок, как кнут
(Сравнением не оправдаться что-ли?).

Там будет Он. Растерянный, смешной,
Удалый как всегда, и по-привычке,
Мы будем наслаждаться стариной
И отвергать дурацкие кавычки.
Там будет бой. И, дерзостно грубя,
Мои солдаты встанут в оцепенье...
Там я опять, опять найду тебя
И распознаю тесноту в движенье...

Там будет мир. Кричащий, заводной,
Что из печи мы выхватим ухватом,
Там будет все томительно, как зной,
И снег там будет белый, словно ватман.
Там будет рай – незрячий, как стрела
Что выпущена Кришною из лука...
Там каждый будет петь свои дела,
А подлецы – умрут. И пусть не в муках!

Там будет голос – строгий, как орган,
Он будет просто приходить – как Саха,
Там будет лебедь размышлять про сан,
Там ближний будет близок, как рубаха,
Там будут тонки одеянья тел,
И там сольются радостно эоны
Тех, кто от веры был несметно смел
И тех, кто верил лишь в одни законы...

Там будет пир. И там, на том пиру
Меня убьют изысканные рифмы.
Я там вполне намеренно умру.
И пусть! А воскресят попозже нимфы...
Там будет все. Не будет лишь Христа,
Который всех согрел и отвернулся.
Но мы помедлим, и потом уста
Наполним просьбою, чтоб Он вернулся.

* * *

Я верил в повседневность боли,
Но Ты избавил от нее,
Мне приложив к изнанке роли
Фальшивость – словно мумие.

И знаю я, грозой задетый,
Что я – лишь Твой громоотвод.
И молния не будет метой
На теле. Грозный небосвод

Ее пошлет мне, как подачу:
Мол, проведи, угомонись...
И боль уходит. Я не плачу.
Меня спасла от смерти мысль.

* * *

О, сколь ни странствуй по мирам,
Нет в них уюта!
Извечный на Земле бедлам,
И лишь минута,
Чтобы спастись, дана тебе:
Не прогадай же.
Вот только б ангел на трубе
Играл без фальши!

* * *

Мерцание лампы
и мысли о нуле.
Динамика инсайта.
Замедленный инстинкт.
Рыдания неба. Скука,
погибшая во зле.
На третье – балагурство,
что веру мне простит.
Нехоженые тропы.
Реченья как дворцы.
И километры воли,
что осушают мозг.
И реки черной неги,
и карты дефицит...
Воспитанностью духа
горит несмелый воск.

Счастливым день

Словно ракушку нашел тебя в песке...
Тихо озеро плескалось вдалеке,
Солнце грело, как холодный мадригал,
Эту музыку я сердцем принимал.

Ветер дул, как будто верил в Страшный Суд,
Сомневаясь, что на нем его поймут.
Небеса цеплялись к стыни, что репей –
Зря святой не возводил на них очей.

«Чей ты, пасмурный пейзаж?», – пролаял пес.
Лай в пространстве отразился, крив и кос.
Только мы с тобой смеялись ветру в прядь, –
Не желая правду звуков понимать!

Вот рыбак решил уйти, прибравши снасть.
В этот миг я вспомнил древнюю напасть,
И, разбив погоды стылое стекло,
Ощутил я в солнце личное тепло.

И – согрелся силой света – словно свят...
Комара с руки кормил, как брата брат.
Мы, обиды клочья вынув из сердец,
Целовались, позабыв про власть колец.

И в ответ заплакал дождик, как пророк,
Что в скрижали подправляет тайно срок.
Дождик слизывал я с кожи, словно пот.
Ты смеялась, и я радовался от
Тех небес, дождя и солнца, что комар,
Каплю крови получивший, будто дар.

Пес обляял нас счастливый – как дурак,
Оглянулся, уходя, на нас рыбак.
День счастливый улыбнулся налегке.
Словно ракушку нашел тебя в песке...

* * *

Ко мне приходят двойники тех, с кем я жил.
Я им, конечно же, за чувства благодарен.
Не зря страдал, не зря любил,
не зря дружил...
Сижу среди них, как будто в кресле барин.

Я, как манжеты, поправляю дни.
Ошибки измеряю, словно токи.
И разбегаются печали – только пни,
И поражают истины – глубоки.

Я в прошлом роюсь, как в болоте бобр,
Стволы надежд обтачивая бодро.
Со мною Хронос виртуально добр,
Я Кайрос раздуваю, будто кобра.

До мелочей я жаден, как скупец,
А войско чувств – лихие аргонавты.
Неопытность мне словно бы отец.
О, прок, меня не дергай за рукав ты!

* * *

У окошка кресло-качалка,
Да в камине горит головня.
Дождь накрапывает, будто жалко
Небесам и тебя, и меня.

Ничего не осталось от сказки,
Что Господь подарил нам вчера.
Только взгляды, улыбочки, фразки...
Посмеяться над ними пора.

Нынче на небе серые тучи,
Распахнулась тоски западня,
Но молитвою неминуче
Мы спасем... и тебя, и меня.

* * *

Топчусь на месте, не имея сил:
Пути здесь нет, я все уже облазал.
Людские взгляды топки, словно ил...
Стрелять надеждой пробовал: промазал.

Ты не опасна, но хороший друг
Врагом становится не из-за веры...
Мне черт не брат! Бери же на испуг!
Уверен, что имеешь чувство меры.

Пусть я пропал. Тебя – благословлю.
Не стоит обнажать вражды оскала.
Ложись. Усни. Тогда и я посплю.
(Безумно хочется скандала!)

* * *

Закури сигарету в тихом дачном раю.
Степень риска мала, пусть Минздрав убеждает...
Мысля исподтишка, на твою и мою
Раздели нашу жизнь, и избавься от мает.

Просторечьем в ночи отпугни комара
И припомни жару, исцелявшую гневно.
Нечистоты души сжег всевидящий Ра,
Так огнистосуров был он не ежедневно.

Иногда ласков свет, иногда ободрит,
Иногда – как щекотка, порой – утешает...
Жизнь твоя. И моя... Это только на вид...
И собака в ночи так загадочно лает.

Что осталось от дня? Зла досадный барыш?
В однозначном раю все немного прощает.
Только лай пробивает звенящую тишь.
Жизнь твою и мою это не упрощает.

Мы сегодня враги. Это жатвы пора.
Подобающе лжем и строптивость удобна.
Для чего? Чтобы в ночь отогнать комара
И Творцу объяснить: эта жизнь – бесподобна!

* * *

Я падаю в омуты памяти,
Спасаясь от смертной тоски.
Скажу: лучше нет этой замяти,
Лишь лишние мысли откинь,
Как башмаки... и сознание
В наплаканное уплывет.
А в прошлом было дерзание,
Ты бился, как рыба об лед,
А в прошлом было горение,
Ужель это весь мой навар?
Такое сейчас впечатление,
Что превращаюсь я в пар,
В туман, в облака, и, наверное,
Останусь я с солнцем вдвоем...
Отвергнув пустое, неверное,
В грядущее хлыну дождем.

Игра

День промелькнул, как ход у шахматиста
В уме. Он лишь прикидка, связь
С реальностью, в которой небо мглисто:
Ведет на нас полки поганый князь.

Все думает про адово терпенье...
Игрок он неплохой. Отдать ферзя?
Пожалуй. Нам поможет стиль, везенье.
Ужель о жизни думать так нельзя?

Сраженье будет жарким, но кому-то,
Возможно Богу, кажется игрой.
Вся жизнь и день ему – одна минута,
И все фигуры – лаконичный строй.

Вечер

Вечер пел, как пластинка Вертинского,
Где лишь плач, да покой наяву.
Но влюбленностью зубы я стискивал,
Видя в пении только канву.

Непоседой ему показался я,
Вечер был, как большой кинозал:
«Разбираться в себе будешь засветло», –
Так мне вечер тихонько сказал.

Я всю ночь ждал заветного времени,
Но под утро очнулся в раю,
Подивясь, что доброты нет бремени
На душе. Лишь привычка. Пою

Поутру его песни бестактно я
И на «ты» без стеснения зову,
Потакая себе. Тихо крикая,
Вечер в вечности бродит. Живу.

Ночью

Нынче месяц среди тучек хмур и снул,
Будто кто на небо валенок швырнул...
Нулевому состоянью ночи свет
Неприятен, словно фильм, в котором нет
Режиссерского таланта, а артист
Роль играет наобум, как будто в вист.
Но, имея тайно пару козырей,
Он считает, что герой его правей
Всех, а роль уже и тем так хороша,
Что артистова возвышена душа...
Темнота. В ночи цикады гомонят,
Будто пьют со дна ума цинизма яд.
Отраженный свет – пронира еще тот:
Измеряет ночь на глубину, как лот.
Только ночь для этой меры глубока,
Ведь она – скорее море, чем река.
Месяц скрыли тихо облака кулис,
Затуманивая вычурный каприз.
Взяток много у ночи. Рассвет вот-вот
Все увиденное мной перевернет.
Вновь талантливым предстанет режиссер,
И уснет ночных цикад ненужный хор...
И начнется в пробуждение игра,
Что привычна нам, и все же не стара.
Ну, а месяц этот – видел я один:
Так как всем своим виденьям – господин.
Позабуду к полдню всю его войну,
Босоного в день лучом с небес нырну.

Ремесло Бога

Волнами по холмам листва.
Ветра гудят, как пароходы.
И в споре взора и погоды,
Как теорема торжества,
Звучит листвы первоначальный
Мотив – теперь слегка печальный.

Толковых объяснений нет:
Здесь не тетрадь, а мир явлений,
Но поднимается из недр
Прекрасный Логос, словно гений.
И с силой необыкновенной
Все объясняет листьям ветр.

И носит Логоса слова
Ветр, залетая в веси, страны...
И смыслом затемнен сперва,
Как затемняют свет туманы.
Но видится сквозь слов стекло
Природа – Бога ремесло.

За грибами!

Пойдем за грибами!

Плевать на плохую погоду,

Что будто рыдает

над старой, забытой виной.

Пусть дождь оставляет

в пространстве дурные штрих-коды:

Нас не осудить,

что с понурой идем головой.

Зато наберем мы грибов,

и, конечно же, много.

Разумные люди

сидят по домам у печей...

О, как ты прекрасна,

лисичка замшелого лога!

Лес в дождь на подарки

всегда и чудней, и щедрей...

* * *

Не верю в призрачность навета, –
Осенней стыни я не друг.
Как быстро пролетело лето,
Как вольно вырвалось из рук!

А в осени полно печали
Невольной, словно ты в тюрьме...
Зря летом к солнцу причащали, –
Теперь живи себе во тьме.

Лишь гнев сейчас под небесами
Да льют корявые дожди.
Все тот же я: живу мечтами,
Ты, осень, их не застуди!

* * *

На стекле – дорожки каплями дождя...
За окном сижу я, будто бы паук.
Заунывно мантру нудную твердя,
Разомкнуть пытаюсь мрачных суток круг.

Хмурый дождь все спутал, нас в хандру маня:
Нет конца у ночи, не начаться дню...
Есть одно лишь благо – высшая родня
Разрешает выбрать святости меню:

Отрешаться можно, верить, понимать...
Осознание это – истины изыск.
В непогоду должно мудрость примерять:
Дождик нынче в моде. Осени он – писк!

* * *

Бытие, наполняющее меня собой,
Очень склонно к сомненьям, обидам, лжи...
Только я уклоняюсь вести с ним бой,
Избегаю верить в панике в миражи.
Замечаю иное, родное, свое,
То, что у души не отнять вовек.
Оно словно женщина. Когда любишь ее,
То уже не думаешь, что это за человек.
Я не безбожник, но любить все подряд
Не умею... Ценю себя, если прав.
Вижу то, что скрывает порой наряд,
Ну, и влюбчив иной раз в бестактный нрав...
Систематически сбиваю с толку свой ум,
Чтоб пожить не наглядно, а просто так.
И становится голубь тотчас, как кум,
И порой улыбнется легко простак.
Нет, система мила! Например, всегда
Перед кающимся замираю. Тон
В том, что не заметить его – беда,
Лучше смастерить хоть какой поклон.
Но контроль мне противен. С ним я – слепой,
Отпуская людям их вольный нерв,
Слышу голос Бога, мол, спой, брат, спой...
И услышав пенье, коплю резерв.
Накоплю и цепи порву, смеясь.
Встречу лучшее – умилюсь до дна.
С бытием ведь лучше иметь не связь,
А связного... Тогда тебе суть видна.

* * *

Ангел прибыл с важным донесеньем:
Крылья снова поднимаются в цене.
Человек не озабоченный спасеньем
Не получит их. И выделено НЕ.

Всполошился я тут не на шутку,
Знаю многих, кто себе – как будто враг,
И в какой-то миг мне стало жутко:
Столько ангелов падет во мрак!

Полетать-то все мы тут не промах, –
Кто – по бабам, кто – за пивом... На лету
Позабыли о грехах, да об уронах,
Веселимся даже на посту.

Что ж, мне рассылать всем телеграммы,
Чтобы срочно люди каялись в грехах?
Мне ответят: «Нет такой программы,
Ты безумен, твое дело швах!»

Ладно, пусть их, – погибают. Что мне?
Просто очень жалко тех задир...
Я пойду работать снова в старой штольне.
Крылья подождут. Спасется ль мир?

* * *

Мы, препираясь, тосковали
О Христе.
О жизни мы немного знали...
В суете
Дружили мало: каждый думал,
Что он прав.
И накопилась грехосумма...
Разорвав
Все отношенья, мы молились
О грехах.
И повергала Божья милость
Душу в прах.
Шли годы. Каждый свой возделал
Рай.
И каждый вкладывал в Христово дело
Пай.
И лишь теперь я вспомнил заповедь:
Блажен
Алкавший духа, пусть он был как вепрь
Возжен.

Раздумье

Краеугольный камень – Петр...

Вот так я это понимаю:

Был митраизм, и стал он мертв,

Так веселись апостол! Пая

Жди своего на небесах.

А небеса... Они – молитва...

Молясь, не попадешь впросак.

Кто свят? Чья вера не убита:

Хранит ее Господь Христос,

А Царство Божье – не от мира!

Какой же, стало быть, прогноз?

Прогноз, что Вера это – вира!

Я верю так: борюсь, молюсь

И часто плачу от страданий.

И веру эту Иисус

Приемлет враз, без оправданий.

Хоть не дурак, но я в тисках

Зажат меж небом и землею:

Любуюсь Богом, Бог – мастак:

Не проповедовал Он злое.

Роптать – не мудро. Сознаю.

Но пусть помогут: ведь молиться

Порою трудно! И в раю

Про нас сплет святая птица.

Размышления под звездным небом

Я не пишу стихов и не люблю их.
Да и к чему слова, когда на небе звезды.
В. Пелевин

Кто создал звезды, кто рассыпал их –
Создателем в миру достоин зваться...
Что создал ты, поэт? Всего лишь стих:
Кроссвордик из нелепых комбинаций.

А заплатил ли ты за рифмы те
Борьбой ума, прощеньем и страданьем?
Иначе стих погибнет в нищете,
Увы, не воскресишь его рыданьем.

То – полбеда. Когда совсем всерьез
Ты что-то пишешь – душу пьют творенья!
В стихах ты нарожаешь много звезд:
Опустошишь души своей горенье.

Подумай крепко, коль берешь перо,
Здесь мало обладать хорошим вкусом!
Посмеешь ли поставить на «Зеро»?
Искусство не страшит тебя искусом?

Я напугал тебя? Ну, что ж! Боюсь и сам:
В стихах своих я слишком много роздал.
И потому, противен мне как Хам
Тот, кто стихи уподобляет звездам!

* * *

Татьяне Громовой

**Наблюдая войну, ту что мы вели,
Все смеялись нам в спины: «Вы не такие!»
Несмотря ни на что, мы в сражение шли,
Понимая: достойны хвалебной строки. И
Продолжали свой путь – ограждая, молясь
И смиряясь с неловким упреком,
Чтоб в душе сохранить ту небесную связь,
Что равняет изгоя с пророком...
Мы связные: нас можно недооценить,
Но без нас невозможно сраженье.
И пока не порвется заветная нить,
Не окончится наше служенье.**

* * *

Благодарю за мир духовный,
За мир земной благодарю.
Благодарю за час альковный,
За нрав, подобный снегирю,
За память, что плыла как парус,
И возвращала сказку вновь,
За все, что призрачным казалось,
И за любовь.

И за любовь,

Пусть без ответа... Вот за это –
Отдельное спасибо тем,
Кто снял с разбуженности вето
И жизнь представил в виде сем*.
Еще – за знаки и приметы
Пенаты поблагодарю...
Что раз в году бывает лето –
Спасибочко календарю.
Спасибо, что в мой дом нередко
Заходит поступью богинь
Моя любимая соседка:
Мы дружим с ней, как ян и инь.

**Сема* – дифференциальный семантический признак, компонент значения, который выявляется при сопоставлении значений разных слов.

Спасибо, что была собака
(Я до сих пор ее люблю).
И что сравнили с Пастернаком...
Благодарю!

Благодарю

За невозможность удивленья,
За то, что зрело стал нулем,
За то, что есть в печи поленья,
За то, что за окошком клен,
За то, что Бог спасал от тленья,
За то, что душу закалял
Мне ад. За то, что ведал лень я,
И взгляд закатом умилял.
За все большое, что прорыло
В моей душе свои ходы
И стало маленьким, и скрыло
Меня от горя и беды.
За сытость. И за благодать боли.
За стих, которым говорю.
За то, что радостно мне что ли?!
За все.

За все благодарю!

**Из книги
«Я ИГРАЮ
С ПАМЯТЬЮ
В ПРЯТКИ»**

Городу моей юности

Возможно, я неправ, и дело не в скрижали,
Но нервы площадей и улиц, словно воск,
Меня не раз благой молитвой заряжали,
Проспекта ток врубал аккумулятор-мозг.
Ах, юность! Вспомню: вот, подружку защищая,
Я дрался со шпаной... Веселые года!
Синяк лечили всей семьей за чашкой чая,
О, как же праведно сиялось мне тогда!
А здесь другая мне свои дарила слезы,
И раем был для нас троллейбус городской.
По городу катались, будто под наркозом,
Приняв за благодать весь нарциссизм людской.
Припоминаю храм Владимирский. С бабулей
Ходили мы сюда к причастью, и Христос
Меня признал своим. А церковь, словно улей,
Дарила щедро нам спасения гипноз.
Сюда я шел, устав от суетности века,
И осенял меня иных небес уют:
Ложбинка на челе утрат – библиотека –
Беспешлинный в пути для странников приют.
Я душу подаю асфальту и бетону,
Хранитель-ангел ходит рядом босиком.
И навещая с грустью старую Ротонду,
Вновь с юностью прощаюсь я тайком.
Люблю я храмы, улицы, святыни,
Где Сивкой-Буркой жизнь предстала мне.
Мой город бережет, хранит меня доньше,
Даря свои проникновения извне!

* * *

Шумит симфония дождя,
Промокло все Адмиралтейство.
Дождь, словно сцена, корчит действие,
В прохожих статность упрядя.

Все скорчено: старуха, знак,
Что должен управлять движеньем,
И мысли о самосожженье
Дождем означены как брак.

Жених с невестой у Петра
Промокли тоже, но смеются:
В душе прибежище уютца,
Поскольку помнится вчера.

А я свое вчера не помню:
К дождю я угодил под нож,
Карает властно, словно дож...
Ему напомню, будто ровня,

Что я – дождя эквивалент.
Промокнуть мне почти приятно!
Пусть на одежде будут пятна –
Занятен сей эксперимент.

**Я сам – вода. Душой и телом.
Такой когда-то дал обет:
Не мстить, не обижаться вслед,
Своим довольным быть уделом.**

**Льет дождь. Он, верно, – сирота.
Никто никак ему не внимлет.
Лишь я, расслышав детский лепет,
Его душою снял с креста.**

* * *

Я играю с памятью в прятки,
Как с младенцем по вечерам...
Память часто дразнится: «Гадкий!
Не найти тебя, ты – то в храм
Утечешь, то пустырь облюбуеть,
То на кладбище забредешь...»
Отвечаю: «Меня минуешь –
Вообще ничего не найдешь».

Память ищет и плачет горько, –
Ну, нигде меня больше нет!
Но в отчаянии нету толка,
Подаю ей и знак, и след.
А она, умудрясь заблудшим,
Тоже прячется – то в строке,
То в забытом судьбою куше,
То в проглоченном дня куске.

Нахожу ее, обнимаю.
И смеется она порой...
Уж давно я подозреваю:
Ты, наверно, ребенок мой?

Перед фотографией

Моему деду Владилену Ивановичу Федорову

Дедушка, наверное, ты живешь в раю...
У меня, родной мой, все хорошо.
Если не хватает чего – крою,
Что бесполезно – сотру в порошок
Покаяньем. Я – так себе человек.
Для чего мне мысли – пойми спроста.
Мне, конечно, не нравится этот век,
Только жизнь свою я читаю с листа.

Я ведь музыкант, ты знаешь. Не грех.
Признают немногие. Те, что умны.
Дураком становлюсь, чтобы вызвать смех.
Ты поймешь, я знаю, и нет цены
Этой помощи. Наверное, буду мудр:
Много видел, во многое верил, творил, –
Так подумалось в одно из последних утр,
И Господь за это послал мне сил.

Как там Бог? Ты видел его лицо?
О, не смейся! Я правда Его люблю!
А скажи – фото в рамке – твоё крыльцо?
Что ты чувствуешь, когда я его молю?

Отцу

У прощения – чартерный рейс:
Возвращаю его, как загадку.
Смейся дней подноготная смесь:
Я вонзил его по рукоятку.

Где прощенье предстало мечом,
Там, наверное, есть величины
Прорицающие, что еще
Мы, покамест, друг другу – мужчины.

Меч поднявший – да будет прощен!
От меча погибать – панибратство.
Я прощения духом крещен,
И не мщу. Просто дарствую ад свой...

Помоги мне, о, старший, алло!
Я не срезал цветок ощущенья.
Просто высветилось на табло
Жизни: «Это прощенье. Прощенье!»

* * *

**Дай мне поверить в призрачность навета,
Кто клеветал тебе – быть может – друг?
Его судить не следует за это...
Дай мне простить: я не люблю тоски разлук.**

**Пусть он не ближний, но когда-то вспомнит,
Что был прощен за грех не остряком,
Который сможет душу бросить в омут,
А непростым ученым добряком.**

**Иным судьба – выигрывать, да славить,
Но о других они не просят – не поймут.
А мне сомненья хочется оставить:
Я пряник принимаю, бросив кнут.**

Молитва за врагов

Я Тебя призову.

В мессианском, должно быть, обличье.

Но рыдать, обличать

и клясть жизнь я, прости, не готов.

Для начала, мой друг,

мы с Тобой соблюдем все приличья.

Что с того, что я раньше

был, в общем, совсем не таков?

Не прошу у Тебя

я ни силы, ни власти над бесом...

Я страдать так привык,

что мне кажется – это легко.

Все в порядке со мной.

Помоги лучше этим повесам,

Что, меня избивая, зашли чересчур далеко.

Устраши их слегка.

Ну, хотя бы горбатой старухой!

(Божий Страх, знать, всегда

полагается Божьим рабам.)

Я не мести хочу.

Сердце бьется, послушай, так глухо...

Я волнуюсь за них:

если не воспитаю – предам.

* * *

Мне хочется быть человеком, –
Пусть шут в подсознание не спит:
«Смотри, занесло тебя эго!
Обыденность уж не претит!»
Сквозь смех проберусь, как чрез реку.
Рассеется он будто дым.
Мне хочется быть человеком –
Не Мастером, и не Святым...

Нести своих мыслей браваду
И верить нахально в богов.
И чтоб со мной не было сладу
Затем, что мой бунт вечно нов.
Свобода меня подкупает
Кого-нибудь словом задеть...
Ведь лишь человек понимает
Что можно ему все посметь!

И страсти, и счастье мне милы.
Душить я в себе не хочу
Ни грубость – наемницу силы,
Ни лень – ответ палачу,
Ни странность – замену удаче,
Ни чувство – мерило огня...
И если однажды заплачу,
Пусть боги утешит меня!

* * *

Эпоха не похожа на сегмент,
Но дорожу я, право, только частью.
И, непричастный к веку элемент,
Подвержен состраданию и участью.
Повсюду, словно вздохи, звонари...
Я – собеседник Александра Грина.
Во мне упрямо светят фонари.
Душа – стекло. И все внутри – витрина.
Себе я непонятен: столько сил!
Горжусь непониманием по-царски.
Я, словно рыбу, время прикормил,
А дух мне говорит, что это цацки.
Моя любовь похожа на собак,
Что греются зимой, собравшись в стаю.
Я привлекаю внешностью зевак,
Они надеются, что я, как снег, растаю.
Мой робок след. Мои пажи ушли.
Я только пробиваюсь к миру смысла.
Ну что с того, что верю я в нули,
Важнее то, что я строптив, как числа.
Велю казнить, и пешка полетит...
Конями дорожу как игроками.
О, не пеняйте мне на внешний вид,
Мне сердце служит верно, словно камень.

**Я одержим понятиями: честь
Во мне – всегда служить Прекрасной Даме.
И я прекрасно отличаю лесть
От чистых сердцем. Пусть они и пламя,
Не укорять хочу, а воскрешать...
И тяжело мне этой веры бремя,
Но, если нужно, буду устрашать
Эпоху, элементы, стыд и время.**

*** * ***

**Судьбы пасьянс уже разложен:
Валеты, дамы и тузы...
Не сложится – и ты безбожен,
А сложится – богов слезы
Достоин будешь. Справедливость
Восторжествует. Будет бал.
Отбрось, глупец, свою строптивость:
Ты карты сам ведь тасовал!**

* * *

Но истин много...

М. Щербаков.

Чтоб истину добыть – три пота нужно,
А истины – они всегда просты!
К примеру, что с тобою просто дружат,
А ты решаешь: это он, иль ты?
Задумаешься и надуешь губы,
Так ничего в собрате не поняв.
Но истина тебя окликнет грубо:
Ты – кролик для нее, она – удав.
Проглотит и поймешь, что не хватало
Тебе ко ближнему простой любви:
Ассоциаций было много, веры – мало,
Теперь на помощь, съеденный, зови!
А если с истиной немного разобраться,
То неправа она, ведь ты искал себя!
И вот – не угодил: а было в братце,
Не то, что любишь ты в себе. Губя
Одно, ты тихо пестовал другое.
Что ж, истины – они чтоб отрезвлять!
Кому теперь в уме побыть изгоем?
Смиренью? Чтоб понятия поменять?
Меняйте смысл, учитесь, отрезвляйтесь,
А все равно душа саднит и жмет,
Когда выносит адекватно натиск
Ненужного, чужого. Не поет...

* * *

Судеб мало на земле. Так – встречаются...
Сострадаю я толпе понапрасну.
Богом избранные в ней тоже маются,
Лишь иллюзии живут в людях красно...

* * *

Паука я убил. И судьба разозлилась.
Умер верный мой друг: балагурства кумир.
А душа содрогнулась и жалость разлилась
О свершенном. Тотчас же мой внутренний мир
В паутину печали увлек своих ближних,
Отвечая на нежность холодным кивком.
Что же, души едины от вышних до нижних,
И, выходит, силен был мой дух пауком.

* * *

Мечусь меж Богом и собой,
Не то чтобы не различая,
Нет! Программируя, как сбой,
Несхожесть. Преубого чая,
Себе кажусь я мудрецом.
А как начнет мечта маячить,
Бог с опечаленным лицом
Играет мною – словно в мячик.
Убогим быть – тяжелый труд,
Лишь нищим духом – оправданье
Дается. Так – тебя поймут,
А быть собой – увы – желанье.
Его иметь нельзя. Нельзя
Уговорить судьбу быть слаще...
А все же хочется в князья,
Чтоб не сыграть нелепо в ящик...
Чтобы душа не умерла,
Порою нужно быть сильнее:
Такие вот мои дела.
Гордыни нет. А есть – не с нею
Твой мудрый сын. Прости. Чудак
Давно постиг науку Веры.
И если Мастером – никак,
То значит – применю манеры:
Я вырос правдою большим,
И мне не надо вовсе грима.
Позволь мне быть Тебе своим...
Все остальное станет мнимо.

* * *

Перед сном собираю все козыри,
Как учил меня древний колдун:
Прогулявшись сегодня до озера,
Где так людно, коснулся я струн
Чутких, что для родства человеческого
Создал Бог богатырской рукой,
И мелодию слышал, и нечего
Говорить мне: мол, ты не такой...
Я такой же, как все, восприимчивый,
И такой же веселый и злой,
Во языцех не стану я притчею,
Верю: дух во мне старый, жилой.
А засну – вспомню запах цветения,
Ветви сосен и солнечный свет...
Мое озеро – Чудо Творения,
Что всегда охраняет от бед.

* * *

Мир на землю сошел, мирен сон мудреца.
Вечер, новый камзол, застегнув до конца,
Тихо смотрит с небес в утомленный залив...
Потерявший свой вес взгляда тихий наив
Видит пуговицы звезд и застежку луны...
Нежно дышит Норд-Ост, и ворчат колдуны:
«Вот бы бурю сейчас, колобродить, шуметь...»
Нет! Зла сброшен балласт! Тихим ангелам петь
Бог позволил уметь, разливая печаль,
Не кимбал, и не медь! Колдунов мне не жаль.
Ветер тучки спорол... В восхищенье замру...
Статен ночи камзол. Что-то будет к утру?

* * *

О.Г.

Глупышка нежности прекрасна!
Порою петь до петухов
Она, занятная, согласна,
Собою освятив альков...
Она, пока тебе не пусто,
Роняет слезы в тишине.
И с нею – высшее искусство,
И с нею – ты живешь во сне.

Она – как звонкое течение
Ручья холодного в горах.
Она же – от молитв лечение,
Ведь, я, прости мне, не монах...
Молился я, пылая верой,
Любил Господь мои крыла...
И (снисходительною мерой)
Она мне отдыхом была.

Но что потом о ней ты скажешь,
Когда за правду пострадать
Тебе душа твоя прикажет?..
Взаправду ль это – благодать?
Но проклинать ее не буду,
А поселю теперь в раю.
И никогда не позабуду
Глупышку нежности твою.

* * *

Н.С.

**Ты приходишь, и верою ухожу я в тебя,
И теряюсь в тебе безвозвратно.
Над собой слышу смех. И, его теребя,
Словно четки, вздыхаю парадно.**

**А внутри не тоска – мир, пустынный, как дом,
Что заполнен не может быть счастьем.
Потому, что вошедший ему незнаком,
Как случайный луч солнца в ненастье.**

**Вспоминает мой дом все, что познано впрок,
В нем есть стадии – как у растений:
Вот цветение, вот увяданье... Урок
В том, что память надежна, как стены.**

**Будет счастлив опрятностью маленький дом,
Будет чай в нем прекрасней раздумий.
О, прошу, благодатью подумай о том,
Кто, от жизни отрекшись, не умер.**

* * *

Н.С.

Я в недра твои не смотрю, только в глаза.

Киваю.

Подобна ты декабрю.

В тебе много холода – знаю.

Забытого вспомни меня и уравний –

заклинаю,

Чтоб вечно горела, маня,

слеза по замерзшему Каю.

Мы дружим. Но в тех мирах,

где совесть живет – неживые.

Там наши обиды и страх,

предательства ледяные.

Куда ты уйдешь от них?

Лишь в заповеди блаженства,

Где вывих рожден, будто стих,

где милость в облике женском.

* * *

Принеси мне горстку звезд,
пару шуток и бессмертье.
Я провозглашу, как тост,
кем ты числишься на тверди.
Мы поделим меж собой
пару речек, два-три луга...
Я – любимый! Не любой!
Ты – душа моя, подруга.

Пусть споют нам журавли
по-осеннему бездомно,
Жить мне долго повели –
я послушаюсь укормно.
День огромен. Год – чудак:
он – короче дня бывает!
Ниспошли мне тайный знак,
что значенья убавляет.

Пару звезд, и забытье...
Неуживчивость прошу я.
Здесь, под небом – все твое.
Твой и я. Тоски не чуя,
Я молитвы возношу:
образ твой богам подобен.
Может, этим я грешу?
Так кому же грех удобен?

* * *

Вороненая сталь налетает, поземку крутя.
Это небо болеет опять, как вопрос без ответа.
Я с тобою вдвоем. Маски нет. И, доверчив, дитя...
Ты нежна, словно мать. Ощущаю не разумом это.

Нет, не прыти ищу. И с тобою забыл обо всем...
Я рисую легко, защищенный лишь рамой оконной.
А желанья сбываются: я не предстал наглцом,
Соответственно ты не становишься мухою сонной.

Удивляется небо тому, как находчивы мы:
Совпадаем во всем не по заданной ракурсом фазе.
Зареклись мы при нем, пусть на час, от тюрьмы и сумы
И полны небывалых, нездешних, летучих фантазий.

Стиль и фраза. Они совпадают в ведунье твоём.
Я похитил тебя, созерцая украдкой цветенье.
А реальность тиха: я сражаюсь тобой с декабрем,
Но не чувствовать это – твоей чешуе наслажденье.

Ты смеешься, охотно пойму: мысль моя прочтена.
Адсорбирует снег сей невнятный призыв к отреченью.
Я уныло стреляться задумал, и ну его на...
Но не пулей, о нет! Просто косточкою от варенья.

Душу я не продам. Как сектант я готов на мольбу,
Что с надеждой не вместе, зазря разлученные выгой,
Но предчувствую я: ты сейчас оттопыришь губу,
И сольются они, подбивая на веру друг друга.

Никчемность

Пересечение замкнутых миров –
Лишь там, где геометрии не знают.

Маргарита Токажевская

Никчемности не знали мы с тобой.
И верили друг другу, словно боги
И радостно галдя наперебой
Шагали всласть по жизненной дороге.
Вот радость! Есть о чем поговорить!
А если – нет, то просто целовались.
Обидчика могли легко отбрить,
И на отпор ни разу не нарвались.
Нас Бог любил, и обошла беда,
Никчемностью мы брезговали просто.
И слово «нет» звучало будто «да»,
На «ты» мы называли всех – для роста!

Дни шли тихонько, словно караван.
Пустыня чувства наши поглощала.
И вот – никчемность, будто бы варан, –
Скользнула, высунув раздвоенности жало.

И стали мы друг другу не нужны:
Собою каждый полон до отказа.
Никчемности мы сделались верны.
Иссякла жизнь, как неоконченная фраза.

* * *

Волшебства взыскав, посмотрел я в очи,
Думая, что может быть, будут очи «за»,
Только те, отсрочив ласку многоточий,
Превратились просто в тихие глаза.
Селезень красивый с уточкой уютной
Плыл, слегка мерцая вдаль по озерцу...
И своей надеждой, девушкою юной,
Дорожил я тихо. Благодать Творцу
Все это надежить, обладая верой,
И молиться тихо за детей своих,
Разделяя в духе цвет земной и серый,
Душу полагая за знакомый стих.

Таяли сомненья, будто диск заката...
Был я беззаботен, словно чары дня:
Пусть на небе серебро, в памяти-то злато,
Чувства – словно птицы. Их угомоня,
Вечер пел союзно, опуская плечи
Чувственных деревьев, чтобы отдохнуть.
И хотелось сердцу снова слушать речи
Звезд великосветских, чтобы распахнуть
Те глаза, что в очи нужно превратить мне,
Пусть они стеснялись таинства пути...
Засыпает город. В церкви поп прокимен
Пел совсем недавно. Господи, прости!

* * *

Десятки раз я говорил себе:
Не бойся жить, поэт, простой любовью.
Но, как известно, жизнь души – грубей,
И мой подход зачислит в пустословье.

Но, может быть, она чуть-чуть права?
(Сам Иисус вступился за блудницу!)
Хоть в том, что не любовь дает права,
А то, что ты влюбился в единицу?

Что ж, столько раз ты верил в сказки соль?
Да, верил и душа не постарела!
И сколько мог – прощал я жизни боль,
А жизнь меня звала, лгала, пестрела...

Но вновь влюбиться я не тороплюсь, –
Познав очарование и чванство,
Я уберу из алфавита юс
И обращаю любовь во христианство.

Надежда

Надежду зачинают в храме,
потом глядят на облака.
Когда их обжигает пламя,
она становится легка.

Пока росток надежды тонок,
мечтай о нем, стремись полить...
И веселись. Ведь ты ребенок,
связующий с надеждой... прыть!

Когда ж она взойдет – как радость
ее душой побереги:
Вкуси своей работы сладость,
и подари ее другим.

Мы

Н.С.

Я, право, лишь руками развожу,
Лицо твое во снах своих встречая,
Меж нами я давно провел между
И ожиданием тебе не докучаю.

У нашей встречи – подноготной нет.
Так просто – бытие подстерегли мы.
И, вдохновясь кружением планет,
Не удивились, словно пилигримы.

Да, долог путь: и сбросив маски прочь,
Поговорим, как яблони, друг с другом,
Чтоб после вспоминать душой всю ночь
Самих себя с навязчивым испугом.

Не те мы люди. Мы скорей богов
Напоминаем. Где же взять нам чувства?
Когда зависит все от двух слогов,
И радость понимать – почти искусство?

Ну, что ж. Пусть так. Да, верно, влюблены.
А это скрыть от неба не удастся.
Пускай опять приснятся ночью сны,
Чтоб не пришлось, как в жизни, целоваться.

Пусть рай замрет побитым комаром,
И что-то глупое прошепчет мне подушка.
Когда-то ты была моим ребром.
Теперь ты стала Верою, подружка.

* * *

Моя любовь мала. И ей не сдвинуть гору.
Но, веруя в нее, врачую, как недуг,
То слабость, что заставит быть неправым в споре,
То силу, избегающую ласковых порук.

Свои я приношу страдальцам извиненья,
За то, что многое чрез Веру получил.
Страданья же не значат неуменья,
Но есть уменье в том, кто все и всем простил...

И в том лишь сердце Бог, кто сострадал собрату.
Иначе все удачи – лишь суета сует.
Об этом на Пути, душа моя, поратуй
И, может быть, кого-нибудь убережешь от бед.

В монастыре

1

Скиты. Монашеские тайны.
И покаянья жгучий йод.
Здесь «виры» есть. А есть и «майны».
Народ вдыхает дух господ.
Святых дала земля немало:
Почетно строить во Христе,
Хоть духи нижнего астрала
Жить заставляют в нищете.

Простим. «Кто много пострадает
От бесов – тот спасется пусть!», –
Так Иисус нам сострадает,
Гоня уныние и грусть.
Иконы смотрят, что живые...
Воистину, меж нами нить!
И я вытягиваю выю,
Дабы деталь не упустить.

И так проворно дуз воркует,
Что кажется – ты сам святой,
А ведь пришел сюда от сует,
От чистогана жизни той,
Где нет порой ни правды Божьей,
Ни утешенья, ни креста...
Лишь покаяньем подытожа
Свой путь к смирению Христа.

На исповеди

Поп, конечно, меня не понял:
Исповедовался я всласть.
Я священника духом обнял
И свою почувствовал власть...
А душа попа отшатнулась
От сплетенья моих страстей, –
Вслух подумал: «Ведь это дурость».
Что ж – священник! Ему видней.

Но смятенье мое успокоил,
И глаза сверкнули светло,
И спокойствием удостоил,
Растворяя познанием зло.
Как святой, он любил испашку
Беззаветного дурака,
Отвечал: «Душу ты не пачкал,
Оттого она так легка...»

Я же снова ломился в двери,
Что раскрыты для всех всегда...
И тогда он в меня поверил,
Оборвав с адом провода.
Причащенный Христовой vit, ой
Вспоминаю попа неспроста.
Где грехи мои? Все убиты
Православною силой креста.

3

В тоске высотных зданий,
В глуши монастыря,
В репринтности изданий
Нездешний мир, паря,
Влечет нас к утешенью,
Что к женщине родной,
И правил нарушенья
Нам не грозит виной.

Оно недостижимо,
Но стоит пометать,
Ведь вечность недвижимо
На всем свою печать
Оставила – посмейтесь –
Она всегда вокруг:
В автобусе, в скамейке,
В чужом сплетенья рук...

В беспечности ухарства
Есть отголосок сна,
И приближенья царства
На всем свои тона
Покойно оставляет,
Лишь не глумись – уймись...
Услышь – собака лает, –
Какой ей лаять смысл?

Такой же – у поэта,
Когда он вспыхнет вдруг:
Так дарит смысл комета
Или забытый друг –
Всё знаки утешенья –
Закат или заря...
В монастыре решенье
Вы приняли не зря.

Разговоры с Богом

1

Чувственные стебли зеленают пространство,
Ласковым блаженством пролит с неба Бог,
Чужды травам думы, страсти, окаянство,
И к звезде полярной шлем небес присох.

Я творю молитву, небу помогая
Полюбить достойно вражью тесноту.
Темнота доносит странно звуки лая...
Кажется, молитву я вознес не ту!

Возвышаю душу в темноте прогорклый
И прошу стыдливо мне простить мечты.
А Господь смеется: «Сделай душу норкой,
Не светись ночами, соблюдай посты...»

2

Вокруг меня живут иконы.
Всех знаю. Мне их жизнь близка:
У этой – святости погоны,
А та – на промысел легка.
Я им – приятель и любитель,
Но все просить – бесцельный труд...

Пусть занесут меня в числитель –
Ознаменуют тем уют.
Ведь я им брат, пускай и младший.
И на две трети – не лентяй.
Ну, не могу я жить без блажи!
Одной шестой ощущай
Меня, Святой! И пусть Архангел
Трубу отложит, будто сноб.
На барабане есть пергамент,
Пусть выбьет громогласно дробь!

3

О, заплаканная икона,
Почему ты даруешь свет?
По привычке? Из-за закона?
По глазам не прочесть ответ...
Без закона меня ты любишь:
Беззаконный я человек!
Но слезами все ж не погубишь:
Реки слез намывают брег...

4

Выйти в поле... Раскинуть руки...
И отдать небу все печали...
И зачем человеку муки?
Не затем ль, чтоб от них отчалить?!

5

Сегодня понял: Бог – не в кураже,
И жизни смысл от смертных затемняет.
Идти по полю? Или по меже?
Постыло разницу мне ветер объясняет.

Чтоб что-то выиграть – не заповедь нужна...
Смиренье тоже в проигрыше часто.
А жизнь кокетничает, будто бы княжна,
И проигравших презирает властно.

А разделить бытийно дух и мир
Я не берусь, ведь в этом тайны нету.
Влечет нас заповедь – закон или кумир?
А нарушение – согрешенье ль это?

6

Я Богу – завтрашний приятель,
Но впрок не алчут, и за спесь
Сочтет вчерашний прок Создатель.
Он – Жизнь. Он – Путь. Всегда Он здесь...
И судит по Себе, Святому,
Деяния твоей души.
Стал сильным – позабудь про сому,
А щедрым – плюнь на барыши.

Хочу расти. Но, как предатель,
Себя жалеть, пожалуй, рад...
Прошу тебя, скажи, Создатель,
А кто я буду без наград?

7

Поэт – не раб неврастении.
Нет! Хоть докучны облака,
Существовать миры иные
Заставит сильная строка.
Ему неправда – неудобна.
Пусть он заложник судных дней,
Душа поэта – место лобно,
Где фарс убит, как фарисей.
Поэт – заложник впечатленья,
Веселья неземного брат.
Тому подбросит он поленья
В костер, кто духом небогат.

8

Нет ни боли, ни жути, побед,
Покаяния, зависти, низости...
Нет ни счастья, ни горя, ни бед, –
И сегодня лишь Ты – поблизости.

Я не гимны, не оды пою,
Не стремлюсь к достижению самости...
Просто отдых нечаянно пью
После вечной привычной усталости.

Я учениями дорожу,
Но хочу уйти от учености.
Мне тепло. Больше я не дрожу
От Нагорной своей обреченности.

Не хочу ни похвал, ни молитв,
Ни упреков в своей бесполезности.
Я устал не от войн, не от битв, –
От всеобщей бесслезности.

9

Дай мне отдохнуть
у куста,
чья душа не вздорно
чиста.
Дай мне той рябинки
глаза,
что вчера омыла
гроза.
Я прошу у сосен
простых,
чтобы рифмовали,
как стих,
все сомненья с платьем
на мне.
Я здесь отдохну
в тишине.

Книги – морок. А вот елки –
те – нет.
Им поболее, чем родителям
лет.
Лес подобен паутине
живой.
Я хочу быть пауком: здесь
он свой.
А услышав Божьи звуки
с небес
отдохнут во мне и ангел
и бес,
потому что не заметить
нельзя,
как в лесу ты вдруг – из грязи
в князья
попадаешь... И отсюда,
молясь,
я с людьми налажу тонкую
связь.

10

Обрати свой взор на меня:
О, Господь, я давно поджидаю!
Подари святого огня:
Обращаюсь я, словно к джидаю.
Ты нашарь во мне горстку чувств!
Загляни, будто в книгу про древность!

И, искусством, убив искус,
Разожги во мне сирую ревность:
Чтоб молился – не от ума,
Не от странных нажитых святочеств,
Прорастала чтоб вера сама,
Полюбившая стать, что без отчеств –
Мир, в котором одни имена...
Я ревную о нем по-мальчишьи.
Помоги, о, Любви Меценат,
Сделать мир хоть немножечко чище.

11

Тепло подумать о пустом,
Отвести от согрешений око,
Впустить смирение на постой,
Увидеть в грешнике пророка
Нехитро. Впрочем, мудрость дня
Рассыпана в иных мгновеньях,
Где добротой к себе маня,
Господь дарует облегченье
И, кажется, – легка печаль,
Или надежды вдруг знакомы,
И хочется ковать не сталь,
А жить по-Божьи. По-простому.

Об авторе

Илья Борисович Брагин родился 2 сентября 1971 года в Ленинграде. Окончил СПб Государственный университет, филолог. Пишет стихи с 14 лет.

Автор поэтических книг «Цветные сны» (2005г.), «Краешек земли» (2006г.), «Что-то тайное в нас...» (2007г.), «Я плачу тихо о любви...» (2007г.), «Жить между небом и землею...» (2008г.), «Я путешествую в мирах» (2009г.), «Жду тебя на небесах...» (2009г.), трех дисков песен в авторском исполнении (Студия духовных и культурных программ МФБРК, СПб, 2008г.). Его стихотворные сказки опубликованы в поэтическом сборнике «Философские сказки».

Стихи Брагина Ильи публиковались в сборниках «Гармония» серии «Поэты России» (СПб 2005г.; СПб2006г.); в сборнике «Встречи» серии «Библиотека журнала «Невский альманах» (СПб 2006г.), в сборнике «Синий апельсин» (СПб2007г.; 2008г.), в журнале писателей России «Невский альманах», в поэтическом альманахе «Русское слово», в поэтическом альманахе Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России «Дорога» (СПб 2008г., 2009г.), в поэтическом альманахе «Зеленая среда» (СПб, 2011 г.)

Дипломант II этапа и участник шорт-листа Международного поэтического конкурса «Золотая строфа – 2009 г.»

Лауреат Международного поэтического конкурса «Серебряный стрелец – 2010 г.»

В настоящее время работает преподавателем в Лицее искусств «Санкт-Петербург».

Комментарии к подборке стихов Ильи Брагина, выставленных на конкурс «Серебряный стрелец -2010»

Анна Сорокина, Санкт-Петербург

Стихи молодого талантливое поэта, Ильи Брагина, вдохновенные и лирические, завораживают своей мелодикой. Они наполнены философским смыслом и почти детской открытостью, непосредственностью и добротой. Его стихи о природе наполнены любовью ко всему живому, будь то собака или цветок лилии. Тонкие лирические стихи – теплотой и искренностью. В его стихах нет заносчивости и снобизма – он любит Жизнь («Я жизнь люблю, как при блокаде крошку»), впитывает ее каждой клеточкой и умеет показать нам ее лучшие стороны. Стихи о друге, о музыке, о дожде, о благодати, о «сути бытия», стихи о Боге, о Судьбе, стихи-молитвы и стихи-прозрения – их много, но от них не устаешь. Их хочется читать и читать, знакомиться с творчеством Ильи все глубже и обстоятельнее. Читая их, будто очищаешься душой. Упиваешься стихами, будто родниковой водой из чистого источника. И сам делаешься немножечко поэтом, потому что воспринимаешь мир вокруг себя, словно через цветное стеклышко – через эту призму большой Человеческой Любви. И верится, что все еще будет, и что все не напрасно!

Элеонора Макарова, Санкт-Петербург

Каждый раз радуюсь, встречаясь с Ильей Брагиным в строках его стихов, и понимаю, что это поэт яркий, непредсказуемый, смелый и нежный одновременно, верующий всей душой, душой чистой и страдающей. Вера дает ему силу и оптимизм в его стремлении к свету! Илья Брагин – поэт со своей неординарной точкой зре-

ния, которую он готов отстаивать. Интонации поэта узнаваемы и оригинальны: – *Когда один я и вокруг мерцают//Забывчиво незапертые люди...* – Таких примеров можно привести множество. Читатель, несомненно, оценит образность, искренность и равнодушие автора. Илья находит поэзию во всем. Это его жизнь!

Юлия Шелковая, Вологда

Илья! В ваших стихах есть все, что я люблю – и музыка, и образность, и прекрасные формы... Но главное – это глубокий смысл, заложенный даже не в каждой строчке, а в каждом слове. Незаикленность на себе, двусторонняя живая связь Вашего внутреннего мира с окружающей реальностью, отлаженная до малейших нюансов не только врожденным талантом и большой постоянной практикой, которая абсолютно необходима любому Мастеру, чем бы он ни занимался, но и путем личных переживаний и переосмыслений – отчетливо просматриваются не только в Ваших объемных произведениях, но и в коротких четверостишиях.

Спасибо Вам огромное за доставленное удовольствие.

С уважением, Юлия.

Елена Кансон, Германия

Дорогой Илья!

Как рассуждать о твоей поэзии, как – о каждом твоём стихотворении, не думая о том, каков ты? Не предполагая в стихах – тебя. Пусть специалисты по части стихосложения рассуждают, прикидывают, замечают (прощая), прощают (не замечая), оценивают. А я – читатель в поисках Духовности – скажу тебе, цитируя тебя же (и прости мне мою вольность):

Мне не нужно трибун,
чтобы с них объяснять, что к чему.
Ты за лесть не прими – говорю все от сердца, серьезно:
Если видеть тебя, то душа становится чище,
Если слышать – уверенность обретает и слабый,
Чтобы жить.
И прощать.
И всегда
Знать,
что есть у души искупление –
Если Богом целован, то все нипочем!
Благодарю!
За мир духовный. И за любовь.
За всё!
Да будут все эксперименты твои легки
И благословлены все идеи и цели!
За всё благодарю! И молюсь теперь за тебя!

Екатерина Державина, Вологда

Илья, Вы один из самых любимых мной современных поэтов. Ваши стихи очень близки мне, всегда дарят истинное наслаждение. Спасибо Вам! И успехов! Я за Вас.

Рита Огурцова, Петрозаводск

Замечательные стихи. Илья, как автор, интересен своим разнообразием. Когда открываешь его книжку, никогда не знаешь, что тебя ждет: религиозно-философское размышление или зарисовка о дачной жизни, или что-то другое, но это всегда стихи, заставляющие думать, улыбаться, никогда не оставляющие читателя равнодушным, они всегда мудры и непосредственны.

Оксана Голикова, Санкт-Петербург

Илья! Ваша поэзия открывает взгляд на внутренний мир человеческой души. Как здорово, что в наше время есть творцы, которые видят не только внешнее, но и внутреннее и умеют об этом очень тонко и глубоко рассказать! Спасибо Вам!

Людмила Эпштейн, Санкт-Петербург

Давно знаю и люблю поэзию Илья. Стильно, мягко, мудро и одухотворенно. Успехов!!!

Виктория Кузнецова, Санкт-Петербург

Илья, ты лучший! Желаю победы!

Константин Кансон, Германия

А что нам еще остается делать, кроме как благодарить?

«Но пока мне рот не забили глиной,

Из него раздаваться будет лишь благодарность».

Так ведь сказано у классика. Это способ обновить, возвысить, очистить себя, свою душу. Благодаря – мы сами становимся лучше. В этом сила молитвы. Заучить эти строки и повторять их время от времени – замечательный способ оставаться в душевной легкости с добрым разумом и мудрым сердцем.

Любовь Чернышева, Санкт-Петербург

Очень музыкальные стихи! Всеи семьей следим за творчеством Илья Брагина. Его книги – украшение нашей поэтической библиотеки. Удачи!

Екатерина Кашурина, Санкт-Петербург

Спасибо огромное за простой, но такой душевный и теплый свет, просвечивающий сквозь строки... Читаю – и обволакиваюсь теплом. Спасибо!

Анна Анисимова, Санкт-Петербург

Желаю победы таким нравственно чистым стихам!

Елена Евстигнеева, Норильск

Стихи – хороши; сильные, глубокие, мелодичные. В поэзии есть динамика, поиск. Илья, искренне желаю тебе победы!

Алёна Барышникова, Санкт-Петербург

Стихи Ильи Брагина сильные, пронзительные, со своей нотой... В своих стихах он часто обращается к Богу. И, наверное, эта исповедь требует больших нравственно-этических устоев. Через себя поэт показывает, каким должен быть человек, он показывает себя искренне, а это самый дорогой талант и в наше время особенно. Поэзия – это дар, быть может, наиболее неосязаемый и невесомый. И все же те, кто играет хитросплетениями слов, могут на время почувствовать себя Творцами.

Анна Стрельцова, Санкт-Петербург

Илья, Вы великолепны! Такое удивительное чувство прекрасного, такая чистота и тяга к возвышенному! Я в восторге от звучания и ритма. Такой искренности, теплоты и чистоты порой очень не хватает и в стихах, и в жизни. Искренне желаю Вам победы! Илья, спасибо, что Вы есть!

Содержание

Адрей Балабуха. Поэт как капля океана 5

Из книги «ЦВЕТНЫЕ СНЫ»

«Мне не нужно трибун...»	13
«Как не пропеть Творцу хвалебный гимн...»	14
«Ангел мой, повремени...»	15
Екклесиаст.....	16
Напутствие.....	17
Полнолуние.....	18
«Мной найдена чудная подоплека...»	20
Посвящение Анне Ахматовой.....	21
Полю Верлен. Из цикла «Песни души».....	22
Печальное.....	24
«Печальна жизнь и радостно отчаянье...»	25
«Лунный свет, как парашют...»	26
«Ко мне пришла, пошатываясь, Осень...»	27
«Подведем итоги: я смят, раздавлен...»	28
«Мне кажется, что я уже воскрес...»	29
«Мы пойдем с тобой неспешно...»	30
«Ладно, больше не хнычу, не плачу...»	31
«Когда пришло на землю лето...»	32

Мизансцена.....	33
Зарисовка.....	34
«Когда один я, и вокруг мерцают...»	35
Павловский парк.....	36
Недоговоренность	37
Чаепитие	38
Восточка	39
«Лицо твое забыл...»	40
«Из тех времен до нас дошел торшер...»	41
«О, маркиза! Я пишу вам из Лондона...»	42
Артюр Рембо. «Пьяный корабль»	44
«Золотые мои князья...»	48
«Помолитесь, друзья, за поэта...»	49
«На движение призванный...»	50
«Так лучезарна жизнь...»	51
«Хвалу Всевышнему пропеть я не берусь...»	52

Из книги «КРАЕШЕК ЗЕМЛИ»

«Ничто, мой друг Меркуций, на земле...»	55
«Ты сидел на краешке земли...»	56
«Темный сад, освещенный луной...»	58
«Словно озеро – тихие думы...»	59
Песенка	60
Дао	61
На прогулке	62
Гроза	63
В лесу	64

«Осень. Бог оделся в хаки...»	65
«Поговори со мною неспроста...»	66
«Ты сегодня пришла, чтобы пасть...»	67
«С пристрастием древнего факира...»	68
Несравненная	69
«Появляешься ли в зеркале ты...»	70
«Я выполнил свой долг перед тобой...»	71
«Я не верю в любовь, я не верю в мечту...»	72
«Тусовался я с душой...»	73
Инок	74
Соло	75
«Если я – человек, почему я не нужен...»	76
«Мне мир не снится. Я его читаю...»	77
«Мы все в плену, в плену греха...»	78
Память	79
«Неба синь. И за синью Арина...»	80
Элемент вода	81
Прыжки с парашютом	82
Полет над землей	84
Умиротворение	86
«Чтоб мысли были ясными...»	87
Домой!	88
«Молнией пронесся дождь весенний...»	89
Музе	90

Из книги «ЧТО-ТО ТАЙНОЕ В НАС...»

«За праздной повседневной суетой...»	93
«На небе я увидел облака...»	94

Душа	95
Имярек	96
«Детство уходит, но остается...»	98
«Как бы...»	100
Разговор	102
«По старинке я по саду брожу...»	104
Ночь	105
«Целовался я с озером летом...»	106
Ветер	107
«Добыв приличный маршрут в лесу...»	108
«Я по лесу бродил, как должник...»	110
«Луна, как слизень, облако проела...»	111
«Лес молчит. А деревья гудят...»	111
«Лес опечален осенью слегка...»	112
...Снова бабье лето	113
Смех и плач	114
«Накануне большой войны...»	115
Иллюзорность бытия	116
Одиночество	118
Воспоминание	119
«Я крикнул Солнцу...»	120
«Слышу сквозь шорох...»	122
Четыре стихии	124
Тайна	125
«Небо пришло и представилось...»	126
«Сомненьем мал, но мудростью ничтожен...» ...	128
«Ты смотришь трезво на людей...»	129

«Тебя простил я слишком бодро...»	130
«Я жил совсем не так, как нужно...»	131
«Я долго тосковал по небесам...»	132
«Разбросаны по всем дорогам мира...»	134
«У друзей права...»	135
Толпа	136
«Дуют тлетворные ветры...»	138
«Я шел по улице. Светились фонари...»	139
В Александровском парке	140
Моей собаке	141
Закон случайных чисел	142
«Ты позвонила в трудный день...»	144
«Снег идет, и чумную хандру...»	145

Из книги «Я ПЛАЧУ ТИХО О ЛЮБВИ...»

«В моей России есть березы...»	149
«Мерцает суть на кончике лучины...»	150
«Как нелепо иной раз молиться...»	151
«Когда б все было просто, невозвратно...»	152
«Мои ненужные мгновенья...»	154
«Кому-то можно быть поэтом...»	155
«Я шел за тобой, беда...»	156
«Мой диван и свет иконный...»	157
Засыпание	158
«Сомнений дух меня тревожит...»	159
«Я в церкви вижу не свечей огарки...»	160
Плач	161

«О Боже, помоги мне жить в раю...»	162
«Христианское вино. Души томление...»	164
«Покуда в наши дни война...»	165
«Когда устанешь ты от хруста...»	166
«Опять молитвы, слезы...»	167
«Залогом мудрости была мне плоть Твоя...»	168
«Я зашел по дороге в храм...»	169
«С врагом невидимым сражение...»	170
Песнь волхвов	171
Перед иконой	
1	172
2	173
«Суфийский дух не любит треволнений...»	174
Из псалмов Давидовых	
Псалом 21	175
Псалом 18	178
Страстной четверг	179
«Словом нас Господь создал из праха...»	182

Из книги «ЖИТЬ МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЮ»

«Я не воск, чтобы таять легко...»	185
«Я помню тот вечный вечер...»	186
«Я жалобно вышел в стужу...»	187
«Наст на снегу как парафин...»	188
«Здесь, в парке, жизнь намного лучше...»	189
«Впрягусь в оглобли Солнца...»	190

«Добротно почки раскрывающий Апрель...»	191
Тридцатое апреля – словно шлюз.	192
И снова на даче	
1	194
2	195
3	196
4 Купание	197
5	198
6	199
Полчаса	199
Портрет	201
«Нева раскрылась ото льдов...»	202
«Тебя любил я угловато...»	204
«А я люблю тебя за отрешенность...»	205
«Дождь льет, как из ведра...»	206
«Вечер, проведенный с тобою вдвоем...»	208
Привидение	210
После дождичка в четверг	212
Размышления Фауста	214
«Не писал я давно...»	215
«Бог не явился. Я не спал...»	216
Заветное лицо	217
«О, не ругайтесь на поэтов!»	218
«От жизни, я словно от браги...»	220
«К сведенью опоздавших...»	222
«Еще не распета наивность...»	224
«Я буду жить по правилам...»	225
«Жизнь не раз давала мне под дых...»	226

«О, Господи, не осуди мой крест...»	228
«Посетила сегодня истома...»	230
«Пленная душа разве алчет власти?»	231
«Мятежен дух, познавший славу Бога...»	232
Счастье	233
«Моя душа, пройдя боренья...»	234

Из книги «ЖДУ ТЕБЯ НА НЕБЕСАХ»

Снег	237
«Я – трава. Я согреюсь снегами...»	238
«Зимой душа заиндевела...»	239
«Вечер. В парке с собакой прогулка...»	240
«Морозный воздух. Снега тайна...»	241
«Меня похитила любовь...»	242
«Ты ускользаешь, словно сочетанье...»	243
«Мой ангел, доверь мне свои атрибуты...»	244
«Если видеть тебя...»	245
Боль	246
«Твоя холодная рука...»	247
«Простить? Какого черта! Нужно...»	248
«Я помню странную науку...»	249
«Прошу, зайти мне в душу...»	250
«Дача. Печка. Кружка чая...»	251
«Ты помнишь музыку печали?»	252
«Постигая дымящее свойство любви...»	254
«Луна на небе – молоко...»	255
«Твой я не был весь...»	256

Из книги «Я ПУТЕШЕСТВУЮ В МИРАХ»

Мой дом	259
Разбор некоторых насущных понятий	260
«День – как рисунок в мозгу Рафаэля...»	262
Кайрос и Хронос	263
Здесь	264
Я путешествую в мирах	265
«Я лениво вдыхаю облака...»	266
«Радость спрятана в скорбь...»	267
Роль	268
Там...	270
«Я верил в повседневность боли...»	272
«О, сколь ни странствуй по мирам...»	272
«Мерцание лампы...»	273
Счастливый день	274
«Ко мне приходят двойники...».	276
«У окошка кресло-качалка...»	277
«Топчусь на месте, не имея сил...»	278
«Закури сигарету в тихом дачном раю...»	279
За миг до поцелуя	280
Бесконечность	282
«Я падаю в омуты памяти...»	283
Игра	284
Вечер	285
Ночью	286
Ремесло Бога	287
За грибами!	288
«Не верю в призрачность навета...»	289

«На стекле – дорожки каплями дождя...»	290
«Бытие, наполняющее меня собой...»	291
«Ангел прибыл с важным донесением...»	292
«Мы, препираясь, тосковали...»	293
Раздумье	294
Размышления под звездным небом	295
«Наблюдая войну, ту что мы вели...»	296
«Благодарю за мир духовный...»	297

Из книги «Я ИГРАЮ С ПАМЯТЮ В ПРЯТКИ»

Городу моей юности	301
«Шумит симфония дождя...»	302
«Я играю с памятью в прятки...»	304
Перед фотографией	305
Отцу	306
«Дай мне поверить в призрачность навета...» ...	307
Молитва за врагов	308
«Мне хочется быть человеком...»	309
«Эпоха не похожа на сегмент...»	310
«Судьбы пасьянс уже разложен...»	311
«Но истин много...»	312
«Чтоб истину добыть – три пота нужно...»	312
«Судеб мало на земле. Так – встречаются...»	313
«Паука я убил. И судьба разозлилась...»	313
«Мечусь меж Богом и собой...»	314
«Перед сном собираю все козыри...»	315
«Мир на землю сошел...»	316
«Глупышка нежности прекрасна!»	317

«Ты приходишь, и верою ухожу я в тебя...»	318
«Я в недра твои не смотрю...»	319
«Принеси мне горстку звезд...»	320
«Вороненая сталь налетает...»	321
Никчемность	322
«Волшебства взыскупя, посмотрел я в очи...»	324
«Десятки раз я говорил себе...»	325
Надежда	326
Мы	327
В монастыре	
1	329
2 На исповеди	330
3	331
Разговоры с Богом	
1	333
2	333
3	334
4	334
5	335
6	335
7	336
8	336
9	337
10	338
11	339
Об авторе	340
Комментарии к подборке стихов И. Брагина ...	341

Илья Борсович Брагин

Избранное

Редактор Татьяна Громова
Технический редактор Игорь Тульский
Корректор Андрей Дмитриев

ООО “Аура Инфо”

Сдано в набор 10.07.2011
Подписано в печать 07.08.2011
Формат 60x90_{1/32}
Тираж договорный